

Василий
ГОЛОВАЧЕВ

ГРАНДМАСТЕР РОССИЙСКОЙ ФАНТАСТИКИ

БЕСКОНЕЧНОСТЬ
НЕ ПРЕДЕЛ

Впервые вся трилогия о числонавте Прохоре Смирнове в одном томе!

Гиганты фантастики

Василий Головачев

Бесконечность не предел (сборник)

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Головачев В. В.

Бесконечность не предел (сборник) / В. В. Головачев — «Эксмо»,
2017 — (Гиганты фантастики)

ISBN 978-5-04-089698-1

Математик Прохор Смирнов овладевает секретными свойствами чисел и форм и путешествует по различным мирам, порой весьма экзотическим и радикально отличающимся от нашей реальности. Его путешествия дестабилизируют некоторые из миров и несут серьезную опасность для грандиозных планов Владык Темных Бездн. За Прохором начинается поистине глобальная вселенская охота... Передышка между боями не равна перемирию. Да и не может быть никаких договоренностей с теми, кто хочет изменить Мир, изъяв из него правду и добро и заменив их кривдой и черным злом. Но даже эта передышка оказывается короткой. Хватит ли у числонавта Смирнова сил на этот путь, не знает ни он, ни его друзья и соратники, которые стали теперь главной мишенью атаки Владык, решивших во что бы то ни стало проникнуть в Первомир и раз и навсегда изменить законы Бытия...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-089698-1

© Головачев В. В., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Вне себя	5
Глава 1	5
Глава 2	45
Глава 3	99
Глава 4	144
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Василий Головачёв

Бесконечность не предел (сборник)

Вне себя

Я – обезумевший в саду предвечных числ.

Э. Верхарн

Конец света заключён в нас самих.

Ч. Айтматов

Довольно сказать, что в ту пору во внутренних областях Венгрии тайно, но упорно верили в переселение душ.

Э. По. Метценгерштейн

Этот мир, – он на ваши похож,

Но один только я в него вхож.

М. Немченко. «Закатное»

Глава 1

Одиннадцатый

Я – обезумевший...

Добраться до космодрома в Плесецке оказалось легче, чем выбраться с его территории.

Ничего не предвещало беды, когда Прохор появился на космодроме в составе комплексной исследовательской группы Министерства обороны и Академии наук, однако стоило ему встретить взгляд бригадира пусконаладочной бригады первого пускового центра (из шести существующих) для испытаний ракетно-космических аппаратов лёгкого класса, куда прибыла группа, как он сразу понял, что его нашли.

– Рад вас видеть, – сказал бригадир по фамилии Шепотинник, обращаясь почему-то лично к Прохору, – мы уже ждали.

Члены группы, состоящей из титулованных инженеров и учёных, приняли его приветствие как стандартную формулу знакомства, но Прохор уловил в словах Шепотинника некий ёрнический подтекст и начал соображать, что делать в этой ситуации. Ждать его могли разве что Охотники, вычислившие траекторию передвижения формонавта, а встреча с ними не сулила ничего хорошего.

На самом деле он не знал, кем они себя именовали: название Охотники Прохор придумал сам в соответствии со своими впечатлениями и умозаключениями. Главное, что они охотились за ним, зная его способности переходить из мира одной формы в мир другой. Остальное не имело значения.

В двенадцать поехали смотреть на ракету, покрытую новейшим материалом рустелсом, делавшим её почти невидимой для радаров вероятного противника.

Основные характеристики рустелса рассчитывал Прохор, что и делало его героем дня: плёнка-«невидимка» действительно поглощала и преобразовывала отражённый сигнал радара таким образом, что объект исчезал из поля зрения зенитно-ракетных систем.

До разработки рустелса Прохор рассчитывал не менее экзотические вещи, необходимые промышленности и социуму, в том числе суперлипучки-геккоиды, сверхтвёрдую и вязкую одновременно броню, сверхскользящий «абсолютный лёд», феррофлюиды, и везде находил новые революционные решения. Поэтому люди, понимающие толк в таких вещах, проявляли к нему интерес и уважение.

И пригласили его на космодром больше из этого уважения, чем из необходимости: математикам у рассчитанных ими ракет делать было нечего.

Обошли пусковой стол номер один.

Прохор то и дело ловил на себе взгляды бригадира наладчиков и всё никак не мог найти вариант действия, позволявшего ему избежать прямого контакта с Охотником, вселившимся в личность Шепотинника. Решение пришло неожиданно, когда один из членов группы, технолог Центра Почиковский, пожаловался на резь в животе.

– Съел, наверно, что-то, – признался он виновато, кривя гладкое, без единой морщинки лицо, – в самолёте.

– И меня мутит, – подхватил Прохор, прижимая руку к животу. – Неужели траванулись самолётной кухней? Вы что ели?

– Рыбу...

– И я тоже!

– Чёрт, не вовремя, – поморщился завлаб из «Осколково», профессор Чудинов, он же – непосредственный начальник Прохора. – Нам через час предстоит беседа с конструкторами ракеты.

Прохор постарался сделать лицо мученика.

– Болит, зараза!

– Не хватало приступа на ПУ, – проворчал главный энергетик группы. – А если они получают какой-нибудь заворот кишок? Аптечка не поможет.

– Ладно, сейчас вызову местных эскулапов, – вздохнул Чудинов.

Почиковского и Прохора оставили в гостинице Плесецка на попечение штатного врача комплекса, и группа снова отправилась на космодром.

Больных препроводили в амбулаторную комнату гостиницы.

Поскольку Почиковский не симулировал недомогание, врач по подсказке Прохора занялся сначала им. Сам же Прохор сделал вид, что изучает схему космодрома, выданную ноу-том нового поколения, с объёмным экраном и виртуальной клавиатурой.

Разумеется, историю Плесецка он знал, так как специально готовился к поездке. Ему и в самом деле было интересно взглянуть на третий по величине и пропускной способности российский космопорт, после Байконура и «Восточного», запустившего первые корабли ещё в две тысячи шестнадцатом году. Но Плесецк отличался от них тем, что запускал в космос, во-первых, лёгкие ракеты со спутниками разных модификаций, а во-вторых, имел специальные пусковые установки для экспериментальных аппаратов, в том числе военного назначения.

С него стартовали и многократно проверенные «Рокоты», и «Циклоны», и «Союзы», и недавно проявившие себя модули многоразового использования под названием «Гиперборей». В 2030 году Россия продолжала лидировать по количеству космических запусков и самостоятельно создала марсианский корабль «Русь-Арес», совершивший полёт в 2025 году.

В настоящий момент – Прохору выдали полный пакет информации по запускам – «Русь-Арес» готовился к очередному полёту к Марсу, но стартовать он должен был с космодрома «Восточный», расположенного в Амурской губернии.

Плесецкий же космодром перешёл на автоматы.

Ракета «Север» класса «лунник» должна была взлететь уже на следующий день, двадцать второго мая, аккуратно в день святого Николы Угодника.

– Похоже на отравление некачественным продуктом, – сказал врач, осмотрев технолога в присутствии Прохора. – Можем сделать промывание желудка.

– Не надо! – испугался вихрастый Почиковский, зелёный больше от переживаний, чем от недомогания. – Таблетками обойдусь.

– Самое простое при отравлении – заглотать пол-литра слабого раствора марганцовки и вырвать. Потом сделать капельницу и деинтоксикационную блокаду.

– Таблетки есть какие-нибудь?

– Я бы посоветовал фуразолидон, что-нибудь ферментоидное, например фестал, но опять же лучше сначала сдать анализы. Надо ехать в стационар.

– Некогда мне сдавать анализы, давайте марганцовку. И фестал.

Врач с сомнением посмотрел на технолога, но перечить не стал. Сделал розовенький раствор марганцовокислого калия, дал больному.

– В туалет. – Обернулся к Прохору: – Теперь займёмся вами.

Прохор закрыл ноут, начал было жаловаться на тошноту, однако врач оказался опытным специалистом и занялся своим делом, не обращая внимания на жалобы пациента.

Прохор понял, что его сейчас разоблачат, усилием воли поднял давление с нормальных 120/80 до 200/40.

Врач посчитал пульс, померил давление, озабоченно сдвинул брови.

– Батенька мой, вам надо немедленно на обследование. Это не отравление.

– А что? – робко спросил Прохор.

– Сердце шалит. Инфаркты были?

– Не было.

– В первый раз такое давление?

– Ну, иногда случалось, адельфан пил...

– Спортом занимаетесь?

– В футбол поигрываю.

– Странно, выглядите вполне здоровым, а сердце ни к чёрту. Я сделаю вам укол бикардина и папаверина с платифиллином. Давление мы снимем, но вам всё равно придётся идти к врачу.

– Понял, пойду, конечно.

Из туалета донеслись характерные звуки, затем ругань: Почиковского вырвало.

Врач налил ещё один стакан раствора марганцовки, отнёс в туалет, вернулся, сделал укол Прохору в предплечье.

– Вот мой телефон, звоните, если что.

По руке разлилось тепло.

Пытаясь мысленно-волевым усилием нейтрализовать действие введённого препарата, Прохор направился к выходу из амбулаторного кабинета, но вернулся.

– Справку дадите?

– Какую справку? – не понял врач.

– Начальство у меня строгое, нужно будет объясняться.

– А-а... напишу диагноз, если хотите.

Врач достал бланк, сделал запись, подал Прохору.

– Этого хватит?

– Спасибо, я надеюсь.

Из туалетной комнаты вывалился бледный Почиковский, вытирая рот салфеткой.

– Какая гадость эта ваша заливная рыба! Как дела, коллега?

– Сердце, – уныло развёл руками Прохор. – Придётся полежать.

Взгляд специалиста из Центра ему не понравился.

Буквально минуту назад этот человек казался совершенно больным, неспособным работать и думать о чём-либо кроме боли в животе, но вышел слишком энергично, глаза его заблестели, и означало это одно: в него вселили Охотника!

Прохора обложили! А помочь ему мог только он сам, потому что друг Дан Саблин, спец по выживанию и тренер Прохора, находился в данный момент в Суздале.

«Бежать! – мелькнула торопливая мысль. – Как можно дальше отсюда! Пока есть возможность списать всё на сердечный приступ».

В номере он побросал в сумку бритву, принадлежности для чистки зубов, уложил рубашки и треники, хотел закрыть сумку и вовремя остановился, обострившимся слухом уловив приближающиеся к номеру шаги. Раскрыл сумку, прислушиваясь.

В дверь постучали.

Он вывалил из сумки вещи, взялся за живот, открыл дверь.

На него смотрел Почиковский, кривя губы.

– Как вы?

– Плохо, – прохрипел Прохор, – разложу вещи и лягу. Скорее всего, придётся лечиться в больницу.

Почиковский бросил взгляд на кровать в номере, по которой были разбросаны вещи Смирнова, кивнул.

– Буду у себя, стучите в стену, если станет хуже.

Дверь закрылась.

Прохор прислушался к звукам в коридоре, быстро собрал сумку, бесшумно открыл дверь и, не закрывая, чтобы не щёлкнул замок, проследовал по ковровой дорожке к лестничному пролёту. Почиковский убедился, что он серьёзно болен, и какое-то время будет уверен, что сосед находится в гостинице. Этим надо было воспользоваться.

– Мне бы на вокзал, – робко сказал Прохор администратору, протягивая ключ от номера.

Вот тут он и узнал, что выехать с территории Мирного, центра Плесецкого космодрома, очень непросто, несмотря на то что город перестал подчиняться военным. Лишь после того как он показал выписку врача и сослался на больное сердце, ему удалось уговорить гостиничное начальство дать машину, чтобы доехать до железнодорожного вокзала.

Оттуда он позвонил Чудинову:

– Марк Сергеевич, у меня сердце прихватило, врач сделал укол и велел немедленно лечиться в больницу на обследование.

– Этого нам не хватало, – расстроился заведующий лабораторией метаматериалов. – Завтра пуск.

– Врач требует...

– Да понял я, чего могу сказать.

– Справитесь без меня, я всего лишь математик.

– Ты без пяти минут мой зам. Ну, лежи, через пару часов вернусь и навещу.

Прохор хотел сказать, что возвращается в Суздаль, но прикусил язык.

Бригадир Шепотинник наверняка спросит у профессора, где его сотрудник, и когда тот ответит, что Смирнов лежит с сердечным приступом, тревогу поднимать не станет. У беглеца был небольшой люфт во времени, чтобы оторваться от преследователей, и надо было этот люфт использовать с умом.

Но в поезде Прохор не поехал, заметив в зале двух молодых полицейских, присматривавшихся к пассажирам.

Было ясно, что Охотники постепенно затягивают петлю на его шее, и единственным способом избавиться от них было немедленное бегство из города. Оставалась надежда, что носители программ Охотников не имеют свободы передвижения как обычные люди, которые жили

по своим законам и решали свои задачи, поэтому Охотники вынуждены будут искать новых носителей из числа людей, знающих Прохора Смирнова.

На автостанции ему повезло: один из водителей маршрутного такси, собиравшийся сдавать смену, согласился подвезти мужчину в летнем джинсовом костюме до ближайшего посёлка на трассе Мирный – Архангельск, и через час Прохор вышел из маршрутки на остановке с указателем «Дворики».

Маршрутка уехала.

Прохор позвонил Саблину, объяснил ситуацию.

– Я тебя заберу к вечеру, – пообещал Данимир. – Сможешь там где-нибудь перекантоваться?

Прохор оглядел домики посёлка Дворики, но выбирать было не из чего, и он ответил как можно уверенней:

– Попробую.

– Созвонимся. – Голос Саблина пропал.

Как он собирался добираться до Плесеца из Суздаля, было непонятно, однако если друг обещал, то всегда выполнял обещанное.

Прохор вздохнул и двинулся искать приют до вечера.

Вопреки сомнениям его впустили в первый же дом, стоящий на краю посёлка, на опушке леса, в дверь которого он постучал.

Владельцами оказались милые старики, возившиеся на приусадебном участке, на котором умещались огород и небольшой сад.

Спрашивать у гостя, кто он такой и почему решил навестить Дворики, они не стали.

– А заходи и располагайся, мил-человек, – густым басом сказал кряжистый, седой, с простым русским лицом хозяин дома; звали его Никитой Ивановичем. – Мы-то уже поели, но стол накроем.

– Мне бы чайку, – стеснённо сказал Прохор. – А если позволите, я побуду у вас до вечера.

– Да хоть и до утра, – пожал вислыми плечами Никита Иванович, провожая нежданного гостя в дом, возраст которого явно перевалил за сто лет.

Прохору показали двор, провели в комнатку с настоящим деревянным топчаном: «Можешь прилечь, мил-человек», напоили чаем с ежевичным вареньем и вернулись к своим делам. А он, послонявшись по дому, вдруг решил поискать пристанище и в мирах с другими Ф-превалитетами, как он называл слои Вселенской «матрёшки». В некоторых из них он уже давно стал «своим».

Впрочем, потому за ним и двинулись Охотники, выполняя приказ своих властителей нейтрализовать человека, осознавшего суть Числа и Формы как предпосылок Бытия, интуитивно разработавшего универсальный алгоритм перехода число – форма и ставшего формонавтом – путешественником по «оболочкам матрёшки», проникающим друг в друга.

Его предупредили, когда он впервые вышел за пределы своего Ф-одиннадцатого мира и испытал шок, узнав, что Вселенная устроена гораздо сложнее, чем он думал, и подчиняется базовым числам и геометрическим формам. Но Прохор тогда не понял, что он – угроза существованию «Ада» – Мира Бездн, по большей части иллюзорного и даже виртуального, а когда понял, было уже поздно: за ним началась охота.

Убедившись, что хозяева копаются в огороде, он поудобней улёгся на топчане, сняв туфли, и принялся созерцать эргион, помогающий сосредоточиваться на переходе.

Эргион – объёмный информационно-энергетический модуль размером с кулак, представлял собой «гроздь» многогранников один внутри другого: одиннадцатигранник внутри гептаэдра, тот внутри куба, куб внутри декаэдра, и так далее. Но просто красивой геометрической безделицей он не был, на самом деле гармонизируя все виды полевых структур вокруг себя, а также магнитных и торсионных полей с биополем человека, и позволял почти без усилий

погружаться в транс и выходить за пределы трёхмерия в организованные другими базовыми числоформами пространства.

Перед глазами соткалось из света лицо Юстины, нежное и в то же время решительное: губы девушки улыбались, глаза смотрели прямо, дерзко и уверенно.

Проход зажмурился, произнося её имя.

По сути, именно из-за неё он и стал формонавтом, решив найти тот Ф-мир, где бы девушка любила его, ну, или хотя бы того, кто в той реальности был носителем личности Прохора Смирнова. Однако до сих пор подобное сочетание обстоятельств ему не встретилось, а ведь он опускался и до глубинных Ф-превалитетов, где законы физики подчинялись четырёх-, пяти- и шестизначным числам.

– Юстя...

Эргион под рукой «мурлыкнул» и стал горячим.

Сознание вылетело из тела, устремилось в иные дали...

Гости из бездн

Плесецкий космодром располагался на холмистой равнине, поросшей перелесками и кустарником. Пусковые установки для старта ракет органически вписывались в этот пейзаж и не портили его, несмотря на всю феерическую технологичность гигантских сооружений. Мало того, в ясный солнечный день они становились яркими, светоносными, ажурно-космическими, и немало гостей космодрома невольно задерживали дыхание, рассматривая стоящие то тут, то там фермы и серебристые стрелы ракет, чтобы потом восхищённо цокнуть языком: феноменально!

Однако бригадиру пусконаладочной бригады первого стартового комплекса Шепотиннику было не до созерцания местных пейзажей. Встретив у капонира управления группу учёных из «Осколково», причастных к запуску военного модуля «Сюрприз», он отвёл в сторону руководителя группы профессора Чудинова:

– Вас должно быть семеро, а я вижу пятерых.

– Почиковский и Смирнов отравились чем-то, – развёл руками бородатый благообразный Чудинов. – Остались в гостинице, им вызвали врача.

– Вы с ума сошли?! – Шепотинник, сухой, жилистый, носатый, потерял дар речи. – Кто вам позволил оставить Смирнова одного?!

– Он отравился... позвонил недавно... сердце прихватило.

– Какое сердце?! По моим данным, он здоров как бык! Зря мы, что ли, напрягались, чтобы его сюда вызывать? На кой ляд нужен математик на старте?! Чтобы полюбоваться запуском?!

– Ну, я подумал, мы всегда его сможем... – забормотал Чудинов, бледнея.

– Он догадался, парень не дурак! Ладно, идите к своим. – Шепотинник отошёл, взялся за мобильный айфон. – Леопольд Леонидович, где Смирнов?

– У себя в номере, – ответил тенороч Почиковского. Я к нему заходил, собирается лечь в больницу. Врач чуть ли не инфаркт у него обнаружил.

– Какой инфаркт! Он провёл вас с профессором, как сопливых пацанов! Следи за ним, я скоро подъеду. Вздумает выйти из номера – звони!

Группа спустилась в бункер.

Запуск нового ракетного модуля «Сюрприз» был важен не только для лабораторий Центра «Осколково», но и для других ведомств, разработавших для него компьютерное обеспечение и ряд приборов, поэтому от удачного запуска ракеты ждали многого.

В бункере собрались два десятка человек. Трём-четырёх из них удалось пристроиться за пультами управления перед объёмными дисплеями, остальные сгрудились за двумя лини-

ями аппаратных стоек и, беседуя, посматривали на большой трёхметровый экран, казавшийся огромным окном в стене помещения, открытым в сторону стартовой позиции.

Шепотинник подозвал помощника:

– Сергеич, после тестового контроля заведи бодягу часа на полтора, расскажи пару историй.

– А ты? – задал вопрос флегматичный помощник.

– Меня вызвали секретчики, что-то их беспокоит.

– Хорошо, сделаем.

Бригадир, одетый в спецкомбинезон, как и остальные работники космодрома, вылез из бункера, снова взялся за телефон.

– Что у тебя?

– Всё тихо, – ответил Почиковский. – Поторопись, а то худо мне, носитель, этот бездарь-технолог, и в самом деле мается животом, сажу в туалете.

– Скоро буду.

Шепотинник вызвал электрокар, добрался до пропускного пункта и пересел в новенькую «Мазду», которая домчала его до центра Мирного за полчаса.

У гостиницы его встретил суетливый, прячущий глаза Почиковский.

– Он исчез!

Шепотинник раздул ноздри выдающегося носа.

– Что за шутки? Как это исчез?! Ты же говорил, что он слёг с сердечным приступом.

В ставших чёрными и блестящими глазах технолога всплыли злобные огоньки.

– Надо было подыскать мне другого носителя, тогда я бы его не упустил.

– Офигеешь с вами! – Бригадир оскалится. – Подробности!

– Идиот-администратор сжалился, не стал запрашивать службу безопасности, дал ему машину.

– Куда?

– Уверяет, что постоялец направился на жд-вокзал.

Шепотинник поднёс мобильный к уху:

– Тимошенко, на вокзал! Ищи Смирнова!

Почиковский, нервно теребивший край воротника рубахи, схватился за живот.

– Проклятье! Мне надо в туалет.

– Потерпишь.

– Не могу, мне потом так и ходить обосранным?

– Беги, – брезгливо махнул рукой Шепотинник.

В настоящий момент обоими владели Охотники, внедрившиеся в сознание людей и управлявшие их действиями, но при этом тела носителей оставались человеческими и подчинялись всему психофизическому и физиологическому наследию людей.

Шепотинник зашёл в гостиницу, поговорил с администратором, связался с третьим членом группы преследователей, вселившимся в начальника УВД Плесеца.

– Как успехи, полковник?

– Пока ноль, – ответил Тимошенко. – На вокзале его нет.

– Уехал?

– За это время прошёл только один поезд на Архангельск, в него он не сел, это точно.

– Объявите розыск.

– Делается всё, что надо.

– Общайте автовокзал, аэропорт, выездные дороги.

– Сам знаю.

Шепотинник пожевал губами, раздумывая, какое распоряжение дать ещё, но не придумал и выключил айфон.

В холл гостиницы спустился Почиковский, кусая губы.

– Зря меня втиснули в это тело, лучше бы в собаку... или в женщину.

– Почему в женщину? – не понял Шепотинник.

– Они более выносливы.

– Глубокое замечание.

– Но это верное суждение, существует даже общественное мнение на этот счёт.

– Общественное мнение ещё не статистика. Хотя я доложу Глыбе.

– Что будем делать?

– Ждать. Здесь есть кафе, пошли посидим, попьём кофейку, у нас такого нет.

Они направились в кафе гостиницы.

Однако ни через полчаса, ни через час от главы полиции города ничего существенного не поступило.

Прохора Смирнова, математика из научного Центра «Осколково», приехавшего из Суздаля в составе делегации инженеров и учёных для эксперимента с новым космическим модулем, найти нигде не удалось. Его не было на железнодорожном вокзале, не было на автовокзале и не оказалось в аэропорту Плесецка. Куда он делся после ухода из гостиницы, можно было только гадать.

– Видимо, у него здесь есть знакомые, – предположил полковник Тимошенко. – Он и остановился у них.

– Ищите, – угрюмо посоветовал ему Шепотинник.

– Что теперь? – приуныл Почиковский.

– Возвращаемся, – буркнул бригадир.

– Нас тут же перемодулируют. Засада была рассчитана плохо.

– Засада была рассчитана хорошо, а вот вы, господин Почиковский, сработали плохо.

Вас, скорее всего, и перемодулируют.

– Доложи, что я старался. А времени было мало.

– Пардон, коллега, как тут говорят: своя рубашка ближе к телу. Каждому воздастся по заслугам.

Почиковский бледно улыбнулся.

– Если удастся сохранить личину, я его зубами загрызу в Суздале.

– В Суздаль ещё попасть надо, там у него куча защитников. Мы уже почти два оборота не можем к нему подобраться. Всё, переходим.

Шепотинник и Почиковский, сидевшие за столиком у окна кафе, застыли. Глаза их на какое-то время стали прозрачными, бессмысленными, пустыми. Потом прояснились. Оба вздрогнули, начали с недоумением и растерянностью оглядываться.

– Какого рожна?! – проговорил Шепотинник ошеломлённо. – Шо я тут делаю?!

– Ничего не понимаю, – пробормотал, заикаясь, Почиковский. – Я же был в медпункте... у меня с животом проблема... Уже полпервого, мы должны быть в ЦУПе...

Шепотинник подскочил, меняясь в лице.

– Шоб я вмер! Через полчаса тестирование систем запуска! А мы тут прохлаждаемся! Живо в машину!

Оба заторопились к выходу, провожаемые удивлёнными взглядами посетителей кафе. Что с ними приключилось, почему они оказались далеко от космодромного комплекса, никто из них так и не понял.

В этот момент в большом зале со светящимся потолком и дымно-пульсирующими стенами, расположенном в недрах гигантского астероида, который плыл среди таких же каменно-металлических глыб вокруг Солнца, далеко за орбитами всех планет Солнечной системы, произошло событие.

В центре зала соткалось из световых лучей и тумана прозрачное кольцо, обросло деталями, превратившими его в сложное чешуйчато-решётчатое сооружение, похожее на кресло со множеством нависающих над ним гофрированных шлангов и ажурных яиц на усиках. Кресло опоясала наклонная полоса из голубоватого стекла с мигающими в глубине огнями и окошками. И вся эта конструкция окончательно стала походить на гипертрофированно-усложнённый модуль управления каким-то производством.

Через несколько мгновений после образования модуля вокруг него из пола стали бесшумно вырастать круглые прозрачные колонны, внутри которых проявились смазанные расплывчатые фигуры, не имеющие чётких форм. Колонны заполнили весь зал, превратив его в своеобразный геометрический стеклянный лес.

Ещё через несколько мгновений в кресле протаял из воздуха угрюмый гигант в сложном комбинезоне, напоминающий воина в доспехах и одновременно огромное насекомое, исполненное угрозы.

Гигант наклонился вперёд над «пультом», вытянул вперёд суставчато-чешуйчатые лапы, и полоса «пульта» потекла вокруг кресла струёй воды, из которой выныривали одна за другой светящиеся «рыбки» необычных очертаний.

Одна из них развернулась удивительной геометрической фигурой, в которой угадывались разнообразные многоугольники и многогранники. Люди назвали бы эту фигуру изображением Плеромы¹.

И тотчас же внутри двух ближайших к креслу колонн проступили очертания двух существ, отдалённо напоминающих ящериц, стоящих на задних лапах.

Впрочем, любой другой человек, случайно оказавшийся в этом месте, видел бы что-то иное, соответствующее своему опыту и воображению. Разве что попасть в данный ППК – пункт пограничного контроля – мог далеко не каждый. По меркам нынешних представлений о протяжённости космических расстояний, Землю и ППК разделяли сотни миллиардов километров плюс тысячи слоёв-оболочек «матрешечной» Вселенной. Потому что пункт контроля располагался не только физически – на окраине Солнечной системы, но и трансцендентально – в слое, сформированном числом 142857². Только этот слой и мог стать базой для материализованного узла ППК среди других «исчезающих-возникающих» пространств.

В тишине зала родилась странная мелодия, пронизанная скачущими, как железные шарики по каменным плитам, звуками и гроыханием.

Это был голос Глыбы – иерарха контроля, имеющего официальный статус Передающего Приказы. Речь, произнесённую им, можно было перевести как вопрос:

– Почему вы вернулись?

Ящерицы изменили форму, стали больше похожими на столбики дыма с осязательно массивными мордами земных варанов.

Раздалась очередь щёлкающих звуков, словно где-то под полом помещения застучали кастаньеты.

– Он разгадал замысел, – заявил первый «варан»; это был Охотник, внедрившийся какое-то время назад в личность бригадира Шепотинника в Плесецке.

– Владыки будут недовольны, – «кинул шарики» звуков Передающий Приказы. – Фигурант перехода Прохор Смирнов способен поколебать равновесие структур нижнего уровня.

– Не уверен. Если бы он был способен...

– Он просто не знает своих возможностей.

– Мы делаем всё от нас зависящее.

¹ Божественная полнота, термин греческой философии.

² Так называемое циклическое число; при умножении его на числа от 1 до 6 получается произведение, записанное теми же цифрами, переставляемыми в циклическом порядке.

– Не всё. Мы дали вам координаты, подобрали носителей, создали вектор намерений, определили характер ловушек, но вы не справились.

– Для захвата фигуранта нужны ещё носители, четверых мало. Нужен программный фактор, постоянно наблюдающий за фигурантом, необходимо организовать просачивание Охотников в его город.

– Мы уже засылали команду в Суздаль, её нейтрализовали.

– Поэтому и нужен наблюдатель.

– Хорошо, я передам Владыкам твоё предложение, Первый-Первый-Первый. Но твой напарник Второй-Второй-Второй не подготовлен должным образом, его надо перемодулировать.

«Варан» покрупней покосился на соседа.

– Он осознаёт свой уровень. Готов помочь ему. Но решение за вами.

«Рыцарь» в кресле закремел всеми своими «бляхами», «медальонами», усеивавшими всё тело, «вскипел» десятком чешуйчатых отростков, тут же убравшихся обратно в тело.

– Где вы потеряли Смирнова?

– Уверен, он ещё вблизи космодрома, – торопливо заговорил второй «варан», – я его чую. Ну, или близко от города. Разрешите продолжить поиск?

– Вы его уже упустили.

– Найдём!

– У него есть модуль перехода, отыщите и уничтожьте!

– Будет исполнено!

Передающий Приказы вырастил себе ещё две лапы, принявшиеся передвигать возникающие перед ним призрачные фигуры, символы и картинки.

– У вас четыре хронго... сутки – по времени одиннадцатого формофайла.

– Если он уехал в...

– Приказы не обсуждают!

Оба «варана» превратились в жгуты дыма, восстановились, вытянулись по стойке «смирно», прижав правые лапы к хищным мордам, вытянули вперёд левые лапы.

Из пола выросли бутончики света, превратились в конгломераты пронизывающих друга друга геометрических фигур, всосались им в лапы, и «вараны» исчезли.

Гигант «в латах» повертел жуткой бронированной головой, выискивая среди прозрачных цилиндров нужный, поднял все четыре лапы над «пультом»...

А едущие в «Мазде» бригадир Шепотинник и технолог Почиковский внезапно замерли, будто у них случился сердечный приступ, затем глаза их прояснились, и они обменялись понимающими взглядами.

– Долг верну, – раздвинул губы в кривой улыбке вихрастый технолог. – В ближайшее время.

– Надеюсь, – буркнул бригадир, дотронулся до локтя водителя. – Поворачивай обратно в город, Геннадий.

«Мазда» круто развернулась.

«Матрёшка»

Его можно было бы назвать эф-дайвером, то есть ныряльщиком в глубины бесконечного «океана» геометрических форм, являвшихся базой и мерой слоёв многомерной Вселенной.

С тех пор как Прохор научился погружаться в транс и объёмно соединять геометрические фигуры и цифры в знаково-семантические единицы для перехода к четырёхмерному структурно-композиционному восприятию, организовывать формоалгоритмический процесс обработки информации, он перестал удивляться происходящим вокруг переменам.

Сознание устремлялось сквозь формологические барьеры между слоями «матрёшечной» Мультивселенной и переходило в глубины психики родственного носителя, по сути – его же самого как личности – Прохора Смирнова, чья трансперсональная линия пронизывала все слои «матрёшки».

Началось всё с увлечения формологией, под которой он понимал науку о принципах проявления единого универсального кода Мироздания и человека. Формология занималась исследованием влияния геометрических форм и композиций на пространство-время, и Прохору как математику легко давались все структурные расчёты.

Вскоре он на основе анализа смыслоносущих форм информации получил возможность использовать базовые энергоинформационные формологические технологии организации мышления и корректировать основные жизненно важные событийные программы.

Затем пришло понимание того, как можно приводить сознание в состояние потока, проникающего в суть числа и формы.

Следующим шагом стало расширение спектра своих потенциальных возможностей. Прохор впервые в жизни погрузился в спектр числоформ и осознал, что такое комбинация «мысль – воля – решение».

Наконец, был создан эргион – объёмный геометрический модуль перехода «число – форма», способствующий подчинять глубокую энергетику организма. Начинал Прохор с моделей точных копий ракет и кораблей, затем начал создавать инфобиотоны – ажурные многогранники и их комбинации, играющие роль геометрических усилителей психофизических способностей, но эргион дал ему гораздо больше – возможность путешествовать по цифровой «матрёшечной» Вселенной, и, когда он впервые вышел в соседний слой «матрёшки», не покидая ни кресла, ни дома, ни города и вообще Земли, Прохор испытал сильнейшее потрясение, изменившее всю его дальнейшую жизнь.

Через полгода он уже спокойно, не испытывая шока, переходил из одного «измерения» в другое, находя своих «родичей» – Смирновых (изредка фамилии менялись, но смысл слов – генетическая трансперсональная линия – сохранялся), и мог наблюдать, как живут Прохоры в «соседних» числоформных слоях Мироздания.

Родился и жил он в Ф-превалитете, сформированном числом 11 и геометрией тетраэдра и додекаэдра. Поэтому архитектура строений его родного Суздаля, равно как и архитектоника всех земных сооружений, подчинялась стилю, который западные историки с конца XIV века назвали мануелином.

Конечно, русские зодчие привнесли в архитектуру своё видение мира – шатровое, теремное, *песенное*, но общие концепции готики сохранили и они.

В соседних слоях «матрёшки» действовали почти те же законы, но – слегка изменённые соответственно цифровой базе, отчего Прохора иногда изумляло то или иное открытие, связанное с поведением людей (в его реальности отсутствовала так называемая «шнобелевская» премия, и когда он узнал о её существовании – долго смеялся) либо с отсутствием каких-либо нужных технических устройств.

К примеру, в «десятом измерении», где основы бытия формировали число 10 и декаэдр, царил полная гармония, включая сферу человеческих отношений. В то время как число 11 было амбивалентным, отрицающим, по сути, абсолютное совершенство десятки, что порождало двойственность в использовании силы и как следствие приводило либо к очистительным духовным процессам, либо к разрушению порядка, к хаосу.

В девятом Ф-превалитете «командовала парадом» цифра девять, обозначающая совершенствование идеи и зарождение живого существа – ребёнка, а формы пространственной организации вырастали из трансцендентной сути многогранника, имеющего девять граней (число 9 представляло собой «программу» солнечного делания, несущего законченность и совершен-

ство): восемь восьмиугольников (равновесие форм) и один шестиугольник, обозначающий начало творения и взаимопроникновения.

В «десятке» Прохор Смирнов был изобретателем, а работал инженером в виртуальном конструкторском бюро, в «девятке» у него была фамилия Шаталов, и работал он тоже в КБ, но с «атомным уклоном»: рассчитывал варианты термоядерных реакторов типа «Толькомак».

За два месяца блужданий по «матрёшке» Прохор посетил почти два десятка «измерений» (он называл их Ф-превалитетами, хотя «по сути» это и в самом деле были измерения, так как их свойства порождались цифрами), и везде его появление вызывало шок у Прохоров, вдруг обнаруживающих внутри себя «божественный глас». Два из них даже обращались к врачам, после чего он надолго оставил свои походы в недра психик «родичей», пока не научился внедряться в них, не задевая сознания.

Однако совсем завязать с путешествиями по «цифровым» реальностям он не смог. Желание найти девушку, похожую на Юстину, а главное – любящую его, у Прохора не проходило.

Нырнув в «матрёшку» в доме гостеприимного Никиты Ивановича, Прохор сначала пошёл привычной дорогой, шагая по мирам с шагом в единицу.

В двенадцатом Ф-превалитете его «родич» Прохор Смирнов мирно спал.

В тринадцатом – обедал в ресторане с нешумной компанией сослуживцев.

В четырнадцатом за ним гнались на бронемашине, и Прохор, испытав тоскливое чувство разочарования и неуверенности, сбежал в семнадцатый Ф-превалитет. Число семнадцать считалось дающим надежду, способствующим заглянуть в будущее, а её формообразующим модулем был гептаэдр – символ мужчины, выражающий свою истинную природу в единении Духа и Материи.

Но и там у Прохора Смирницкого (такую фамилию он здесь носил) появились проблемы, жена ушла от него, он запил, а переживать смутные движения души пьяного «родича» Прохору «внешнему» не хотелось.

Тогда он и ринулся вниз по числам, перескакивая десятки и сотни, пока не остановился в Ф-превалитете, образованном числом 495.

Это число называлось постоянной Капрекара³ и порождало квазистационарную пространственную структуру, позволявшую не опасаться колебаний эфира «нижних» слоёв «матрёшки».

Носитель Я-личности Прохора в этом странном мире остался Прохором (не считая слегка изменённой фамилии – Смирноватый) и был очень похож на Прохора «внешнего». Всё остальное отличалось от того, что знал и видел Прохор в своей жизни.

Прохор Смирноватый из узла Капрекара 495 жил в Суздале, но работал сторожем зиндана – местного изолятора для мечтающих о свободе, что весьма озадачило формонавта. В его 11-м узле подобное было абсолютно невозможно.

В родном мире Прохора, сформированном под влиянием числа 11, которое «отрицало совершенное число 10», проявляя антагонизм, дуальность Мироздания, единство и борьбу противоположностей, революционное поспание всей законности, он мог свободно передвигаться по всей Земле, так как человечество в 2030 году отменило границы и визы.

В мире Капрекара-495 все страны «забаррикадировались» за политическими, а иные – за физически материализованными стенами, не доверяя друг другу ни на грош, поскольку миром управляла Партия Тотального Пиратства и ни о каком равенстве или свободе речь не шла.

Вынырнув в глубинах психики носителя имени Прохор, Прохор «внешний» не стал тревожить сознание «родича», чтобы не отвлекаться на «шизоидные» переговоры человека с самим собой. Для начала он затаился в психике Прохора Смирноватого и огляделся, постигая

³ Д. Р. Капрекар, индийский математик, рассчитал постоянную, названную «самопорождённым числом»; число 495 – одно из них.

особенности мира, в котором царила власть «самопорождённого» числа 495, через память и системы видения «родича».

Формообразующими фигурами в этом мире были тетраэдр, девятигранник и пентаэдр, что отражалось не только на архитектуре городов, но и на архитектонике всей природы.

Проявленная трёхзначной постоянной Капрекара реальность произвела на беглеца тягостное впечатление.

Он уже знал, что все миры с превалитетами выше тысячного больше напоминают ансамбли мыльных пузырей, прорастающие друг в друга вне чувственных сфер человека. И чем ниже – по возрастанию чисел – опускался формонавт, тем меньше материального и больше иллюзорного реализовывали числа и созданные ими формы.

Вселенная рождалась не просто многомерной, она рождалась многослойной, как русская матрёшка, и каждый слой подчинялся своим математическим законам (порождающим законы физические), своим формам, базой которых становились цифры от единицы до десяти, а потом дальше, и дальше, и дальше до бесконечности.

Вообще предпосылкой Бытия всегда была Форма, а первым его проявлением – Движение, названное впоследствии временем. Прохор с детства любил математику, с наслаждением вычерчивал проникновение друг в друга геометрических фигур, что и позволило ему после университета вникнуть в новую науку – формологию и постичь Рупа Дхату – мир форм, определяющий в «матрёшечной» Вселенной законы Бытия.

Несмотря на приличное числовое «расстояние», отделяющее одиннадцатипревалитетный мир Прохора от четырёхсот девяносто пятого мира Капрекара, в этой реальности всё казалось вполне материальным и плотным. Опираясь на свойства постоянной Капрекара – число 495 можно было с помощью шести итераций превратить само в себя – и разложить на базовые формы – тетраэдр, девятигранник и пентаэдр, порождённые цифрами 4, 9 и 5, мир Капрекара не «плыл сам в себе», являясь плотным и массивным. И неудобным. Потому что архитектура города в нём тоже подчинялась цифрам 4, 9 и 5, создающим впечатление массивности и гипертрофированного масштаба, подавляющего волю человека.

Это был Суздаль. Но если в 11-м превалитете Прохора он славился редким сочетанием памятников старины, древнерусского зодчества и строений в стиле хай-тек, созданных современными архитекторами из стекла, алюминия и новейших композитных материалов, *этот* Суздаль был конкретно *иным*: тяжеловесным, массивным, застроенным гигантскими по размерам храмами и церквями, придавленными такими же массивными и тяжёлыми крестами.

Монастыри поражали воображение циклопической кладкой, формообразующим элементом которой здесь являлись каменные тетраэдры весом до пяти тонн, а также странные вычурные многогранники, сохранившие природную форму кристаллизации минералов – пяти- и девятигранников.

Следственный изолятор, в котором работал местный Прохор, издали тоже казался монастырём, хотя вблизи больше напоминал каземат старинной крепости, способный выдержать удар межконтинентальной ракеты.

Побродив вокруг него «вместе» с «настоящим» Прохором, реальным и материальным в этом мире, Прохор-путешественник расслабился и решил не гнать лошадей. Если кто и преследовал его, то здесь, в узле Капрекара-495, это никак не проявлялось. Можно было в каком-то смысле отдохнуть.

Прохор-495, размышлявший не о смысле жизни во время обхода охраняемой территории, а о том, где бы провести следующую ночь, ни к какому решению не пришёл и побрёл в караулку попить горячего тхшаю.

Прохор-11 согласился в душе с этим решением. Захотелось послушать, о чём говорят люди в этом «измерении», а главное, узнать, существует ли у местного Прохора любимая женщина и кто она.

Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать

Данимир Саблин хорошо знал Прохора Смирнова.

Они были дружны с детства, так как родились в один год, год Крысы по восточному календарю, в одном дворе, учились в одной гимназии и даже в одном классе.

Потом пути их разошлись: Прохор поступил в Московский университет, закончил факультет прикладной математики, а Данимир Саблин пошёл по военной линии, закончил десантное училище, воевал в Дагестане, был ранен и в конце концов оказался в Суздальском Центре экстремального туризма, став тренером по выживанию. Тут старых друзей и свела жизнь плотнее, хотя и раньше они не порывали связи, изредка встречаясь в кругу приятелей. Тем более что Прохор давно увлекался рискованным туризмом и облетел чуть ли не всю Землю в поисках приключений. Жалел он только об одном: что не побывал пока на Луне.

В космос туристы летали уже давно, начиная с начала века, вокруг Земли даже обращался космический отель «Мир», запущенный Россией совместно с Европейским космическим агентством, но это путешествие не удовлетворяло желаний Смирнова, и Саблин его понимал: Прохору хотелось сильных переживаний и ярких эмоций, чего не могли дать ни полёт к «Миру», ни кратковременная невесомость.

Знал Саблин и другую сторону деятельности Прохора, увлёкшегося формологией и разработкой красивых ажурных многогранников, которые он называл инфобиотонами. До поры до времени это было хобби, но всё чаще Прохор упоминал в разговоре с Данимиром о своих формопутешествиях в иные «измерения», и всё больше увлекался жизнью за гранью родной реальности, сформированной, как он утверждал, числом 11.

И ещё один момент: Саблин знал о давних чувствах друга к девушке Юстине, с которой оба были знакомы с детства, и сочувствовал ему, так как Юстина Бояринова, кроме своей работы в Управлении полиции Суздаля, ничего и никого не любила. Да и особой была решительной и суровой. Правда, когда она улыбалась и шутила, что случалось нечасто, Саблин вполне понимал Прохора.

О том, что за другом началась охота, он узнал в апреле.

Всполошился, конечно:

– Какая охота?! Во что ты вляпался?!

Прохор, почесав затылок, признался:

– Сам не знаю, я занимался формологией, ты же знаешь... добрался до сотого Ф-превалитета... и наткнулся на Охотников.

– Каких охотников?!

– Это я их так назвал – Охотники. Эти твари внедряются в носителей – людей.

– Подожди, ничего не понимаю. Какие охотники? В кого они вселяются? Давай поподробнее.

Тут Саблин и узнал о существовании помимо «матрёшечной» Вселенной неких сил, которые Прохор назвал Владыками Бездн, и о системе контроля «матрёшки», олицетворяемой иерархиями контроля и Охотниками за формонавтами, то есть за людьми, самостоятельно уяснившими суть математической многомерности Бытия. А поскольку он был человеком инициативным, умным и дальновидным, имел среди влиятельных персон города немало друзей и учеников, поклонников боевых искусств, то смог быстро организовать нечто вроде секретной команды по охране Прохора, о чём сам формонавт не догадывался и продолжал спокойно заниматься своими изысканиями.

Правда, когда Охотники всплыли в Суздале, вселившись в брата Прохора, приехавшего из солнечной Грузии якобы в отпуск, чего никогда раньше не происходило (брат женился на грузинке двенадцать лет назад и в Россию не возвращался), Саблину пришлось всё рассказать

другу, надолго испортив ему настроение. Но брата надо было мягко «нейтрализовать», то есть выпроводить из города вместе с его напарником, и Смирнов в конце концов принял существующее положение дел, заставляющее его пристальнее вглядываться в людей, даже в тех, с кем он был знаком и дружен в течение многих лет.

Звонок Прохора из города Мирного, являвшегося административным центром Плесецкого космодрома, застал Саблина в здании Центра экстремального туризма, возглавляемого известным в прошлом стритрейсером Патрушевым. А так как Сергей Патрушев был, что называется, своим парнем и хорошо знал Саблина, он сразу согласился помочь ему добраться до самого северного космодрома в мире, которым считался Плесецк. Он даже не спросил, зачем туда понесло тренера Центра по выживанию.

Два звонка нужным людям сделали рейд в Плесецк предельно реальным.

Прохор позвонил в начале первого.

Уже в два часа дня Саблин подъезжал к военному аэродрому под Суздалем, откуда через двадцать минут после посадки поднялся в воздух «Суперджет» Министерства чрезвычайных ситуаций и взял курс на Плесецк.

Ещё через полтора часа самолёт сел на военном аэродроме под Плесецком.

Саблина встречали два парня, один в гражданском, второй в форме военного лётчика.

Капитан воздушно-космических сил России Владимир Башканов служил на космодроме, и его появление подтверждало действенность второго звонка Сергея Патрушева: у него были связи и с российскими космодромными службами.

Парень в гражданском – летняя куртка, джинсы – встречал Саблина уже по его звонку. Звали его Робертом, и работал он в полиции города Мирного – участковым. Саблин знал его друга, живущего в Суздале, хотя сам видел Роберта впервые.

Объяснять обоим суть происходящего он не стал. Для них оказалось достаточно короткого указания найти парня по имени Прохор Смирнов и переправить «на большую землю», то есть в центральную часть России, поближе к Москве.

– Деревня Дворики, – сказал Саблин. – В настоящее время он там.

Встречающие переглянулись.

– Километров двадцать от Мирного, по трассе на Архангельск, – сказал Роберт.

– Минут за сорок доедем, – кивнул Володя.

– Поехали.

Саблина усадили в белую отечественную лайбу под названием «Сабрина», рядом с Робертом.

Володя поехал следом на зелёном военном джипе «Патриот», в сопровождении водителя-сержанта.

Действительно, путь от аэродрома до деревушки Дворики, оказавшейся вполне современным маленьким посёлком с десятком керамзитовых домиков весёлой расцветки, занял всего полчаса с минутами. На окраине деревушки, у самого леса располагались три стареньких строения с потемневшими от времени и непогоды щеповыми крышами. Лет им было много, не меньше сотни.

Но подъезжать к ним Саблин не решился.

Роберт первым заметил стоящий в конце улочки сине-белый «уазик» полиции, затормозил.

– Понты, однако.

– Сучий потрох! – выругался Саблин. – Неужели они нашли его?

– Может, случайный заезд?

Саблин оглянулся.

«Патриот» капитана Башканова, следовавший за машиной Роберта, дисциплинированно прижался к обочине дороги в десятке метров.

Подождав минуту, из джипа вылез лётчик, подошёл к «Сабрине» со стороны пассажирского сиденья.

- Здесь полиция, – спокойно сказал капитан.
- Вижу, – с досадой сказал Саблин. – Будем ждать, пока уедут.
- Хорошо.
- Дайте свой мобильный.

Башканов продиктовал номер, вернулся к джипу.

Саблин принялся наблюдать за действиями полицейских.

«Уазик» постоял у одного дома, у другого, из него вышли двое полицейских, подошли к продуктовому киоску.

Саблин набрал номер Прохора.

Никто не ответил.

– Может, он уехал отсюда? – предположил Роберт.

– Вряд ли, он человек дисциплинированный, – покачал головой Саблин. – Уже позвонил бы.

– Кто он вам?

Саблин помолчал, глядя на полицейских, направившихся в их сторону.

– Друг.

– Почему его ищет полиция?

– Лучше бы тебе этого не знать. – Саблин понял, что полицейских заинтересовали подъехавшие автомобили. – Он ни в чём не виноват, просто оказался не в то время и не в том месте. Боб, эти ребята к нам, приготовься.

Полицейские, молодые парни, форма на которых сидела как вторая кожа, подошли к «Сабрине», один вежливо козырнул:

- Лейтенант Плиев, Южный район. Разрешите посмотреть ваши документы?
- Покажи, – кивнул Саблин.

Роберт вынул удостоверение, раскрыл, но не выпустил из руки.

– Что случилось?

Полицейские переглянулись.

– Ищем кое-кого. Вы, случайно, не по тому же делу?

– У каждого свое дело, – флегматично заметил Роберт, пряча удостоверение. – Кого ищите?

– Да так, деятеля одного. Фамилия Смирнов. Не встречали?

– Нет. Как он выглядит?

– Волосы русые, короткие, глаза серо-голубые, спортивное телосложение.

– Из колонии сбежал?

Обмен взглядами.

– Сведений не имеем. Ориентировку дали, приказали задержать.

– Понятно, хорошо, увидим – сообщим.

– А вы к кому, если не секрет?

– Лейтенант, не заставляй и меня доставать ксиву, – угрюмо сказал Саблин. – Тебе это не понравится. Займись своим делом.

Сталь в голосе пассажира «Сабрины» подействовала.

Полицейские откозыряли одинаковыми жестами, отошли, посматривая на джип, но подходить к нему не рискнули, заметив серо-голубой мундир капитана Башканова. Посоветовавшись о чём-то, они вернулись к своему «уазу», и тот уехал, направляясь к выезду на шоссе.

Саблин вылез из машины, махнул рукой, предлагая капитану сделать то же самое.

– Что дальше? – спросил тот, подойдя.

– У меня есть ориентир.

- А те парни что здесь делали?
- То же самое, что и мы будем.
- Искали вашего друга?
- Самое интересное, что они получили правильную ориентировку, и это меня напрягает.

Кто-то серьёзно заинтересован в Прохоре.

– Наша полиция вроде не связана с криминалом, – вылез из «Сабрины» Роберт.

– Это тебе так кажется, – проворчал Саблин. – Нет такого криминала, с каким не была бы связана наша родная система охраны правопорядка. Идёмте.

– Куда?

– Прохор успел сообщить, что остановился в крайней избе у какого-то старикана, зовут Никитой Ивановичем. Полицаи туда не дошли.

Все трое двинулись в конец улочки, остановились у старенькой с виду избы с крышей из потемневшей щепы.

В саду за штакетником возился пожилой кряжистый мужичок с лопатой в руке. Одет он был в цветастую безрукавку поверх клетчатой рубашки и жёлтые штаны.

– Никита Иванович? – спросил Саблин, останавливаясь у калитки. – Добрый день.

– Да вечер уже, – разогнулся старик, оглядел гостей. – Кто будете? Не встречались бут-таки.

– К вам полицейские не заходили?

– Уберёг господь. Что им тут делать?

– Мой друг у вас остановился, Прохором кличут.

– Друг, говоришь? А почём мне знать, друг ты ему али нет?

Саблин улыбнулся.

– Вы у него спросите, скажите, Сабля приехал.

– Сабля?

– Фамилия у меня Саблин.

– Ладно, погодьте, схожу.

Из-за дома справа вышла пожилая женщина в белом платочке, с охапкой травы в руках.

– Кто к нам, старый?

– К гостю, быт-таки.

Женщина издали кивнула мужчинам, в разной проговорившим «здрате», скрылась во дворе.

Никита Иванович вернулся быстро, смущённый.

– Спит он, никак не разбужу.

– Понятно, – кивнул Саблин, – позвольте, я попробую?

– Дык, конечно, сделай милость.

– Подождите здесь, – повернулся Саблин к сопровождавшим его парням.

Прохор Смирнов лежал на топчане в маленькой комнатухе, навзничь, сложив руки на груди. Глаза его были закрыты, грудь мерно вздымалась, дышал он спокойно, будто и в самом деле спал. Ни на слова Саблина «Прохор, вставай!», ни на прикосновения и покачивание он не реагировал.

– Обеспамятел, кажись, – озабоченно проговорил Никита Иванович. – Пришёл тихий такой, улыбчивый, попросился отдохнуть с дороги. Вижу, человек приличный, чего ж не пустить. А он, вот...

– С ним бывает, – сказал Саблин, размышляя, каким образом вернуть «сонному» способность соображать. – Заснёт бывало, потом не добудишься.

Он уже понял, что Прохор нырнул в свою «матрешечную» Вселенную и бродит где-то по иным «измерениям», оставив тело – носителя, как он говаривал – на попечение инстинктов и рефлексов. Но способа вывести его из этого состояния Саблин не знал.

– Водички холодненькой не принесёте?

Никита Иванович с готовностью шмыгнул из горницы в сени, но тут же вернулся.

– К вам.

Из-за спины старика шагнул Роберт.

– Полиция приехала.

Саблин перевёл глаза на хозяина.

– Принесите воды, побрызгайте на лицо, пошевелите. Мы поговорим с пацанами в форме и вернёмся.

Они вышли из дома.

У калитки стояли давешние полицейские, переминаясь с ноги на ногу, беседовали с капитаном Башкановым. Увидев выходящих, все трое посмотрели на них.

Повисла пауза.

Число Смита

Время дежурства закончилось, и Прохор засобирался домой.

– На рыбалку с нами не поедешь? – предложил один из охранников зиндана, Саша Каширинкин. – Хорошая компания, Лёха Залман-Харенкович поедет, двух девочек обещает.

– Не поеду, – отказался Прохор. – Соседу обещал с ремонтом машины помочь. В другой раз съездим.

– В другой раз Лёха не согласится и девчонок не привезёт.

– Не, обойдитесь без меня, – упёрся Прохор.

Прохор-формонавт, тихо сидевший в голове Прохора-495, порадовался за «родича»: рыбачить он любил, а шумные компании с девчонками – нет.

Прохор-местный переоделся в необычного покроя зелёный костюм, сел за пределами территории зиндана в странный экипаж, больше напоминающий катафалк, и поехал на окраину Суздаля. Своего визави он не чувствовал (Прохор-гость порадовался этому обстоятельству), поэтому мысли охранника текли в ленивой прихотливости, не затрагивая центров возбуждения.

То он вспоминал встречи на природе с коллегами по работе, то разговоры с начальством, то пейзажи вокруг города, то представлял объятия девушки по имени Дуня, то с досадой спохватывался, что дома его никто не ждёт.

Прохор-вселённый почти не прислушивался к размышлениям Прохора-местного, жадно разглядывая городские ландшафты из окна «катафалка» – местного аналога маршрутного такси.

Архитектура Суздаля в узле Капрекара-495 действительно базировалась на законах мануелин-готики, доведённой до абсурда аляповатостью накладок на стены в форме гигантских полусфер, якорей, цепей, раковин и морских водорослей.

Прохор сначала не понял, почему здешние архитекторы так полюбили морскую экзотику, потом с высоты холма увидел водную гладь до горизонта, «покопался» в памяти «родича» и обнаружил обстоятельство, послужившее базой для морской тематики: местный Суздаль располагался на берегу большого озера, созданного предками в незапамятные времена. Кто его соорудил, зачем, с помощью каких инструментов, Прохор-495 не знал.

Впрочем, гостя это не очень заинтересовало. Глядя на мрачноватые дома с вытянутыми стрельчатыми окнами, напоминающие средневековые монастыри, он думал о том, что жить здесь не согласился бы ни под каким предлогом.

Родной дом Прохора-495 показался ему пакгаузом: коричневый девятигранник на массивном фундаменте, сложенный из крупных шлакоблоков, был накрыт пирамидальной кры-

шей из бордового цвета плитки. По всему его фасаду вились вделанные в стены массивные цепи, окон было мало, и они больше напоминали узкие длинные щели.

Проход поёжился.

Несмотря на летнее утро и хорошую ясную погоду, восьмизэтажный «пакгауз» хорошего настроения не создавал. Да и вообще архитектура Суздаля-495 не вызвала позитивных эмоций, положившая в основу цифры 4, 9 и 5, которые по отдельности символизировали равновесие идей, взаимопроникновение форм, начало творения, а вместе порождали тенденцию застоя и уныния.

Проход-495 вылез из маршрутки, по-прежнему занятый своими невесёлыми по большей части мыслями: теперь он размышлял о политике, о президентской команде, не способной вывести страну из очередного кризиса, – двинулся к единственному на весь дом подъезду, втиснутому между двумя массивными полуколоннами.

Проход-формонавт приготовился увидеть интерьер квартиры «родича» и внезапно обратил внимание на двух мужчин у подъезда, якобы выгуливающих собак.

В принципе ничего особенного в этой картине не было, люди с собаками гуляли по всем городам России, и Суздаль не отличался в этом смысле от других населённых пунктов. Но взгляды у владельцев животных показались Проходу-гостю прицеливающимися, а он уже натренировался отличать заинтересованность людей по их глазам.

У любителей собак глаза были слишком сосредоточенными.

Заговорила интуиция: уходи, это Охотники!

«Интересно, как они меня нашли здесь?!» – удивлённо подумал Проход, забыв о своём положении.

Проход-495 споткнулся, уловив чужую для него мысль, прислушался к себе.

Мужчины с собаками направились к нему, таща собак на поводках.

Проход не стал дожидаться, чем закончится встреча его «родича» с соседями. Он стремительно соединил в сознании буквы и унимодальные⁴ первоцифры, вогнал их в геометрические фигуры, создавая мысленный алгоритм-ключ перехода, и пушинкой вылетел из головы Прохода-495, чтобы оказаться в голове его предшественника – четырёхста девяносто четвёртого Прохода.

Здесь он не задержался, хотя Проход-494 в этот момент обедал в компании с девушками. Мысль – погрузиться глубже трёхзначного узла Капрекара – пришла во время перехода в сопровождении мысли: чтобы Охотники не поняли, куда он побежал.

Обычно погружения Прохода не превышали сотни первых слоёв «матрёшки». По мере увеличения «глубины» нырка материальность Ф-превалитетов сначала росла – до простого числа Смита, равного двадцати семи⁵, а потом начинала падать, теряя плотность, до иллюзорных конфигураций. Уже спуск в глубины числоформ до постоянной Капрекара был для него подвигом, потому что он не знал, устойчив ли этот узел – 495, или нет. Оказался – вполне реален и ощутим.

Однако нырять ещё глубже было опасно, самым естественным выходом из положения казался «подъём вверх», к своей реальности, сформированной числом 11 и устойчивой геометрией тетраэдра. Несмотря на смысл числа 11, несущего «второе отрицание единого», мир-11, в котором родился и жил Проход, подчинялся вполне понятным, жёстким, физическим законам, был устойчив и магические превращения не допускал. Способности Прохода объяснялись его скрытыми волевыми запасами, владением биоэнергетикой и знаниями.

Зато после двадцати седьмого Ф-превалитета магия – возможность управлять физическими процессами с помощью мысленно-волевых усилий, начинала играть всё большую роль,

⁴ Цифры 1, 2, 4 и 8 согласно науке численавтике называются унимодальными первоцифрами.

⁵ Числа Смита образуются простыми множителями: число $27 = 3 \times 3 \times 3$.

и уже в мире седьмой сотни чисел сам Прохор, с помощью своего местного носителя, запросто мог «творить чудеса», реализуя предметы обихода «из воздуха» или манипулируя физическими процессами класса «зажечь свечу взглядом».

Единственное, что его останавливало, крылось в реакции самого пространства «нижних» миров: оно начинало «корчиться», содрогаться, колебаться и порождать феномены типа полтергейста или появления привидений, что очень сильно напрягало жителей каждого из миров.

Прохор просто опасался, что его вмешательство каким-нибудь образом нарушит «параллельную реальность», взорвёт её стабильность, и та окончательно растает, скатится в бездну хаоса.

Грубая и зримая материальность мира-494 успокоила путешественника и настроила его на оптимистический лад.

Прохор осмелел.

Появилась идея нырнуть в другой узел Капрекара – четырёхзначный и посмотреть, как живут люди на самом краю Бездн – миров, опирающихся на большие числа.

Четырёхзначная постоянная Капрекара равнялась числу 6174: с помощью всего шести итераций оно «порождало» само себя.

Цифра 6 символизировала равновесие.

Цифра 1 – единство.

Цифра 7 – союз идеи с формой.

Цифра 4 – стабильность, доходящую до стагнации.

И геометрия этого слоя «матрёшки» должна была формироваться под влиянием достаточно устойчивых геометрических фигур – куба и тетраэдра, с «лёгкой примесью» гептаэдра, отличавшегося от более простых фигур большей подвижностью. Поэтому существовала вероятность того, что Ф-превалитет 6174 представлял собой более или менее устойчивый мир, где можно было остановиться и оглядеться, не ожидая нежелательных встреч.

Прохор сосредоточился на глубоком погружении, «набрал в грудь воздуха» – говоря образно, и воспроизвёл в памяти конфигурацию эргиона.

«Полёт» по необычному вспышечному пространству пси-связей, объединяющих трансперсональную линию Прохоров Смирновых, продолжался довольно долго. Сознание Прохора проваливалось в «яму неподвижного движения», выныривало в «свет разума» очередного Прохора, снова проваливалось, выныривало и, наконец, по расчётам формонавта, нащупало «пристанище» в голове Прохора, жившего в узле Капрекара под номером 6174.

Местный Прохор Смирнов (здесь он носил фамилию Смирик) сидел на берегу водоёма и сосредоточенно швырял в воду тяжёлые металлические шарики. Во всяком случае, так сначала показалось Прохору-формонавту. Но это были не шарики. Булькнув, они скрывались под водой, затем всплывали, раздуваясь до величины футбольных мячей, превращались в белые полупрозрачные парашютики, поднимались в воздух – ни дать ни взять – медузы! – и летели к берегу, чтобы сжаться в размерах и упасть на отмель в виде шариков.

Весь берег водоёма, уходящего вдаль до горизонта, был покрыт слоем этих необычных созданий, то ли конкреций, то ли живых существ наподобие приспособившихся к трансформации жуков.

На горизонте вырос светящийся вихрик.

Прохор-6174 встrepенулcя, бросил своё занятие, встал.

Одет он был в дырчато-ажурные штаны до колен, без ремня, и в такие же налокотники, и, похоже, больше ничего из одежды на нём не было.

Впрочем, люди, сидевшие на берегу водоёма, в основном мужчины, были одеты примерно так же, из чего можно было сделать вывод, что их странные наряды представляют собой по местной моде купальные костюмы.

Вихрик приблизился, превратился в яхту необычных очертаний: её расплывчато-белый корпус состоял из одних пересекающихся многоугольников, а вместо парусов из центра судна вырастали пучки перламутровых перьев, то выроставших вверх, то опадавших до палубы.

Яхта остановилась. Паруса её образовали кристаллическую структуру в форме друзы кристаллов полевого шпата.

С неё посыпались на воду бликующие пузыри в форме тетраэдров и кубов, очень похожие на мыльные. Они скользнули к берегу, начали танцевать на поднявшихся при полном безветрии волнах и таять, исторгая из чрева пассажиров.

На берег выбрались длинноногие девушки в разноцветных блестящих туниках из рыбьей чешуи, смешались с толпой встречающих.

По-видимому, это были туристы, вернувшиеся с экскурсии.

Мужчины здесь больше походили на ходячие скелеты, обтянутые кожей, ни одного атлета Прохор не увидел. Женщины казались миловидней, тонкие, как кипарисы, но с широкими угловатыми плечами.

Прохор-6174 помог одной из девиц, заговорил с ней, провожая к низкому ажурному строению, похожему на павильон со стойкой бара. При каждом их шаге шарики под ногами лопались, превращались в зеленоватые струйки дыма, застывающие через мгновение стебельками травы.

За прибывшими потянулись зелёные травяные дорожки.

Павильон наполнился шумом, песнями, смехом, говором трёх десятков людей.

Говорили все на очаровательной смеси русского, украинского и китайского языков, поэтому понять суть разговора было сложно.

Отдыхающих становилось всё больше, и в какой-то момент павильон вдруг разросся облаками сверкающей пены, изменил конфигурацию столиков и стульев.

Теперь разместились все, образовав странный «цыганский» табор.

Прохор с любопытством начал осматриваться. Жизнь его «родича» в этой реальности разительно отличалась от более грубой жизни родного одиннадцатого Ф-превалитета. Объекты, вещи и предметы быта здесь казались зыбкими, текучими и легко меняли форму, поэтому ориентироваться в постоянно меняющемся интерьере и ландшафте было трудно, мешали потрясающие воздух невидимые вибрации.

Где находился в данный момент Прохор Смирик, определить с ходу было трудно. Берег водоёма мог принадлежать как части пляжа заграничного отеля, так и пансионату российского разлива. Потому что постройки, затрагиваемые периферийным зрением Прохора-6174, по форме напоминали и минареты, и церкви с длинными, готического вида башнями вместо куполов.

И ещё его поразило полное отсутствие в этом месте детей. В родной числореальности Прохора детей на пляжах было чуть ли не больше, чем взрослых.

Девушка в «чешуе» пересела к Прохору на колени.

Бармен сунул им большой пирамидальный бокал с трубочкой, раздваивающейся на конце, и они начали потягивать синеватую, пронизанную частыми струйками пузырьков жидкость.

Прохор-гость почувствовал жажду, подсоединился к сфере ощущений «родича».

Жидкость по вкусу напоминала молоко и шампанское одновременно, и судя по всему являлась аналогом алкогольного коктейля. Хмель быстро ударил в голову Прохора-6174, и он сильнее прижал к себе девушку с волосами, завитыми в форме языков пламени.

Прохор-формонавт понял, что пора покидать сей необычный колышущийся мир. Быть свидетелем интимных игр «родича» с незнакомкой не хотелось. К тому же она не была похожа на Юстину.

В бар ввалилась компания парней в дырчатых «плавках-штанах» и очередная порция девушек в «рыбьей чешуе».

Проход заметил взгляд одной из них, и ему вспомнились взгляды соседей Прохода в четырёхста девяносто пятом Ф-превалитете: у блондинки с узкими «азиатскими» глазами взгляд был такой же – прицеливающийся.

«Не может быть! – одёрнул себя Проход. – Перемещение по числоформам невозможно отследить! Я не бегу по дороге, не еду на машине и не лечу в самолёте! Это даже перемещением в чистом виде назвать нельзя, разве что сменой координат Бытия. Но тогда почему Охотники находят меня даже в таких экзотах, как узлы Капрекара?! Начали тотальную слежку за «родичами» во всех существующих числомирах? Или я просто психую?»

Блондинка в «чешуе» направилась к нему.

Девушка на коленях игриво прижалась к Проходу, обняла за шею, задала какой-то вопрос.

Проход-гость с трудом перевёл этот вопрос:

– К нам присоединится Тянь-И, не возражаешь?

Проход-6174 поцеловал её, позвал официанта:

– Не возражаю. Ещё бокал мизели.

Девушка по имени Тянь-И под села к отдыхающим, заговорила мурлыкающим голосом на том же непонятном языке.

Проход-формонавт почти ничего не понял.

Зато Проход-6174 всё понял прекрасно. Речь Тянь-И можно было перевести как:

– Ой, как я рада, что вы здесь, я искала Дани, увидела Коно, он такой противный, губы мокрые, и тут вы, я сразу к вам, не прогоните?

Проход-6174 и его девушка засмеялись, оценив непонятый Проходом-гостем юмор, он хотел расслабиться, отбросить опасения, но снова уловил откровенно оценивающий взгляд блондинки и уже без колебаний решил откланяться, вернее, уйти по-английски, никого не предупреждая.

Девушка по имени Тянь-И в настоящий момент подчинялась вселившемуся в её разум Охотнику и анализировала поведение Прохода, это было ясно как божий день. Стоило Проходу выдать себя хотя бы ответным взглядом, и Охотник наверняка привёл бы в действие какое-нибудь оружие (о чём Проход не имел ни малейшего представления), либо оглушил бы его, подавив волю (что вполне было вероятно). А смог ли бы Проход отбить пси-удар или сбежать, было неизвестно.

«Куда?» – задал он сам себе вопрос.

«Только не в Бездну!» – сам же себе и ответил.

Блондинка Жасси продолжала смотреть на него испытующе, потянула к себе неизвестно откуда взявшуюся сумочку, но что она оттуда вынула, Проход уже не успел увидеть, воспроизводя в памяти ключ перехода. Нырок в «прорубь» между мирами разных формооснов – шесть тысяч сто семьдесят четвёртым и шесть тысяч сто семьдесят третьим унёс его из этого мира.

В «проруби» было темно и холодно. Затем наступило короткое потепление, мелькнул свет «в конце тоннеля», однако Проход заставил себя погружаться в «прорубь» снова и снова, пока не вынырнул, окунувшись в холод и мрак шесть с лишним тысяч раз, в «измерении» под номером 7.

Он уже бывал здесь, зная все особенности цифры 7 и геометрической фигуры, служащей базой всех формообразований этого превалитета, потому и выбрал место высадки седьмой слой «матрёшки».

Гептада – семёрка – считалась идеальным числом Космоса, символом мужчины, выражающего свою истинную природу «зачинателя» Жизни. Семёрка считалась священным, мисти-

ческим, волшебным числом и во всех духовных доктринах народов Востока, символизируя космический порядок и завершение природных циклов.

В Библии это семь дней творения, в Месопотамии – Древо Жизни с семью ветвями. В Древнем Египте 7 было священным числом бога Осириса (символ бессмертия), в Солнечном культе Митры 7 – это количество ступеней Посвящения. В исламе считается, что Вселенная состоит из семи небес, семи морей и семи земель, а также из семи ступеней, ведущих в ад, и семи дверей, ведущих в рай.

Сакральность этого числа подтверждают и вполне реальные постулаты человеческого бытия: семь цветов радуги, звукоряд из семи нот, семь дней недели, поговорка: «Семь раз отмерь, один – отрежь».

Кроме того, Прохор знал и дополнительные аксиомы священности семёрки, опирающиеся на законы численности.

Согласно им 7 правит Жизнь в мире Материи и означает слияние Материи с Духом, объединяет цифру 3 – «порождающую Силы» с цифрой 4 – Материей.

Существовали и другие оккультные доказательства священности семёрки, востребованные религиями и духовными практиками, но они уже не играли особой роли, так как первичные достоинства этой цифры превалировали при формировании её свойств.

Прохору было достаточно того, что мир седьмого Ф-превалитета, опираясь на жёсткие физические константы и базовые геометрии тетраэдра, был устойчив и в каком-то смысле закончен. В нём можно было не опасаться, что малейший чих или кашель изменит соотношение форм и потрясёт местное пространство.

И ключевыми словами к гептаде являлись слова «удача», «опёка» и «управление» в совокупности со словами «случай», «суждение», «сновидения», «голоса» и «звуки». Последний ряд слов с виду не являет устойчивость мира, однако подтверждает универсальность числа 7, его всеобщий характер и целостность.

Прохор-7 в этой числореальности жил в Суздале, как и Прохор-11, хотя работал не в научном центре «Осколково», а в конструкторском бюро «Наноболт».

Суздаль-7 почти ничем не отличался от родного Суздаля Прохора-формонавта.

Ни о какой готике речь здесь не шла. Архитектура города-музея, города-памятника древнерусского зодчества, вмещавшего на своей территории одиннадцать монастырей, более трёх десятков храмов и больше полусотни церквей, была полна силы, ясности и всеобъемлющей ласковости. В русском храме хочется поднять голову, посмотреть вверх, в небо. В католических и прочих храмах Запада хочется смотреть вдаль, что отражает иное миропонимание: русская душа тянется вверх, в космос, западная – плывёт вдоль земли, не отрываясь от неё.

Увидев проплывший мимо Ризоположенский монастырь (Прохор-7 сидел за рулём внедорожника «Радонеж»), Прохор-11 вздохнул с облегчением. Впечатление было такое, что он вернулся домой.

Однако в его Суздале рядом с монастырём на улице Ленина высилась стеклянная башня Нефтехимбанка, а здесь её не было, и он снова сосредоточился на своём путешествии, решив проанализировать положение местного Прохора Смирнова.

«Седьмой» Прохор ехал не на работу.

Наступил полдень четверга 21 июня, но Прохор-7, весело насвистывая какую-то мелодию, поставил машину возле универмага на Торговой площади и двинулся в сторону Кремлёвской улицы, упиравшейся в Суздальский кремль.

Прохор-11 сделал вывод, что его «родич» находится в отпуске.

Пришло сожаление. Он хотел посмотреть, чем занимается «родич» на рабочем месте. Мысли о работе у «седьмого» иногда возникали, но расплывчатые, мимолётные, и понять, что входит в его обязанности, не представлялось возможным. А название фирмы «седьмого» – «Наноболт» наводило на несерьёзные размышления.

У книжного магазина Прохора-7 ждала девушка.

У Прохора-11 ёкнуло сердце: девушка была очень похожа на Юстину.

– Привет, Жунь, – сказал «седьмой» обыденным голосом, без особой сердечности. – А Вадик где?

Девушка Жунь, похожая на Юстину, одетая в красивый летний сарафан, подчёркивающий её пышные формы (Юстина была чуточку стройней), пожала руку Прохору, повела плечиком:

– Поехал в автосалон, его любимую «Ауди» поцарапал какой-то лох.

– Когда, где?

– Только что, возле причала.

– Понятно, он не придёт. Вдвоём справимся?

– Не камни же таскать?

Они направились к магазину.

Прикидывая, чем собираются заниматься его «знакомые» в книжном магазине, Прохор глазами «родича» осмотрел эстетику здания торгового центра на другой стороне улицы.

Здание представляло собой пересечение геометрических фигур, пирамид и призм с крутыми изломами зеркальных стен, придающих ему неожиданный шарм, и вызывало интерес.

Уже входя в магазин, они услышали сзади чей-то возглас: «Погодите!» – оглянулись.

К ним подбегал высокий, узкоплечий молодой человек в ярко-синем костюме с укороченными рукавами.

По-видимому, это и был Вадик, о котором вспомнил Прохор-7.

У него было длинное лицо, белёсые ресницы и рыжая поросль на щеках, а волосы он постриг таким образом, что они свисали по бокам головы сосульками, обнажая выбритые змейкой места.

Прохор покопался в памяти, но знакомого с такими физическими данными и вкусами не обнаружил. В его одиннадцатом Ф-превалитете Вадиков не было.

– Подождите, я с вами, – повторил молодой человек ломким голоском.

Прохор-7 и девушка Жунь остановились, поджидая приятеля.

Прохор поймал его прицеливающийся взгляд, и неспящая интуиция подняла тревогу:

«Назад! Это Охотник!»

«Чёрт бы вас подрал! – с изумлением и даже с испугом подумал Прохор, собирая волю в кулак. – Как же вы мне надоели!»

Старт в числоформный туннель прошёл без эксцессов. Если в голову Вадика и в самом деле вселился Охотник, он ничего не успел сделать. Прохор опередил его, бросив своё «Я» (которое можно было назвать душой) в форме «пси-файла» в «прорубь» между числомирами.

А поскольку на раздумья о координатах выхода времени у него не было, он и махнул не «вниз», по направлению к своему Ф-превалитету, а «вверх», к началу Мироздания, олицетворяемому цифрой 1.

Прохор-2 жил в Суздале-2, но работал не в научном центре «Осколково», а в студии технического дизайна «Суздалёт».

Студия принадлежала частно-государственной компании по изготовлению вертолётов и геликоптеров и занималась разработкой внутренних интерьеров винтокрылых машин и даже дизайном их вероятных моделей. Каким образом математик Смирнов оказался в студии, понять было трудно, зато он занимался числонавтикой (Прохор-11 ахнул, узнав это) в свободное от работы время и понимал толк в геометрии. Воспринять главные постулаты формонавтики, объединяющей в себе числонавтику и формологию, для него не составило бы труда.

И ещё одно обстоятельство поразило и обрадовало Прохора-путешественника: в этой реальности существовала Юстина, почти не отличимая от той девушки, которую безумно

любил Прохор-11, не находя взаимопонимания. И хотя звали её иначе – Устиньей, она была похожа на Юстину как сестра-близнец, а главное – любила Прохора-2, в отличие от своей «родственницы» из одиннадцатого Ф-превалитета! Об этом Прохор-11 узнал практически сразу после «высадки» в голове «родича», так как именно в этот момент Устинья и Прохор сидели в павильончике на набережной реки (оказавшейся Каменкой) и пили соки, болтая о своих знакомых, проблемах и прочих любопытных вещах.

За то время, пока Прохор-путешественник знакомился с миром «первого отрицания Единого» – что символизировала цифра 2, он узнал много забавного из жизни «родича» и событийной канвы «второй» числореальности.

Люди воевали и здесь.

США совместно с Израилем второй раз напали на Иран с целью «насаждения демократии», однако потерпели поражение, как и в первый раз (в 2012 году), потеряв два авианосца (в 2012-м они потеряли один авианосец), три эсминца, полтора десятка самолётов и около тысячи военнослужащих. Иран снова оказался гораздо более сильным государством и, несмотря на постоянно вводимые против него финансово-экономические санкции Евросоюза и самих США, приберёт для «демократизаторов» много сюрпризов наподобие зенитно-ракетных комплексов нового поколения, созданных как в самом Иране, так и закупленных в Китае.

Досталось и Израилю, на города которых упали двенадцать ракет дальнего действия, также созданных в Иране, что мгновенно охладило пыл израильтян и заставило их отказаться от участия в военной операции.

В памяти Прохора-2 хранились и сведения о войне двух Корей – Северной и Южной, закончившейся объединением обеих в одно государство, и война Турции с Кипром, и война Канады с Норвегией и Россией за Арктику. Хотя самой обидной из войн была для Прохора война в Дагестане, унёсшая сотни жизней, где окопались недобитые во время чеченских и ингушских кампаний ваххабиты и «чёрные исламоиды», как стали называть в России кавказских боевиков и террористов.

Запомнились «второму» Прохору и забавные вещи вроде шоу-скандалов во время выступлений известных звёзд эстрады и «парадов» секс-меньшинств. Особенно удивился «одиннадцатый» Прохор вручению очередных «наград» в области «шизоидного творчества» под названием «игнобелевских» премий.

В этом году премии давали за изобретение наногаджетов для подсказок на экзаменах, за создание «геояхт» с настоящими вулканами на борту, за изучение языка свиней и за «говорящую еду»: во время поглощения чебуреков, raviолей ипельменей они пели песни, читали стихи и ужасались, что их едят «живыми», что особенно нравилось обывателям.

Кроме того, Прохор посмеялся, узнав, что премию в области физиологии получили биологи за изучение «заразности» зевоты. В качестве подопытного материала они использовали красноногих черепах.

Однако больше всего Прохора-гостя волновали отношения «родича» с Юстиной... то есть Устиньей, и он поспешил выяснить данное обстоятельство у ничего не подозревавшего Прохора-2.

Она его любила! Ну, или примерно так Прохор воспринял спрятанные в глубинах психики «родича» оценки происходящего. Сам же «второй» относился к подруге намного спокойней. Он вообще был исключительно уравновешенным субъектом, терпеливым и флегматичным, в глубине души поддерживающим собственное понимание мира как нечто неколебимое. И при этом он часто уступал друзьям и приятелям, напряга не любил, с Устиньей бывал небрежен, а творческие решения иногда выдавал такие нестандартные, что руководители в студии хватались за головы и открывали рты.

А ещё он был довольно ленив, что резко отличало его от Прохора-11.

Впрочем, проанализировать, чем они разнятся ещё, Прохор-формонавт не успел.

Что-то тёмное спустилось с небес на сидящих, повеяло холодом, словно облако на мгновение закрыло солнце, и Прохор прислушался к своим ощущениям, пытаясь понять их причины. Потом почти без раздумий прыгнул в «прорубь» меж мирами, чтобы «высадиться» в своём собственном теле: что-то изменилось там, в родной числореальности, требующее его присутствия.

Короткая череда «восходов» и «закатов» привела к смене ощущений. Появилась боль в спине, в правой руке, заболела шея.

Зрение восстановилось, пришлось только сморгнуть набежавшие слёзы.

Болезненные ощущения были привычными, они означали, что члены затекли после нескольких часов неподвижности.

А над ним склонилось чьё-то знакомое лицо.

– Очнулся, наконец!

– Сабля? – окончательно пришёл он в себя.

– Кто же ещё? – вопросом на вопрос ответил друг, которому он позвонил перед путешествием по числомирам. – Можешь встать?

– Конечно. – Прохор приподнялся на локтях, поддерживаемый сильной рукой Саблина. –

Который час?

– Вечер уже, половина седьмого.

– Ух ты, сколько я провалялся! Как ты меня нашёл?

– Не время разглагольствовать, тебя ищут копы. Сможешь дойти до машины?

Прохор сел на топчане, массируя плечо, потом шею и кисти рук.

– Минутку, кровь запущу. Надо хозяина поблагодарить, он меня выручил.

– Да ничо, всё нормально, – отозвался низким басом Никита Иванович, возникая за спиной Саблина. – Не знаю, чего ты наворотил, паря, но сдаётся мне, вины за тобой нет.

– Это уж точно, отец, – подтвердил Саблин. – Будем добиваться справедливости.

– Бог в помощь, мил-человек.

Они гурьбой вышли из хаты.

Прохор, идущий вслед за другом, остановился, увидев незнакомых молодых парней; один из них был в форме офицера-лётчика.

– Не пугайся, – оглянулся Саблин, – свои. Только что отшили двух копов, по всем признакам те искали тебя. Научил бы и меня прыгать по числоизмерениям, глядишь, не пришлось бы мчаться к тебе на помощь к чёрту на кулички.

Парни у калитки вразнобой поздоровались, Прохор ответил им коротким «привет».

– Роберт, – представился один, в гражданском, протягивая руку.

– Владимир, – сказал лётчик. – Дан, я проеду до шоссе, посмотрю, не ждут ли где нас полицейские в законе.

– Давай, – согласился Саблин.

Лётчик сел в подъехавший джип «Патриот», уехал.

– А мы куда? – спросил Роберт. – В аэропорт?

– Боюсь, в аэропорту Мирного нас будут ждать. Поедем на машине до ближайшего крупного населённого пункта.

– Североонежск.

– Североонежск на юге, господа в униформе могут и туда направиться. Нужен северный город.

– Ближе всех посёлок Обозерский, но поезда через него ходят редко. Надо ехать либо до Архангельска, либо на запад до Онеги.

Саблин задумался на несколько секунд.

– Едем до Архангельска. Дашь машину?

– Сам с вами поеду, у меня двое суток в запасе до очередного дежурства.

– Отлично. – Саблин подтолкнул Прохора к «Сабрине». – Садись, рисконавт, будем драпать отсюда.

– Не знаю, как вас благодарить, – начал Прохор смущённо.

– Потом рассчитаешься, когда доберёмся до Суздаля, – проворчал Саблин, пожал руку Никите Ивановичу. – Спасибо вам огромное, отец! Будьте здоровы на много лет вперёд!

– Дак и вам того же, – огладил бородку старик. – Доброго пути!

Расселись в машине: Прохор на заднем сиденье, Роберт за рулём, Саблин рядом, оглянулся.

– Где был, что видел, расскажешь?

– Я – обезумевший в аду предвечных числ, – криво улыбнулся Прохор.

– Что?

– Это стихотворение Верхарна.

– Не читал.

– Я заменил только слово «сад» на «ад». Там у него дальше: «Открою я глаза: их чудеса кругом! Закрою я глаза – они во мне самом! За кругом круг, в бессчётных сочетаньях, Они скользят в воспоминаньях».

Саблин покачал головой.

– Крыша не поедет от твоих путешествий?

– Не знаю, – хмыкнул Прохор.

– Перестань суетиться, оставь свои походы.

– Не могу.

– Почему?

– У Верхарна дальше: «Вы тексты от каких затерянных страниц? Остатки от какой разрушенной Вселенной?» Понимаешь? Он был посвящён в таинства чисел. Мне интересно! Это как наркотик: укололся раз – и подсел.

Роберт искоса посмотрел на Саблина, в глазах его всплыли тени сомнений.

– Не бери в голову, – посоветовал ему Саблин, – он не псих, он и в самом деле умеет выходить за границы доступного и дозволенного. Потому за ним и устроили охоту.

– Кто?

– Охотники Бездн.

Роберт подождал объяснений, не дождался и повернул ключ зажигания.

Ещё один шанс

Передающий Приказы не был человеком, хотя и родился на планете Земля, принадлежащей четырехзначной числореальности под номером 1634. Люди, постигающие математические законы Мироздания, называли это число числом Армстронга⁶.

Планета Передающего Приказы в этой числореальности имела название Майпхья и по сравнению с ближайшими реальностями являлась вполне материальным образованием, несмотря на «удалённость» от базовых форм Мироздания, подчиняющихся первоцифрам от единицы до девятки. Физические законы, реализованные в данном формофайле – если пользоваться современным языком, ненамного отличались от законов того Космоса, который породил планету Земля, и позволяли космическим телам – планетам и звёздам флюктуировать, циклически менять массу и размеры, однако они всё равно сохраняли свои формы и служили источниками света и энергии в виде звёзд либо источниками жизни в виде планет.

Передающий Приказы, получивший от подчинённых прозвище Глыба, между тем был потомком гигантских термитов и представлял собой разумный кластер этих насекомых, спо-

⁶ N-значное число называется числом Армстронга, если оно равно сумме n-ных степеней своих цифр.

собный мыслить и манипулировать физическими процессами как единый организм. При этом на планете существовали и другие разумные виды, в том числе люди, создавшие системы крепостей и террариумов для поддержки тех же насекомых. И для управления ими. Хотя на самом деле и те, и другие управлялись извне – из глубин числоформных миров, уходящих в бесконечные математические Бездны.

В Пункт пограничного контроля, созданный в числомире под номером 142857 (сформированном законами так называемого циклического числа), его вызвали иерархи второго уровня, в то время как сам он являлся иерархом контроля третьей ступени.

Появившись в зале контроля и проверив работу служб: под его началом служили шесть с лишним тысяч агентов Бездн, рыщущих по другим числомирам в целях пресечения распространения Знаний Бездн, знаний о сути Бытия, в том числе Охотники (по терминологии людей), сексоты наблюдения, подслушивающие и подсматривающие, агенты влияния, провокаторы и предатели, формирующие с помощью средств массовой информации мнения обывательской среды, – он стал ждать появления начальства, играющего роль Администрации при Владыках.

Администраторов он знал, Владык – нет.

Начальство появилось после двенадцати пьенли, что соответствовало двум минутам земного времени почти во всех числореальностях вплоть до тысячи пятисотой.

Администраторами Владык были люди.

Точнее, это были люди из какой-то матричной первореальности, «задающей» программу развития всем остальным «нижним» мирам. Но физически путешествовать по слоям «матрешки» Вселенной не могли и они, поэтому каждый раз вселяли своих проводников власти в конкретных носителей данного слоя. Поскольку в настоящий момент в зале контроля ППК Передающий Приказы был один, Администраторы и выбрали его слушателем и одновременно выразителем воли Владык.

«Мы здесь, Исполняющий», – заговорил в клон-сознании Передающего Приказы мысленный голос, эхом повторивший то же самое несколько раз, постепенно стихая.

«Слушаю, Обладающие Силой», – отозвался он так же мысленно, будто разговаривал сам с собой.

Впрочем, примерно так всё это и происходило.

«Докладывай о проникшем в тайны Бездн».

«Идёт поиск выхода на его психику».

«Вынуждены признать, что поиск затянулся. Ты занимаешься этим уже семьсот двадцать хронго».

«Мы можем уничтожить его физически в течение двух-трёх хронго, но приказ был – заблокировать и доставить пси-файл проникшего Владыкам».

«Разрешаются все приёмы, кроме ликвидации. Нам он нужен живой. Однако если он перейдёт Правь-барьер, изменится вся система связей Мироздания! Этого допустить нельзя! Не справляешься – мы назначим другого Передающего Приказы».

«Справлюсь. Есть шанс просочиться в Суздаль одиннадцатого формата и устроить засаду».

«Не сможешь уговорить его работать с нами – уничтожь модуль перехода, созданный им. Если и это не поможет...»

«Я понял, Обладающие. Будет исполнено».

«Владыки требуют найти решение не позднее половины природного цикла».

«Я принял».

Грохочущий отголосками странного эха мыслеголос Администраторов уплыл в океан тишины.

Передающий Приказы вскипел фонтанчиками термитов, расслабляясь, потом снова собрал себя в форме закованного в латы воина.

Посреди зала выросли две прозрачные колонны, соединяя пол и потолок. В них зашевелились смутные тени, сформировались в фигуры «очеловеченных» ящериц.

– Докладывайте, – проскрипел Передающий Приказы.

– Он ушёл из района перехвата, – нехотя сказала одна из ящериц, более крупная.

– Как?

– Ему помогли. Наши агенты не смогли задержать монаду помощи вследствие отсутствия необходимых полномочий.

– Вы обещали...

– Мы помним, – поспешно склонила уродливую голову ящерица. – Дайте нам все выходы на Суздаль, объект чрезвычайно динамичен и быстр. Мы перехватывали его три раза, и каждый раз он непонятным образом ускользал от нас.

– Вас умножали дюжину раз...

– Данная цель не требует экономии средств, – поддержал коллегу второй Охотник. – Если Владыкам нужен объект, не считайте потраченные усилия, все средства хороши.

– Вы становитесь наглými, как люди! – проявил нечто вроде удивления Передающий Приказы.

– С волками жить – по-волчьи жить.

– Что?

– Это земная поговорка.

– Да, вы меняетесь. Мне придётся доложить об этом наверх.

– Боюсь, вы не найдёте исполнителей лучше, – флегматично заметил первый Охотник. – Мы доставили в Узилище уже пятьдесят четырех формонавтов, это пятьдесят пятый, и знаем обстановку в числореальностях лучше всех. Нам нужны дополнительные силы, Охотники, нужны связи, системы наблюдения – переключите их с политиков на наше обслуживание, усилие программное обеспечение.

– Вы требуете слишком много!

– В таком случае отстраняйте нас от работы.

Передающий Приказы снова вскипел, превращаясь в угловатую шевелящуюся кучу насекомых, некоторое время «думал», потом собрал себя в фигуру рыцаря. Человеческих эмоций он не испытывал, однако негативные переживания были свойственны и ему.

– Даю вам двадцать хронго. Не справитесь – будете перемодулированы. Нужные структуры перейдут в ваше подчинение через полсотни пьенли. Разрешаются все средства и методы. Примите указание: создать стационарные засады в экзотических узлах Мироздания! Проникающего надо загнать в один из них.

– Указание принято, – поклонились ящерицы.

Колонны погасли, растаяли в воздухе.

Передающий Приказы ещё какое-то время сидел глыбой металла, потом начал рассыпаться ручьями насекомых и таять. Зал ППК опустел.

Побег

Не зря говорят, что, если кошка перебежала перед тобой дорогу, надо возвращаться назад, толку не будет.

Прохор не послушался, и Юстины дома не оказалось. Не отвечала она и на вызовы по мобильному, что уж совсем казалось обидным. Тогда он позвонил Саблину, выслушал ругань: какого дьявола ты вышел один из дома, жить расхотелось?! – и пообещал дождаться его в парке, на лавочке у входа.

Утро выдалось тёплым, кожу лица охлаждал свежий ветерок, но температура поднялась уже под двадцать градусов, весенний день 24 мая обещал быть ласковым.

Проخور сел на лавочку, рассеянно поглядывая на прохожих, мелькавших мимо центральных ворот парка со стороны улицы Ленина.

Парк официально назывался «Имени 950-летия Суздаля», но все звали его Вспольным, по названию северной улочки – бульвара Всполье.

Нахлынули воспоминания.

Из Плесеца удалось вырваться без особой суеты и экстрима.

Доехали на машине Роберта до Архангельска, сели в самолёт и поздним вечером высадились в аэропорту Шереметьево, терминал В.

Саблин довёз друга до дому: жил Проخور на улице Ярунова гора, в двухэтажной развалюхе номер сорок пять «А» сталинских времён, давно ожидавшей сноса, – и уехал, проинструктировав, что нужно делать в случае, если Проخور заметит признаки слежки. Проخور пообещал и потащился в ванную, собираясь принять душ и лечь спать.

На ум пришли строки Есенина:

Кого позвать мне? С кем мне поделиться
Той грустной радостью, что я остался жив?

Звать никого не хотелось, делиться своими переживаниями тоже, а Юстина просто не стала бы его слушать, потому что не переносила хныкающих и рефлексирующих мужчин. И хотя Проخور таковым себя не считал, намекать ей на свои опасения и страхи никогда не решился бы. К тому же она ничего не знала о его путешествиях по числомирам «матрёшечной» Вселенной, пронизывающих друг друга.

Мысль позвонить начлабу, сказать, что он уже в Суздале и у него всё нормально, мелькнула и пропала. Звонить Чудинову не хотелось тоже, несмотря на его расположение к талантливому сотруднику.

Мимо пробежал парень в красном спортивном костюме, вернулся, постоял рядом со скамейкой, делая наклоны и махи руками, бросил взгляд на Прохора и неторопливо удалился по дорожке к озерку.

Проخور встал, оценивая взгляд, сел обратно.

Парень был не опасен. К тому же Охотники не знали, куда поедет их подопечный и с кем намерен встретиться. Для этого они должны были жить в Суздале на физическом плане, а не засылать свои злобные пси-файлы, зомбируя живущих здесь людей.

Рука невольно потянулась к карману летней безрукавки, где лежал эргион.

Однако искусно сработанный энергоинформационный модуль не являлся средством физического перемещения, он лишь помогал погружаться в транс и нырять сознанию в «прорубь» между числомирами. Тело при этом оставалось в точке перехода, и его мог обнаружить любой человек. Хорошо, если формонавта сочтут потерявшим сознание от сердечного приступа и отправят в больницу. Но Прохора могли заметить и Охотники, а какую задачу поставили им Владыки, можно было догадаться.

С визгом шин перед воротами затормозил спортивный «Киа», в парке появился Данимир Саблин. Белая рубашка и белые брюки подчёркивали загар, полученный им в Италии в начала мая. Чёрные глаза друга смотрели строго и недружелюбно.

– Какого рожна тебя сюда понесло?

– Садись, подыши чистым воздухом, – шлёпнул Проخور ладонью по скамейке. – День больно хорош.

Саблин сел.

– Мне не нравится, что ты гуляешь один.

– Можно подумать, если я буду гулять не один, что-то изменится. Меня всё равно догонят.

– Ерунда, отобьёмся! Я кое-кому позвонил из органов, там готовы выделить нам группу для постоянной охраны.

– Это не поможет, Охотники могут выйти на кого угодно, в том числе и на охранников, и если вселятся в них, мне кирдык. Чем меньше людей знает обо мне, тем лучше.

– Можешь взять отпуск?

Прохор помолчал.

– Официальный отпуск у меня в сентябре. Я уехал из Плесеца вроде бы как из-за сердечного приступа, Чудинов может дать неделю на лечение за свой счёт или в счёт отпуска. Зачем это тебе?

– Не мне – тебе, дружище. Поедем в глубинку России, поживёшь какое-то время у моего друга. Потом придумаем что-нибудь. К Юстине заходил?

– Нет её дома, – нехотя сказал Прохор. – И телефон почему-то не отвечает.

– Значит, уехала по вызову, ты же знаешь её работу.

Прохор знал: Юстина работала в отряде полиции особого назначения, занималась боевыми искусствами и часто исчезала по причинам, которые никогда не объясняла.

Вспомнилась Устя, знакомая Прохора-2 из Ф-превалитета номер два. Она так походила на свою «родственницу» Юстину из одиннадцатой числореальности, что сжималось сердце. Захотелось увидеть её снова.

– Поехали к тебе, – решительно встал Саблин. – Соберёшься, успокоишься, и двинемся в Клирово.

– Где это?

– Егорьевский район Рязанской губернии, северная Мещёра. Лет десять назад туда переехал мой дружан Михаил, бывший бизнесмен, да так и остался.

Сели в серебристую, растопырчатую, великолепного дизайна класса «жидкая скульптура» «Киа-Вейр».

– С чего это твоего дружбана понесло в глушь?

– Болел сильно, жить захотелось. Два года лечился травмами, пил чистойшую воду, теперь здоров как бык, обустроил подворье, захиревшую больницу в селе отремонтировал, лесопосадками занимается, пожары почвенные тушит. Короче, сам увидишь.

– Уговорил, – слабо улыбнулся Прохор, оживая. Подумал, что с девушкой Прохора-2 он сможет познакомиться в любой момент, находясь где угодно, хоть в глуши, хоть на Луне.

Оставили машину во дворе дома номер сорок пять, так как двухэтажные «хоромы» Прохора были обнесены забором; дом готовился к сносу. Саблин подозрительно оглядел чёрный джип «Магнум» с московскими номерами.

– Откуда тут такие тачки? Погоди-ка, я первый пойду.

Домофон в подъезде отсутствовал по той же причине: жильцы не стали тратиться на его покупку.

Прохор глянул на облупленные стены дома, на трещины, избороздившие фасад, и ему захотелось уехать отсюда навсегда.

Поднялись по лестнице на второй этаж.

Саблин покрутил носом, разглядывая грязный пол лестничной площадки, толкнул дверь квартиры рукой.

Дверь приоткрылась.

Друзья переглянулись.

– Сюрприз, – пробормотал Саблин. – Ты закрыл дверь, когда уходил?

– Аск.

– Стой здесь. – Саблин осмотрел замок, бесшумно юркнул за дверь.

Проход прислушался к себе.

По его ощущениям в квартире чужих не было, но фоновый шум был потревожен: гости ушли отсюда совсем недавно. Он бы мог встретиться с ними, если бы не отправился в гости к Юстине.

– Заходи, – объявился Саблин. – Посмотри повнимательней, что пропало. Кто-то был здесь однозначно.

Проход вошёл, обратил внимание на сброшенную с вешалки в прихожей одежду, прошёл в гостиную, увидел разбросанные по полу вещи.

– Чёрт!

– Вряд ли, – серьёзно возразил Саблин. – Чертовщиной не пахнет.

Проход заглянул в свою спальню, превращённую им в рабочий кабинет. Здесь на полках, в зеркальном шкафчике, на комодике всегда стояли собранные им собственноручно многогранники, играющие роль энергоинформационных модулей. Музей геометрии, как говорил Саблин, в котором насчитывалось не менее полусотни модулей. Теперь все они были разбиты, разломаны, многие исчезли, особенно маленькие, сложенные из стеклянных палочек и кусочков минералов.

Проход сглотнул.

– За этим приходили? – спросил ему в спину Саблин.

Он покачал головой, достал из кармана эргион.

– За этим.

– Зачем он обыкновенным ворами?

– Это не воры, судя по разгрому, скорее всего Охотники.

– В рот чих-пых горячий пончик! Значит, они всё-таки добрались до Суздаля? Придётся заниматься ими по-серьёзному.

– Я не знаю, как их можно остановить.

– А я вообще не понимаю, чем ты им не угодил. Может, стал свидетелем какой-то махинации? И они теперь устраняют свидетелей?

– По моим сведениям, Охотники нейтрализовали уже не один десяток формонавтов.

– Откуда сведения?

Проход нагнулся, начал перебирать на полу осколки разбитых многогранников.

– От одного из них.

Саблин озадаченно потёр ладонью шею.

– Ты не говорил, что встречался с формонавтами. Где?

– Далеко отсюда, в одном из числомиров Армстронга.

– Когда?

– Давно, ещё когда только учился ходить по «матрёшке». Он меня предупредил, да я понял только сейчас.

Саблин присел на корточки рядом, наблюдая за действиями Прохода. Сказал осторожно:

– С чего ты взял, что Охотники хотят тебя замочить?

– Я не уверен, что они будут мочить, – усмехнулся Проход. – В их арсенале физическое убийство – последнее средство. Но если я потеряю личность, чем это будет лучше смерти?

Саблин помолчал.

– Это верно. – Он с силой провёл себя ладонью по лицу, поднялся. – Помочь?

– Справлюсь. Чай поставь.

Проход убрал мусор, расставил по полкам кучки стеклянных палочек и пластинки минералов, разбитые срезы агата, сердолика и яшмы. Включил компьютер, просмотрел записи на дисках.

– Всё в порядке? – зашёл в спальню Саблин. – Ничего не пропало? Я имею в виду деньги, сувениры, медали, ценные вещи.

– Ничего ценного, если не считать, что стёрты все записи по формологии, численавтике и математике. Но это восстановимо, ничего секретного я в компе не держал.

– А где держишь?

Прохор постучал пальцем по лбу:

– Тут.

– Мы поставим квартиру под охрану.

– Не стоит, вряд ли они сунутся сюда ещё раз.

– Но открыли они её профессионально, не сломав замка, из чего можно сделать вывод, что им помогает либо медвежатник, вор-домушник, либо...

– Спецслужба.

– Точно. Они вышли на кого-то из местных спецслужб, причём это может быть не обязательно силовая контора, а структура МЧС, к примеру.

– Чего гадать? Дело сделано.

– Если эргион у тебя, они за ним ещё придут, так что мы правильно делаем, что уезжаем.

Идём пить чай. Будешь звонить начальству?

– Вообще-то мне работать надо, – с сожалением проговорил Прохор.

– Ну да, есть примета такая: ходить на работу – к деньгам, – пошутил Саблин.

– Я серьёзно, мне дали задание рассчитать характеристики суперрезины из нанотрубок.

– Ничего, посчитаешь позже.

Прохор скрылся в ванной комнате, вышел умытый и посвежевший.

Сели на кухне за стол, выпили по кружке чаю с бутербродами.

Прохор собрал сумку с вещами, оглядел гостиную.

– Такое впечатление, что я сюда больше не вернусь.

– Нездоровое ощущение. Успокаивать и обещать ничего не буду, сам знаешь, в каком непредсказуемом мире мы живём.

– Одиннадцатый Ф-превалитет, реальность «второго отрицания Единого».

– Я не об этом, твоя эзотерика цифр и вложенный в них смысл меня волнуют мало. Чем больше я встречаюсь с людьми, тем меньше мне хочется с ними общаться. Исключения не в счёт. Неужели в будущем ничего не изменится? Ты же там бродишь, должен знать.

– Я не путешественник по времени, я проникаю в то же самое настоящее, что пронизывает всю «матрёшку» Вселенной и существует здесь и сейчас, только каждый слой «матрёшки» живёт чуть иначе. Каждая цифра...

– Формирует пространство, создаёт матрицу форм, ты это уже говорил.

– Просто в числомирах, базой которых служат большие числа, реальность становится изменчивой, плывущей, тающей. Там легко стать колдуном, как говорится, управляющим объектами и силами с помощью мысленноволевых усилий. Но всё равно это не будущее в том смысле, в каком ты это понимаешь. Это... – Прохор поискал термин, – Бездна, вернее, Бездны.

– Где и живут Владыки?

– Вроде того. Хотя я не уверен, что они там живут.

– Если они Владыки Бездн, где они могут жить?

– У меня была мысль поискать их. Ладно, пошли.

Они закрыли квартиру, спустились к машине.

Прохор оглянулся на свой дом, в котором прожил больше двадцати лет, в котором жили родители, а до них деды, в душе шевельнулась тоска.

– Не переживай, – сказал Саблин. – Всё изменится.

– Жаль, если изменится к худшему.

– Есть хорошая поговорка в тему: пессимист считает, что всё плохо и хуже быть не может, оптимист уверен – может!

Проخور улыбнулся. Отлегло от сердца. Саблин как никто понимал его и всегда готов был помочь.

«Киа-Вейр» рванула с места.

* * *

Клирово оказалось довольно большим современным селом, связанным с трассой на Рязань неплохой асфальтовой дорогой.

Проخور насчитал около сотни дворов, пока они ехали на край села, и Саблин сообщил:

– Больше двухсот хозяйств, живёт почти тысяча человек, есть четыре магазина, школа, больница, спортклуб и даже свой кинотеатр с 3D-залом. Поэтому молодёжь уезжать отсюда не спешит. Когда Михась переехал сюда, деревня была на грани похорон, а потом поднялась, когда он больницу восстановил.

– Асфальт тоже он положил?

– Нет, договорился с администрацией района, пообещал турбазу в Мешёре восстановить, на реке Пре, они и засуетились.

Свернули в переулочек, ведущий к лесу, остановились у последнего дома, вполне современного, сложенного из цельных красиво обработанных брёвен, двухэтажного, но не производящего особенного впечатления. Да и забор у усадьбы был условный, из обыкновенной металлической сетки – рабицы.

– Здесь, – сказал Саблин, припарковывая свой спорткар впритирку с забором.

– Не богато, – заметил скептически настроенный Проخور. – А ты говорил, он человек с деньгами. На нормальный коттедж средств не хватило?

– Так ведь смотря как этими средствами распорядиться, – пожал плечами Саблин. – Михась на этот счёт говорит: счастлив не тот, у кого много, а тот, кому хватает. Ему на жизнь хватает.

Ни в саду, ни во дворе, ни в огороде никого не было видно, однако стоило гостям выйти из машины, как дверь в дом открылась, и на крыльцо выбрался грузноватый кряжистый молодой мужик в бело-красной футболке и таких же штанах. У него была короткая седоватая бородка, соломенные усы с проседью, такого же цвета волосы, прикрытые белой бейсболкой, нос картошечкой и улыбчивые тёмно-жёлтые глаза.

– Я его предупредил, – сказал Саблин, открывая калитку и направляясь к дому по усыпанной мелкой галькой дорожке. – Здорово, Михась.

– Здоров, Дан.

Они обнялись. Потом хозяин отстранил приятеля, посмотрел на Прохора.

– Проходи, чего остановился? Я Михась, ну, или Михаил, ежели привычней. А ты Проخور, насколько я понимаю. Дан объяснил на пальцах ситуацию. Ничо, будешь тут как у Христа за пазухой.

Проخور протянул руку и словно попал в клещи: ладонь у бывшего бизнесмена была мясистая, твёрдая и очень крепкая.

Через несколько минут гостю показали его комнату на втором этаже, с видом на лес, Михась провёл прибывших по дому, показывая, где что располагается, и все трое уселись на открытой веранде, пристроенной к основному строению под прямым углом к улице.

Стол на веранде был уже накрыт.

– Решил устроить себе сегодня разгуляй, – признался Михась рокошущим баском. – С полудня дома, жена на работе, она врач-педиатр в больнице, дети – у меня трое – в Рязани, бабуля в цирк повезла, к вечеру приедут.

– Старшему Глебу шесть, младшей Наденьке – четыре, – вставил слово Саблин, накладывая салат.

– И Тимурчику пять, – добавил гордо Михась. – Алкоголь употребляете?

Проخور обратил внимание на отсутствие на столе бутылок с вином, и Михась объяснил:

– Дан не пьёт, я уже десять лет в рот не беру, но для гостя могу открыть что-нибудь приличное, вино есть грузинское, «Саперави», водочка смоленская, коньячок армянский.

– Спасибо, не балуюсь, – отказался Проخور с лёгким сердцем. – Я тоже только на праздники бокал шампанского себе позволяю.

– Это правильно, мозги лучше работать будут. Все эти разговоры о пользе вина – сволочная реклама для продавцов, не верьте. На себе испытал, знаю, о чём говорю. А сейчас вот этой самой рукой быка могу свалить одним ударом!

Михась сжал кулак, мышцы руки вздулись буграми.

Саблин косо посмотрел на Проخورа. Мышцы противника для тренера рукопашки почти ничего не значили, он и сам мог свалить быка, не прилагая особых усилий, но говорить об этом другу не стал.

– Ешьте, что понравится, – повёл рукой Михась. – Салаты, грибы бочковые, сам собирал и сам солил, правда, прошлогодние, нынешних ещё нету, овощи тоже сами на огороде выращиваем. А я объясню, что к чему в здешней епархии.

По словам Михаила выходило, что выжил он только благодаря коренной ломке уклада жизни. Деньги у него были, поскольку после института он занялся бизнесом – производством российских комплектующих для компьютеров и военной аппаратуры, но здоровья на «выращивание» денег уходило столько, что никакое лечение не помогало. Да и к алкоголю пристрастился.

– Спасибо, жена поняла. Рванули вместе с ней сюда из города, когда осознал: ещё полгода такой гонки – и кранты!

Переехав в Клирово, Михаил Шулепов обжился, за год справился со страшным диагнозом – рак предстательной железы, вложил деньги в больницу и начал строить в селе то самое гражданское общество, о котором вспоминал каждый новый президент. Правда, основой этого общества он избрал не демократию, а здравый смысл.

– Демократия, по моему глубокому убеждению, – одурачивание народа с помощью народа для блага этого же самого народа. Скажете, не так?

– Согласен, – кивнул Саблин, наливая себе вторую кружку клюквенного киселя. – Хотя есть другая формулировка: демократия – это когда народ может смело посылать власть туда, где находится сам.

– Если бы всё было так просто, – фыркнул Михаил. – Посылай власть не посылай, счастливей не станешь.

– Почему же? Вверху давно действует классное правило: чтобы сделать человека счастливей, надо у него всё отнять, а потом немножко дать. Что и происходит.

– С этим и я соглашусь.

– Надо жить по закону, – пробормотал Проخور, не ожидая, что его втянут в политический коллоквиум.

– Да я бы не против, дружище, закон справедлив, но всех посадить, к сожалению, нельзя.

В ходе дальнейшей беседы выяснилось, что имел в виду Михаил под строительством нового общества «по здравому смыслу» в отдельно взятой деревне.

– Сначала я часто сорил деньгами, – говорил он. – Давал в долг, ссужал под крохотный процент, тратил на благотворительность. Однако благотворительность, как оказалось, больше рождает потребностей, чем устраняет проблем. Просители начали строить очереди, а дело не сдвигалось с места. К тому же нормального разговора с чиновниками у меня никогда не получалось, так как они смотрели на мои предложения с точки зрения личной выгоды, и если выгоды не было – никто с места не сдвигался. И тогда я предложил иной подход: не собирать справки

для разрешения совершить то или иное деяние, а показывать конкретный результат, полученный втихаря.

– Это как ты лес сажал? – усмехнулся Саблин.

Михаил хохотнул.

– Было дело. – Он кивнул на окна веранды. – Лес видишь? Ему от силы девять лет, а вымахал как пятнадцатилетний. Это лесопосадка, там край болота был и торфяники горели.

– Не может быть! – не поверил Прохор.

– Год назад после очередного пожара собрал в Лесхозе министр коллегия, человек тридцать. Стали обсуждать, что лесоохрана у нас мощная, а новые посадки погибают. Я встал и сказал, что они свои посадки по чиновничьему плану сажали, в День леса – 14 мая, когда сушь пошла, а я свои – до 4 мая посадил, когда почва ещё влажная была. Да ещё сажал по дедовскому методу.

– Это как? – поинтересовался Саблин. – Ты меня не просвещал.

– Деды «по часам» сажали. На том месте, где стрелки крепятся, дуб сажаешь, на двенадцать и на шесть часов – по сосенке, на три и на девять – ёлки. В промежутках – клён, липу, берёзу, ясень. Вот и получается такой лес. – Михаил кивнул на лесной мыс, начинавшийся от границ усадьбы.

– А чиновники как восприняли твою инициативу, не в штыки?

– Сначала презрительно репу чесали, сидят наглые молодые морды, так и двинул бы! А иногда хотелось сунуть голову в песок, как страус, и подождать, пока жизнь на Земле кончится. В общем, когда я им показал свой участок, начали соображать. Теперь у нас лучшее по России лесоразводное хозяйство.

Поговорили о больнице, открытой ещё в 1870 году, которую признали нерентабельной. Михаил просил в районе и области отдать её ему, не отдали, разворовали оборудование, хотели продать территорию площадью в семь гектаров частным застройщикам. Но он провёл местный сход, подключил журналистов и больницу восстановил.

– Я его спрашиваю, – заметил Саблин, – зачем тебе этот геморрой с развалинами? Он ведь не только больницу отремонтировал, ещё и пионерлагерь раздолбанный восстановил. Одни растраты. Жил бы спокойно, деревья для олигархических усадеб выращивал. Так знаешь, что он ответил?

Прохор посмотрел на Михаила, вытиравшего пот со лба.

Михась подмигнул ему.

– Люблю, когда меня хвалят. А насчёт затрат... это же такое счастье – что-то конкретное после себя оставить! Бесплатная больница для стариков, оздоровительный лагерь для детейшек, турбаза, фермерское хозяйство, леспромхоз – двадцать гектаров лесопосадок. Вот живу и радуюсь жизни!

Прохор хотел сказать, что местная чиновничья рать наверняка имеет со всего этого свой навар. Но энтузиазм бывшего бизнесмена потрясал, и об издержках его деятельности вспоминать не хотелось.

– Да и помогать мне стали, – закончил Михаил, вставая из-за стола. – Кто деньгами, кто материалами. Добрых людей, у которых есть кое-какие свободные деньжата, в стране хватает, им просто надо показать, во что и как их вложить. Сейчас самовар принесу, у меня ещё прадедовский.

Он вышел.

Саблин отставил кружку.

– Царский кисель! Как он тебе?

– Кисель?

– Михась.

Прохор молча поднял большой палец.

– Останешься здесь на пару недель?
– На пару не останусь, максимум на неделю.
– Я уеду завтра. Ты обещал мне показать, как можно выходить из башки и бродить по «матрёшке».

Проход покатал по столу шарик из хлеба.

– Это опасно, Дан.

– Вот тебе на! – удивился Саблин. – Сам ходишь, тебе не опасно? Если я научусь выбираться в числомиры, то смогу сопровождать тебя везде, где можно.

Проход помолчал, посматривая на приносящий умиротворение пейзаж, прислушиваясь к далёкому пению петухов.

– Хорошо, завтра.

– Сегодня!

Проход покачал головой, честно признался:

– Отдохнуть хочется. Сердце покоя просит.

– Как говорил один известный политический деятель, – развеселился Саблин, – сроду такого не было – и опять то же самое. Покой нам только снится.

На веранду вышел Михаил, неся двумя руками сверкающий начищенной медью самовар.

– Чаёк поспел.

– Я кисельку, – отказался Саблин.

Проход понял, что, если откажется и он, хозяин обидится, и подвинул к самовару кружку.

* * *

До вечера они с Данимиром отдыхали, обошли окрестности села в том месте, где стояла усадьба Михаила Шулепова, и Проход наконец посвятил Саблина в тайны «перехода души в соседние измерения».

– Помни главное, – закончил он, удовлетворённый тем вниманием, с каким Данимир прислушивался к его словам. – Алгоритм перехода передаётся элементарно, достаточно уметь концентрировать внимание и входить в трансное состояние.

– Это часть боевых практик, – отмахнулся Саблин, – нет ничего проще.

– Начинаешь с представления геометрических фигур, входящих в композицию эргиона, создаёшь число-формо-семантическую структуру...

– Не повторяйся, я уже понял. Что главное?

– Надо научиться делать это очень быстро, как говорится – «пакетом», импульсом. Во-первых, это общее условие перехода. Во-вторых, чтобы достичь определённой числоформной композиции, соответствующей нужной числореальности, надо уметь «перелистывать» слои «матрёшки» со скоростью...

– Пулемёта!

– Не ехидничай, именно так, и даже быстрее. Повторим ещё раз?

Саблин подхватился со стула, – он сидел рядом с кроватью в комнате Прохода, на которой лежал сам Проход, – походил под его взглядом туда-сюда, сел совершенно спокойный.

– Я всё помню, но повторю. Процесс формирования перехода состоит из пяти фаз. Первая: организация события на доречевом уровне.

– Воля.

– Фаза два: уровень мыслеформы.

– Воля – мысль.

– Третья фаза: уровень ментального моделирования.

– Абстрактно-символический.

– Четвёртая фаза: образно-символический синтез, связь цифр и форм. И пятая – выход сознания в состояние потока, проникающего в суть формы.

– Садитесь, студент, пять. По сути, это комбинация замысел – воля – мысль – объединение – решение. Подробности придётся повторять не раз. И ещё надо научиться не только погружаться в спектр числоформ, но и вовремя возвращаться обратно в тело. Оно, конечно, способно функционировать на рефлексках, но время от времени требует опорожнения от шлаков и пополнения энергоресурсов.

– То есть еды и питья. Это я понимаю. Давай попробуем?

– Тебе нужен свой эргион, этот я тебе не отдам.

– Покажи – как, я сделаю.

– Я сам тебе сделаю. Приедешь в следующий раз, он будет готов. Инструмент и материалы я взял на всякий случай.

На улице послышался звук подъехавшей автомашины, потом весёлые детские голоса.

– Михасевы детки приехали, – поднялся со стула Саблин, глянув на часы, – пошли знакомиться.

Уже после вечернего моциона, надышавшись ароматами вечерних трав, они вновь устроились в спальне Прохора с кружками свежесваренного чая.

– Хочу проверить свои силы, – заявил Данимир. – А ты проконтролируешь.

– Надо предупредить Михаила, – вспомнил Прохор.

– О чём?

– Что я иногда буду глух, слеп и нем. Час, два, а то и больше.

– Во время выходов? Да, я ему расскажу... о твоих способностях отключаться от всего мирского. И так, меняемся местами, теперь ты учитель, а я ученик.

– Сядь поудобней, а лучше устройся на кровати.

Саблин послушно лёг на кровать поверх покрывала.

Прохор пристально смотрел на него, пытаясь вспомнить, что он забыл рассказать Данимиру. Саблин заметил это:

– Ты чего смотришь, как боксёр на соперника?

– Не получится – не нервничай.

– Хочешь сказать: рождённый ползать летать не может?

– У меня тоже не с первого раза вышло. Я вообще тогда не понял, что произошло. Хорошо, что мне помогли.

– Тот самый «странник по звёздам»?

– Кто?

– У Джека Лондона есть прекрасный роман «Смирительная рубашка», герой которого научился в тюрьме вылетать из тела и путешествовать по мирам.

– Я не путешествую по звёздам.

– Ну, я образно выразился. Кто он? Я имею в виду – в реальной жизни?

Прохор вспомнил встречу с ДД, как называли все математика Бурлюка, академика РАЕН, первым сформулировавшего законы когнитивной формологии. Они встретились в Москве, на конгрессе математиков, куда пригласили и Прохора, и Дмитрий Дмитриевич сразу понял, чем занимается молодой сотрудник Центра «Осколково». Он и дал первые советы Прохору, позволившие ему осознать впоследствии значение цифр и геометрических форм и стать формонавтом – путешественником по числореальностям.

– Он математик, академик... исчез... при странных обстоятельствах.

– Убили?

– Не знаю, больше я его не встречал.

– Поискал бы.

– Звонил, сказали, что уехал за рубеж.

– Что у тебя за характер? Всё приходится вытаскивать из тебя клещами. Давай эргион.

Прохор протянул модуль:

– Положи на грудь, накрой ладонью.

– Глаза закрывать?

– Как хочешь, необязательно. Я закрываю.

Саблин поёрзал, устраиваясь поудобней.

– Первый шаг – на одну цифру вверх, в десятку. И назад. Правильно?

– Десятка – совершенное число, вечный цикл в Едином, символизирует идею абсолютного совершенства...

– И числовой завершённости, – закончил Саблин. – Означает небо, абсолютную полноту и возврат к единству на высшем уровне. Я помню.

Прохор сел на стул у окна, потягивая чай.

Саблин затих, положив ладонь на миниатюрную композицию – один внутри другого, тот внутри следующего и так шесть раз – многогранник эргиона. Он долго смотрел в потолок, не двигаясь, сосредоточенный на своих ощущениях, и вдруг Прохор каким-то шестым чувством угадал, что Данимир ушёл!

Он отставил кружку с чаем, подошёл к кровати.

Саблин дышал, но очень редко, и сердце у него работало с частотой едва ли не более тридцати ударов в минуту, и глаза глядели перед собой, но ничего не видели.

– Не торчи там долго, – пробормотал Прохор. – Испугаешь «родича».

Где-то стукнула дверь, послышались голоса Михаила и его милой жены Ани. Дверь стукнула ещё раз, голоса стихли.

Донёлся взрыв детского смеха, сменился тишиной.

Дети в семье Шулеповых ложились спать не позже одиннадцати часов вечера, наступил этот момент.

Прошло пять минут.

Саблин по-прежнему не двигался.

Прохор представил себе, как он сам выглядит во время «блужданий души» по числомирам, вне тела, и ему стало неприятно. Саблин смотрелся как «живой труп», человек в коме.

Прохор хотел пошевелить его, брызнуть на лицо водой, попробовать вывести из состояния «комы», но Саблин сделал это сам.

Он вдруг глубоко вздохнул, шире открыл глаза, повернул голову, глянул на друга затуманенным взором.

– Каррамба!

– Слава богу, очнулся, путешественник, – вздохнул Прохор с облегчением. – Я уже пожалел, что согласился на эту авантюру. Получилось? Что видел?

– Офигительное ощущение! – Саблин сел на кровати, потрогал голову, помял шею пальцами. – Сначала я подумал, что ничего не вышло, но потом разобрался.

– Где оказался?

– Не поверишь, но Саблин-10 тоже сейчас в деревне, только она находится не в Рязанской губернии, насколько я понял, и называется Колионово.

– Всё правильно, жизнь близлежащих числомиров отличается незначительно. Меня видел?

– Тебя? Ах да, ты думаешь, тот Прохор был со мной? Нет, он в Суздале, они разговаривали по телефону. По-моему, я его озадачил.

– Кого?

– Десятого Данимира. Он меня почуял, когда я начал осматриваться, и бросился рьяно искать в своей голове «беса». Пришлось успокаивать.

Прохор сжал зубы.

– Как?

– Ну, я ему нашептал на ушко, что я из другого измерения, что таких, как мы, – миллионы и мы можем общаться.

– И он успокоился?

– Не совсем, хотя крепкий мужик, с рассудком у него всё в порядке. Во всяком случае, психовать он не стал, таблетки пить тоже, врачам звонить даже не подумал. Тут позвонил ты, то есть десятый Прохор, я послушал и тихо слинял.

– Я же тебя учил, как обходить сознание носителя, чтобы он ничего не почувствовал.

– Извини, растерялся, – виновато сморщился Саблин. – Дай водички.

Прохор налил в кружку родниковой воды из графина, подал другу.

– Что ещё ты успел оценить?

– Деревню. – Саблин расплылся в улыбке, потряс указательным пальцем. – Мы с «родичем» выходили на улицу. Восхитительная архитектура, без дураков! Такие терема, такие шатры, такие узоры! У нас только в глубинке можно увидеть резьбу по дереву – наличники там, балясины, коники, ворота, да ещё в рисунках художников. У моей Вареньки есть альбомы старых художников, создавших целый цикл картин «Русь изначальная, дохристианская», вот примерно то же самое я и увидел. Дух захватило! Чистое барокко. Всё летит, тянется вверх, воздушное, лёгкое, красивое. А ведь на дворе 30-е годы XXI века!

– Это не барокко, – задумчиво сказал Прохор, слегка удивлённый реакцией всегда уравновешенного Саблина. – Симметрию и гармоничные пропорции пользовали и наши прадеды. Недаром десятка совершенна, потому что объединяет дух и материю. И архитектура десятого Ф-превалитета включает в себя все законы «божественных» пропорций.

– Золотое сечение?

– Золотое сечение, золотой вурф, «летающий» фрактал.

– Ты говоришь как архитектор.

– Я говорю как математик.

– В общем, кое-что я увидел, но понял далеко не всё, так что надо бы сбегать туда ещё разок. Да и «родича» – десятого Саблина успокоить не мешало бы.

– Успокойся, надо всё тщательно проанализировать. Я вообще удивлён, что ты с первого раза вернулся домой, в родного носителя. Мне это удалось только с третьей попытки.

– Ладно, давай анализировать, – согласился Саблин. – Я только за киселём схожу.

Он сунул ноги в тапки, пошлёпал к двери.

– Пока ты будешь пить кисель, я схожу в десятку, – улёгся на кровать Прохор. – Посмотрю, какую ты волну там поднял. Выясню, звонил ли десятый Данимир моему «родичу».

– Я подожду. – Саблин вышел, всё ещё находясь под впечатлением своего первого выхода в «матрёшечную» Вселенную.

Прохор погладил эргион, ощутив его слабую вибрацию, сосчитал до трёх и нырнул в «прорубь» виртуального перехода между числомирами.

Глава 2 Второй

Давайте знакомиться

Вставать было лень. Будильник, встроенный в изголовье кровати, вторично издал мягкий мурлыкающий звон.

– Замолкни! – проворчал Прохор, глядя на чистое голубое небо в окне, с которого сползла ночная вуаль.

Будильник обиженно замолчал.

Вспомнилось старое: лень – двигатель прогресса.

Прохор усмехнулся. Возможно, те компьютерные и кибернетические приамбасы-гаджеты в доме и были выдуманы адептами лени, однако они существенно скрашивали и разнообразили жизнь.

– Кофе!

– В постель? – вкрадчивым, исключительно мягким голосом осведомился мажордом.

– Нет, буду завтракать на кухне, через четверть часа. Кроме кофе, яичницу с беконом на два яйца и бутерброд с фитаки. Мультисок.

– Будет сделано.

Прохор полежал ещё минуту, настраиваясь на рабочий ритм, встал и пошлёпал босыми ногами в бытовой модуль с туалетом и ванной.

Квартира у него была небольшая, двухкомнатная, но современная, напичканная гаджетами всех типов, и любой его жест или слово сопровождалось бесшумными всполохами наблюдающих и ухаживающих за домом технических систем. В 2030 году эти системы завоевали весь мир, и даже в таких небольших русских городках, как Суздаль, ими пользовались все, кто имел достаточно средств для реализации своих фантазий. А поскольку Прохор Шатаев (фамилию Шатаев он взял по матери после того, как отец, Кирилл Смирнов, бросил семью) работал ведущим специалистом студии технического дизайна «Суздалет» при Аэрокосмической корпорации «Энергия», он мог себе позволить пользоваться встроенными в стены, пол и потолок супермодными хомерами, как называли системы датчиков и манипуляторов.

Пока он умывался, сотни белковых датчиков в зеркале, унитазах и раковине провели анализ его физического состояния на молекулярном уровне. Включённая после этого тихая музыка сообщила ему, что со здоровьем у него всё в порядке.

– Выключи, – бросил он, разглядывая себя в зеркале.

Нарциссизмом он не болел, однако за обликом следил, а так как в воскресенье он не брился – из-за той же лени, то подросшая за двое суток щетина напомнила ему о необходимости привести себя в «светское» состояние. «Модно» небритых мужчин он не уважал с детства.

Бритьё заняло три минуты. Роботами типа «универсал» с кучей манипулей Прохор не пользовался, у него была простая бритва «Руссобраун», крохотные эффекторы которой легко превращали кожу лица в идеально гладкую «пустыню».

Яичница и кофе ждали его на кухонном столе.

Здесь хозяйничал кухонный киб, имеющий свой интеллектуальный центр, а помогали ему три передвижных манипулятора. Вся система называлась «Стряпуха» и была изготовлена из отечественных комплектующих в Туле.

Прохор нацепил очки эмкана для дистанционной связи с компьютером по имени Умник, вышел в Интернет и начал листать появляющиеся тексты, проецируемые очками (система бискайп) прямо на сетчатку глаза.

Пока ел яичницу и пил превосходно сваренный кофе, успел оценить мировые новости.

Международная марсианская экспедиция готовилась к зиме на Красной планете, для чего строила подземную станцию в районе горного комплекса Эуменид. В её состав входила и платформа, созданная российскими специалистами, с которой стартовал модуль «Фобос-грунт ББ» и наконец-то достиг спутника Марса, чтобы начать его изучение.

Китайский космический зонд «Шеньчжоу-ГГ» достиг орбиты Юпитера и хотя саму планету не нашёл – она прошла мимо двое суток назад, – это считалось великим достижением. Теперь китайцы намеревались переориентировать зонд и послать его к следующей планете – Урану.

В пустыне Такла-Макан создали первый хисторипарк, куда уже перевезли с десятков хищников юрского периода – динозавров, рептилий и саблезубого тигра, восстановленного по ДНК из найденного в тундре Юкатана трупа древнего зверя. Мода на клоны древних животных приобрела такой размах, что даже в Суздальском зоопарке появился свой мамонт. Причём красный. Назвали его почему-то Геной.

И ещё одна новость привлекла внимание Прохора: человечество готовилось полностью отказаться от нефти как источника энергии. Термоядерные установки, в том числе на холодном ядерном синтезе, почти заменили тепловые электростанции и теснили добрые старые атомные реакторы, отходы от которых превратились для руководителей всех государств мира в большую головную боль.

Дочитав новости и не особенно переживая по поводу самых острых и неприятных, Прохор натянул белые брюки с искрой, надел чёрную рубашку-апах с короткими рукавами и золотым дракончиком на кармашке, велел мажордому прибраться в доме, профильтровать воздух в квартире и спустился во двор, где его ждал самостоятельно выбравшийся из подземного гаража небольшой городской кроссовер «Нюра», выпускаемый питерской фирмой «Маруся Фоменко».

Прохор сел в машину, скомандовал:

– На работу!

– Слушаюсь, – отозвался компай приятным голоском.

Все современные машины выпускались с компьютерным управлением, и за руль можно было не садиться вовсе, автоводитель – компай, по терминологии германских разработчиков, мог довезти пассажиров до места назначения, вписанного в его базу данных. Но Прохор редко пользовался компаем, предпочитая сидеть за рулём и делать вид, что владеет ситуацией.

Точно так же он мог не появляться в студии, решая производственные задачи дома, за панелью личного компьютера. В мире всю пользовались виртуальными офисами, кабинетами и управляющими центрами. Однако в студии, располагавшейся на территории завода по производству вертолётов, работалось почему-то веселее, и Прохор нечасто оставался дома, прилежно добираясь до границы Суздаля на правом берегу реки Каменки.

Поездка заняла чуть больше двадцати минут.

Пробки на дорогах городов России ушли в прошлое, когда была создана единая компьютеризированная система регулирования дорожного движения, базой которой стали навигационные спутниковые сети и центры обработки данных, позволявшие без вмешательства человека мгновенно перестраивать движение таким образом, что потоки машин не нарастали лавинообразно, а управлялись в режиме реального времени как конвейеры на металлургических заводах. Давно было известно, что люди, и в особенности инспекторы ДПС, становились для этой системы препятствием, организующим те самые длиннейшие пробки, и, стоило

какому-нибудь инспектору начать «дирижировать» движением на перекрёстке, тут же движение стопорилось.

Машину пропустили на территорию завода «Суздалёт» без задержек. Пропускные пункты везде давно контролировали автоматы, а также компьютерные системы опознавания и охраны, и уже давно с заводов и фабрик вороватые сотрудники ничего не крали. Даже в России.

Студия «Дизайн-Суздалёт» занимала стеклянную пристройку к зданию заводоуправления. Сквозь прозрачные стены от пола до потолка можно было полюбоваться на цветные кубики и пирамидки разного рода производств, сборочные корпуса, на полигон для первых лётных испытаний и зелёные лесные массивы вокруг завода. Но из пятнадцати сотрудников студии практически никто не бросал взгляды в ту сторону. Заняв свои рабочие модули, отделённые иллюзорными видеостенками, они включали компьютеры и уходили в виртуальные реальности, создаваемые собственным воображением на базе рабочих программ и заданий. Отвлекаться было некогда. Рабочих мест в стране не хватало, и студийцы боялись потерять работу. Лишь в минуты отдыха, когда можно было попить кофейку или покурить, сотрудники «возвращались» из абстрактных миров и вспоминали, где они находятся в реальности.

Проходчик налил себе соку, сел в кресло.

– Привет, Фома.

– Привет, – ответил компьютер, включая объёмный дисплей, который Проходчик называл виомом – от слова «видеообъём». – Рабочее поле?

– Картинку, – сказал Проходчик, имея в виду последнее своё «творение» – красивейшую «снежинку» фрактала.

С Фомой он не только работал, но и занимался числонавтикой, находя в математических лабиринтах больше прелести, нежели в приятельских компаниях.

Ведущим специалистом он стал год назад, разработав программу для интерактивных стендов всех исторических музеев страны (началось всё с музея Суздаля). С тех пор в его планы всегда вставлялись начальством расчёты подобных стендов для учебных заведений, конференций, советов и конгрессов, что уже начинало надоедать. В настоящий же момент Проходчик занимался расчётами фрактальной инсталляции развития Суздаля как базы православной архитектуры, и ему нравилось создавать виртуальные шедевры будущих панорам, где соседствовали бы и старинные храмы, и супермодерновые конструкции на основе биофрактальных сочетаний. И венцом этого процесса была математика, «царица наук», экзотические операции с числами, о которых большинство простых людей просто не имело понятия.

Именно поэтому Проходчик и занялся в своё время числонавтикой, наукой, опирающейся на фундаментальные свойства чисел, ставших базой формирования законов Мироздания.

До него люди тоже занимались изучением числовых характеристик и правил, от Пифагора до Капрекара, создав астрологию и нумерологию, оставив множество найденных экзотических чисел, имеющих постоянные скрытые закономерности. Недаром математика знала десятки постоянных, носящих имена их открывателей: Армстронга, Грэма, Сьюза, Апери, Эйлера-Маскерони, Гельфонда, Пифагора, Капрекара и многих, многих других. Мечтал оставить своё имя в числонавтике и Проходчик, всё своё свободное время отдавая этой увлекательной дисциплине.

В модуль заглянул Тимоха – Тимофей Крымский, художник, способный одним росчерком пера изобразить характерную выразительность любого человеческого лица. Ему было за пятьдесят, но выглядел он гораздо старше благодаря седой бороде а-ля Шекспир и гриве седых волос, падающих на лоб. Он участвовал во всех художественных биеннале в Суздале и Москве, был известен далеко за пределами России, но в студии к нему относились с изрядной долей скепсиса, что отражалось и на обращении к нему сотрудников; для них он был не Тимофей Львович, а просто Тимоха.

– Гуд мониторинг, великий трудяга, – прогундосил он. – Ты уже ботаешь. А это что за конструкция?

Прохор убрал в объёме дисплея «снежинку» фрактала под названием «звёздная пыль». В геометрических фигурах подобного рода он находил неизъяснимую прелесть и любил усложнять их собственными построениями.

– Это кластер Коха.

– Чего?

– Был такой математик. Я тебе нужен?

Тимоха почесал за ухом.

– Понимаешь, мой приятель купил машину и теперь жаждет взять номер 666, а я слышал, что это якобы «число зверя».

– Я здесь при чём?

– Ты математик, должен знать свойства этого числа. Стоит ли его брать и цеплять как номер.

– Вообще-то, мне по фигу, но я бы не стал брать такой номер. С одной стороны, число 666 выражает высшую силу и качество, с другой – усиливает двусмысленность и лживость. В сравнении с цифрой семь, считающейся священной, шестёрка выражает неполноту и ущербность.

– Почему?

– Шесть – это семь минус единица. Как говорят эзотерики, на нём поэтому лежит какая-то тень.

– То есть ты против.

– Я тебе уже ответил, да и не я решаю, – флегматично пожал плечами Прохор. – Число шесть считается не достигшим совершенства, не содержит божественное, а повторенное три раза вообще символизирует дьявола. В нём человек сам себя ограничивает самим собой.

– Мрак! И ты так считаешь?

– Я не эзотерик, не каббалист и не мистик, я математик. Мне интересны свойства сочетаний шестёрок в приближении к геометрии и физике Вселенной.

– Высоко берёшь. Ладно, я понял, вечером загляну к тебе, ты меня заинтриговал.

Тимоха, одетый в светло-коричневый вельветовый пиджачок и рубашку, распахнутую чуть ли не до пупа, испарился.

Прохор снова вывел в объём дисплея «снежинку Коха», полюбовался рисунком ветвей, мысленно нарастил белоснежные чешуйки, выращивая «деревце», потом переключился на задание – завершить дизайн корпуса перспективного скоростного вертолёта «Суздаль». Вертолёт должен был летать со скоростью до восьмисот километров в час, подниматься чуть ли не в стратосферу и нести на борту до десяти пассажиров. Задача была интересной, так как имела не одно решение, и Прохор занимался расчётами с удовольствием.

Внезапно прозуммерила клипса мобильного айкома в ухе.

Не включая весь модуль коммуникатора, запрятанный в часах фирмы «Phosphor», Прохор одним пальцем выщелкнул из клипсы усик микрофона, придвинул к горлу.

– Слушаю.

– Доброе утро, творец моего настроения, – прозвучал в наушнике нежный голос Устиньи. – Могу я тебя увидеть?

Прохор поколебался долю секунды, так как уже настроился на включение в рабочий процесс, но обижать девушку не хотелось, и он поставил перед собой на столе пластину айкома, соорудившего виртуальную панель связи.

Над светящейся шишечкой айкома выросла световая нить, развернулась лепестками веера, превратилась в головку Устиньи. Девушка была натуральной блондинкой, и её волосы всегда светились, как под лучами солнца.

– Привет, – сказал он. – Я уже влез в Сеть.

– Извини, я на минутку, – смущённо сморщила носик Устинья. – У Феоны сегодня день рождения, пойдём вместе? Подарок я уже купила.

Прохор обратил внимание на просящие нотки в голосе подруги, понял, что может отказаться.

Устинья редко разговаривала так с другими, будучи особой решительной, волевой и независимой. Недаром она считалась одним из лучших скайдайверов и бейсджамперов⁷ России. Она прыгала с парашютом как с самых высоких зданий мира, так и с виадуков типа французского Мийо⁸ и различных скальных стен. Однако главным её занятием были полёты на углепластиковых крыльях через известные проливы – Ла-Манш, Ормузский, Скагеррак – и прыжки с высотных аэростатов, достигающих рекордных на сегодняшний день высот.

На её счету был и самый скоростной, наравне с самым затяжным в истории скайдайвинга России, стратосферный прыжок с высоты сорок километров. И при этом Устинья Бояринова была хрупкой девушкой, красивой, безупречно сложенной и исключительно привлекательной.

Познакомил их Данияр Саблин, друг Прохора, три года назад, и встречались они часто, но речь о совместной семейной жизни не заходила. Прохору и так жилось хорошо.

Характер у него был задумчивый, философского склада, не склонный к импульсивности, терпеливый и необидчивый, поэтому драйва он не жаждал, собственную позицию отстаивал редко, был уравновешен и больше уступал, нежели настаивал на своём. Но уж если решил что, сдвинуть его с этой точки зрения было невозможно. А из всех видов спорта он предпочитал шахматы. И биатлон. Правда – преимущественно смотреть.

– Что молчишь? – не поняла Устинья. – Перезагрузись.

– Я сегодня вечером рассчитывал сходить к родителям, – признался наконец Прохор.

– Незадача, – погрустнела девушка. – Я рассчитывала, что ты будешь свободен.

– Давай завтра встретимся, в кафешке посидим на набережной.

– Завтра я улетаю.

– Куда?

– В Тролтиндене собираются знаменитые бейсеры, состоится второй чемпионат мира по вингсьюту⁹. Я в команде.

– Тролтинден – это где?

– В Норвегии, в районе Рамсдалъ. Там есть роскошная горная Стена Троллей.

– Круто! Ты там уже прыгала?

– Нет, с самой стены не прыгала, но была в Транго Тауэр в Пакистане, это примерно то же самое.

– Когда вернёшься?

– Не знаю точно, наверно, через неделю.

– Ладно, удачи.

– Значит, сегодня мы не увидимся?

– Понимаешь, – он замолчал, не зная, какую причину придумать.

– Не жуй кашу! – рассердилась Устинья. – Не хочешь – так и скажи, я одна пойду к Феоне. Или с Глебом. Пока.

– Подожди, – спохватился он, услышав имя Глеб, но остановить её не успел, трепетно-прозрачное личико Устиньи исчезло, она выключила бискайп.

⁷ Скайдайвинг – «ныряние в небо», вид экстремального спорта, прыжки с парашютом с больших высот. Бейсджампинг – экстремальный вид спорта, в котором используется специальный парашют для прыжков с фиксированных объектов.

⁸ Мийо – высота 340 м.

⁹ Вингсьют – костюм-крыло, имеются в виду прыжки с вингсьютом, разновидность прыжков с парашютом.

Проход немного расстроился, хотя и не надолго. Во-первых, он знал, что Устя отходчива и не умеет долго обижаться. Во-вторых, его ждала интересная возня с формулами и числами, и это казалось важнее, чем обиды подружки.

Через минуту он погрузился в мир геометрических построений, затягивающих человека не меньше, чем наркотик традиционного происхождения.

Очнувшись к обеду, с удовлетворением посмотрел на своё творение – изумительно выпендрёжный хищный корпус нового вертолёта. Для его создания потребовались не только математические способности, но и знание электроники, компьютерной техники, аэродинамики и теории конструирования, а также технологии изготовления машин подобного класса, требующих иных источников энергии, более мощных, чем бензин и керосин. Тем не менее Проходу всего за три месяца удалось создать концепт, который не стыдно было представить на конкурс.

В модуль заглянул шеф студии Рельсин Марк Ермолаевич; сотрудники за глаза его звали Шпалой.

– Ну, как дела, фантазёр?

– Голова пока цела, – сострил Проход, откидываясь на спинку кресла и стягивая с головы дугу эмкана.

Телепатические системы управления – эмканы вошли в моду недавно, однако существенно облегчили и ускорили связь с компьютером.

– Да! – с чувством проговорил шестидесятилетний Шпала, всматриваясь в объём дисплея. – Не зря я тебя готовлю на премию.

– Кого ж ещё, – отпустил ещё одну шутку Проход.

Шпала не отреагировал, ещё какое-то время разглядывая его творение, похлопал по плечу и убежал.

Проход сходил в общий хозблок, попил кофе, поболтал с девочками-на-побегушках, как все называли женский триумвират студии, – секретаршу, бухгалтера и юриста, пообещал всех в скором времени угостить шампанским и вернулся на рабочее место.

Пришла мысль позвонить Устинье, извиниться и сообщить, что он передумал.

Однако мысль не нашла отклика у соседей, занятых креативными размышлениями, и о своём желании он благополучно забыл.

Вспомнил под вечер, когда садился в машину.

Сначала ему показалось, что зазвонил телефон. Он даже постучал по клипсе наушника.

Телефон молчал, зато стало казаться, что на него кто-то смотрит.

Проход оглянулся и встретил взгляд Прыщика, как в студии прозвали Костю Шишканова, штатного программиста. Прыщику исполнилось двадцать шесть лет, был он горяч и самолюбив, хвастался тем, что может расколоть защиту любой компьютерной сети, но за самолюбие и отсутствие меры буквально во всём его никто не любил. Хотя специалистом он был действительно хорошим.

Проход хотел помахать ему рукой – раз уж увидел, но Прыщик почему-то сделал вид, что не узнал коллегу, отвернулся и сел в подъехавший золотистый внедорожник «Ниссан Жук». Внедорожник тут же уехал.

«Ну и фиг с тобой, – меланхолично подумал Проход, устраиваясь на водительском сиденье собственного авто. – Не очень-то хотелось с тобой трепаться».

Однако «Жука» золотистого цвета он увидел ещё раз, когда выходил из машины во дворе своего дома. Удивился, вспоминая, где он только что встретил кроссовер.

«Следит он за мной, что ли?» – пришла неуверенная мысль.

«Ага, нужен ты ему, как дельфину зонтик», – отозвалась другая мысль, формирующая характер. Он с детства научился задавать вопрос: на фиг это кому нужно? – пока в душе не сформировался поведенческий комплекс пофигизма, усиливший природную флегму. Хотя

совсем уж чёрствым он не стал, не всегда, но всё-таки отзываясь на порывы души помочь кому-нибудь.

Водитель «Жука» словно почувствовал взгляд Прохора, сдал назад, и кроссовер скрылся за соседним домом.

Прохор поднялся на второй этаж, открыл дверь, прикоснувшись ладонью к сенсору замка, умылся, предвкушая диалог с компьютером, который никогда не задавал ему лишних вопросов. Снова мелькнула мысль позвонить Устине, и снова не задела центров реализации, оставаясь философской возможностью в любой момент осуществить намерение.

Мажордом сварил кофе.

Потягивая ароматный, с лёгкой кислинкой напиток, Прохор сел за стол в кабинете, в который он превратил небольшую гостиную, включил компьютер.

– Привет, – сказал Умник своим «живым» архивежливым голосом.

Прохор хотел скомандовать ему: сегодня продолжим разработку алгоритма призмы – имея в виду под этим термином способ разложения чисел на естественные спектральные числовые составляющие, но внезапно кто-то окликнул его.

Он в недоумении оглянулся.

В гостиной никого не было. Тихо тикали старинные маятниковые часы на стене, подарок деда. В окно светило вечернее солнце, готовое скрыться за шеренгой домов, с улицы сквозь окно доносился шелест проезжавших мимо дома машин. Привычная уютная обстановка, располагающая к отдыху. Неужели почудилось?

– Умник, ты звал? – спросил Прохор на всякий случай.

– Нет, – ответил компьютер.

«Я звал», – раздался в голове далёкий и одновременно осязаемо близкий голос. Он звучал непосредственно внутри головы.

Прохор замер. Никогда в жизни ему не приходилось слышать «потусторонние» голоса и сражаться с галлюцинациями. Он не курил «травку» и тем более не кололся, жизнь была насыщена интереснейшими вещами и без этого. Но ведь голос не возник ниоткуда? Кто-то произнёс эти слова: «Я звал»?

– Кто... ты?

«Прохор Смирнов, – ответил невидимый собеседник. – Если не станешь психовать и вызывать врача, я всё объясню».

– Н-не стану... Где вы? Выходите.

Послышался смехок.

«Я уже вышел, внутри тебя. Теперь слушай. Или тебе всё-таки понадобится успокоительное?»

– Н-не понадобится.

«Великолепно! Тогда вникай, рассказ займёт какое-то время, а потом я тебе сброшу файл инфы, которая станет твоей базой данных. Мне понадобится твоя помощь, а тебе, возможно, моя».

– Вы... ты... Смирнов – это фамилия...

«Твоего отца, знаю, в моей числореальности фамилия осталась той же, это ты здесь взял фамилию мамы. А вообще мы родственники».

– Что?!

«Не ори, учись говорить мысленно. Мы родственники в каком-то смысле, так как реализуем в числоформном спектре одну родовую, то есть трансперсональную линию. Ты живёшь во втором Ф-превалитете, я в одиннадцатом, но по сути мы – один и тот же человек. Мы даже не братья, мы – ближе».

– Бред! – очнулся Прохор.

Раздался знакомый смехок.

«На твоём месте я реагировал бы точно так же. Готов меня слушать?»

Проخور залпом допил кофе, не чувствуя его вкуса, унял дрожь в руках, сел поудобней.

– Валяй.

«Ещё раз советую – научись говорить со мной телепатически, мысленно, иначе люди вокруг примут тебя за шизоида. Да и не безопасно это. Итак, вот моя история».

И Проخور услышал такое, отчего у среднестатистического российского обывателя съехала бы крыша, либо он вообще ничего бы не понял.

«Поэтому я здесь, – закончил Проخور-11 будничным тоном, словно читал главу из книги. Там я изгой, здесь меня, то есть нас, никто не знает как формонавтов. И, надеюсь, не узнает».

– Как ты... – начал было Проخور, потом вспомнил совет, с усилием перешёл на мысленное общение: «Как ты там устроился?»

«Что значит – как?» – не понял вопроса одиннадцатый.

«Ну, внутри меня...»

«А вот этого я тебе объяснить не смогу. Сам не сильно понимаю, каким образом моя душа оказывается в черепках моих «родичей». Оседает бесплотным облаком как пси-полевой кластер, при определённом манипулировании числами и символами. Я тебя научу».

– Я ещё ни разу... «Прости, не привык. Я ещё ни разу не бродил по числам... то есть по числомирам».

«Процесс увлекательный, хотя я не уверен, нужно ли тебе это умение. Охотники везде понастроили систем наблюдения, сидят как пауки, ждут добычу, формонавты для них – что шпионы для контрразведчиков. Они гоняются за нами без устали».

«Почему?»

«Видимо, мы представляем для Владык Бездн какую-то опасность. Тем, что знаем суть Бытия. Чем-то ещё. Долго рассказывать».

«Значит, если я не сунусь в эти... измерения, меня не тронут?»

«Не знаю, – честно признался Проخور-11. – Хотелось бы верить».

«Бред!»

«Не повторяйся, что ты заладил одно и то же? Я плохо объяснил тебе наше положение?»

«Твоё положение».

«Ошибаешься – наше! Хорошо, что я предупредил тебя, а то бы ты никогда не врубился, что происходит, особенно в случае появления в вашем превалитете Охотников».

«И что они сделают?»

«Боюсь, ничего хорошего. Сотрут память, изуродуют психику, лишат способности сообщать, убьют, наконец! Всё, что угодно!»

«Но ты им ничего не сделал!»

«Я умею то, чего не должен уметь. Я видел то, чего не должен был увидеть».

«Может, я всё-таки чокнулся? – робко подумал Проخور. – От занятий числоводикой? Разговариваю сам с собой...»

«Почему бы не поговорить с умным человеком? – пошутил Проخور-11. – Я – это ты, ты – это я. Отличная компания! Вселенная устроена сложнее, чем ты думаешь. Все цифры и числа организуют превалитеты своих форм, свою геометрию. Каждой формой управляет своя цифра или число. Первоцифры – от единицы до девяти – абсолютны, то есть дают реальный материальный спектр, остальные – менее плотный и квазиустойчивый».

«Чем больше число...»

«Тем менее устойчива числореальность. Переход с одной цифры на другую даёт переход из пространства с одними законами и геометрией в пространство с другими константами взаимодействий. Рядом стоящие превалитеты различаются мало, но чем ниже – по увеличению числа, тем больше меняются физические законы. Я путешествовал сотни раз и видел удивительные вещи».

«Тогда и я хочу».

«Не торопись, всему своё время».

«И везде есть Прохоры Шата... Смирновы?»

«Везде! Трансперсональные генетические линии пронизывают все слои «матрёшечной» Вселенной. Наши предки знали это, потому и зашифровали знания в игрушках типа матрёшки и Змея Горыныча, а также в былинах. В глубинах Бездн изменяются даже такие параметры, как форма тела существа. Если в начала спектра я был человеческим существом, то после шеститысячного превалитета я могу оказаться кем угодно, даже крокодилом».

«Шутишь?»

«Ничуть. Многообразие всех форм одного и того же тела образует непрерывное множество или ещё одно символическое измерение, для каждого объекта – своё, в котором этот объект может существовать физически. А цифры и числа структурируют не отдельные объекты, а пространство, вакуум, понимаешь?»

«Значит, в числомирах с большим превалитетом кресло, в котором я сижу, имеет другую форму?»

«Совершенно верно, в соответствии с законами того мира. И остальные предметы тоже. Я не проверял, но, возможно, когда-нибудь проверю. Короче, формонавт переходит в разные подпланы Бытия, где действуют другие законы взаимодействий. Это главное, что ты должен помнить».

«А если меня... или тебя... убьют? Линия прервётся?»

«Молодец, креативно мыслишь. Нет, похоронят одного Смирнова в родном Ф-превалитете, остальные останутся в своих».

«Как же ты в таком случае попадёшь в тот числомир, если «родич» мёртв?»

«Не попаду, но останутся ещё сотни, тысячи других «родичей» в других числореальностях. Но вопрос интересный, я пытался решить его, экспериментируя с переходом в другие живые объекты, но не преуспел, не было времени».

«Понятно. Значит, я чуть-чуть не дошёл до твоих открытий. Но я никогда не думал о формологии...»

«О формонавтике? Формологией и у вас интересуются. А формонавтикой, объединяющей обе науки, формологию и числонавтику, занимаются единицы. Я вообще знаю только одного человека, академика Дмитрия Дмитриевича Бурлюка. Точнее – знал».

«Он погиб?»

«Исчез. Ну что, отдохнёшь?»

Прохор почувствовал озноб. Количество полученной информации превысило предел осмысления. Запасы удивления, неприятия и сомнений кончились, наступила апатия, навалилась усталость.

«Да, пожалуй».

«Отдыхай, поговорим завтра».

«Червячок» голоса «родича» из параллельного одиннадцатого измерения, заползший в голову, растаял.

Прохор очнулся, поднял голову и не поверил глазам.

В комнате было темно.

За окном наступила ночь.

Он просидел в кресле перед включённым компьютером больше четырёх часов!

Не пытаясь оценить свой первый опыт общения с самим собой, он поплёлся в ванную, искупался и рухнул в кровать.

Последней мыслью была мысль поговорить с Даном Саблиным, рассказать ему о своих «контактах второго рода».

Через минуту спасительный сон смежил веки.

Пленница свободы

Свой двадцать восьмой день рождения Феона справляла в загородном домике родителей, расположенном на берегу небольшого озерца Светлое в пятнадцати километрах от Суздаля. Домик коттеджем назвать было трудно, потому что ему было полвека и принадлежал он кооперативу «Каменковский», созданному ещё в прошлом веке.

Родители Феоны уехали в город.

На даче собралось пятнадцать человек, в том числе – шестеро из группы Глеба Мисюры, включая саму Феону и Устинью. Глеб руководил российской командой бейсджамперов уже четыре года и был самым старшим из группы: ему исполнилось тридцать четыре года.

Он, конечно, знал о существовании Прохора Шатаева, к которому Устинья была неравнодушна, поэтому хотя и пытался с ней сблизиться, но делал это ненавязчиво и деликатно. Из каких-то источников он хорошо представлял себе характер Прохора и верил, что Устинья, девушка красивая и неглупая, разберётся, где её настоящее счастье. Он ждал.

Не раз об этом заговаривала и Феона, с которой Устинья дружила с института: обе заканчивали физкультурный институт по классу паркура. Так было и в этот раз, когда гости разъехались поздно ночью по домам и подруги остались вдвоём.

– Ну что ты за него держишься? – возмутилась Феона, статная высокая брюнетка с короткой стрижкой. – Он же самодовольный и вялый, как... как собачье ухо! Даже фамилия у него Шатаев, что совершенно точно отражает натуру.

Устинья перевернулась на бок, улыбнулась.

– Ты его мало знаешь. Он умный.

– Умный! – фыркнула Феона. – Этого мало, девочка моя. Он просто себе на уме и всегда думает только о своей математике.

– Не всегда, – покачала головой Устинья. – Шатаев он по матери, по отцу Смирнов.

– Что в лоб, что по лбу!

– Не говори так. Родственники у него Морозовы.

– Вот видишь? Законченный родовой тупик: Шатаевы, Смирновы да ещё Морозовы! Чтобы он думал больше о других, его надо вскипятить.

– Как? – удивилась Устинья.

– Ограничить, не давать, не подпускать к себе.

– Да люблю я его, Фея, понимаешь? Поссоримся – я первая бегу через день мириться. Если он хочет близости – да вот она я! Хочу того же. Почему я должна его ограничивать? А после близости и остальное приятно, интересно и необходимо. Да, он математик, и для него числonaвтика важнее в жизни, чем я. Но так хочется верить, что он наконец повзрослеет и станет...

– Кем?

– Мужиком, – грустно улыбнулась Устинья. – Я ведь ему только добра хочу.

– Навязанное добро – зло.

– Я не навязываюсь. Он без меня проживёт. А я без него...

– Что ты всё за упокой? – снова рассердилась Феона. – Да, он у тебя смазливый, ходит красиво, но ведь и ты не дурнушка? Вон как Глеб за тобой увивается! А он посерьёзней твоего математика будет. Брось его, хотя бы на время, поживи месяц свободно, сам прибежит.

– Свободно я не умею. Как сказал поэт:

Я – узница свободы,
Ты пленник вечной Тьмы.

– Тем более его надо бросить, – вздохнула Феона, обнимая подругу. – Стихи – это хорошо, только в жизни всё гораздо прозаичней и проще. У меня тоже был свой математик.

– Коля? Он же был электронщиком.

– Какая разница? Отношение ко всему было таким же, как у твоего Проши. Не успели мы с ним пожить нормально, и так радости мало. – На глаза Феоны навернулись слёзы.

Устинья погладила её по голове, сама с трудом сдерживая слёзы.

Николай, друг Феоны, погиб год назад в автокатастрофе, с тех пор она не ждала от жизни ничего хорошего.

– Не жалей о том, что радости мало, этим ты приобретёшь ещё одну печаль.

Феона улыбнулась сквозь слёзы.

– Так и будем друг дружку утешать, то я тебя, то ты меня. А насчёт своего Прохора подумай, ему действительно многого не хватает.

– Ему не хватает одного: он меня не любит.

– Вот и уходи от него, – решительно махнула рукой Феона. – Глаза голубые, улыбается приятно, носит классные костюмы, а характер – обнять и плакать!

– Костюмы он носит от Ральфа Лаурена.

– Вот-вот, костюмы от Лаурена, рубашки Барбери, галстуки Мачинелла, мокасины Людвиг Рейтера, не говоря уже о ремнях Мальберри, но по мне уж лучше демократическая джинса, что носит Глеб.

– Они совсем разные. Я и сама люблю стильную одежду.

– От Валентино, – хмыкнула Феона. – Я, что ли, не люблю? Это нормально для женщины, и очень подозрительно, если мужик так тщательно одевается. Что он скрывает?

– Что он маньяк, – предположила Устинья.

Феона засмеялась.

Устинья засмеялась тоже, чувствуя, как становится легче, обняла подругу. Долго печалиться было не в их природе.

Уже собираясь уходить, через час лёгкой болтовни и воспоминаний, Феона задержалась на пороге комнаты.

– Что ты там говорила, чем занимается твой Проша?

– Числоведкой.

– С чем её едят? Это раздел математики?

– Он фанат, много раз рассказывал о свойствах экзотических чисел, знает все их смыслы и тайны. Знаешь, это довольно-таки интересно.

Феона презрительно повела плечиком.

– Математика никогда не входила в круг моих любимых предметов. В школе я больше любила географию. Ну, спокойной ночи и приятных снов. Выкинь его из головы.

Дверь закрылась.

– Легко сказать – выкинь, – грустно прошептала Устинья, воскрешая в памяти лицо Прохора.

С его рассеянным взглядом – он так смотрел на всех – она и уснула.

Я тебе верю

Совладельцу спортклуба «Чемпион» можно было и не вставать в половине седьмого утра, но Данияр Саблин, чемпион Казахстана по боям без правил, а потом и чемпион России, привык вставать в это время и легко поднялся на кровати, опередив будильник ровно на три секунды.

Фамилией Саблин он был обязан отцу, именем Данияр – матери, которая принадлежала к тому же роду, что и нынешний президент Казахстана.

Впрочем, на судьбе Данияра это не сказалось никак. Закончив университет в Астане, приближенным к властной структуре Казахской республики он стать не мечтал, а характер взял от обоих: от отца – решительность, упрямство в достижении цели, хладнокровие и реактивность, от матери – терпение, уважение к старшим и великодушие.

По утрам он бегал по набережной, любуясь рекой и зелёными насаждениями вдоль берега.

В начале восьмого принял душ, переоделся, позвонил Валерии:

– Доброе утро. Не разбудил?

– Завтрак готов, заходи, – ответила подруга, жившая в соседнем доме, напротив Никольской церкви.

Она работала в МЧС, командовала отрядом спасателей суздальского Центроспаса и была особой очень своенравной. Данияр давно предлагал ей начать совместную жизнь, но Лера почему-то не спешила обзаводиться семьёй, каждый раз ссылаясь на важные, по её оценке, обстоятельства. Основным доводом девушки было утверждение, что она практически не живёт дома, пропадая по делам днями и неделями.

– Ты не выдержишь, – безапелляционно говорила она, – сбежишь через месяц.

Данияр возражал, обижался, сердился, потом смирился, понимая, что его настойчивость может восприниматься отрицательно: Лера слишком любила независимость. Ситуация складывалась уникальная: он хотел жениться, сыграть свадьбу, она не хотела. В то время как у друга Данияра, Прохора, всё было ровно наоборот: Прохор встречался со своей девушкой Устиньей давно, однако предлагать руку, сердце и совместную жилплощадь не торопился.

Лера ждала Саблина в дверях, одетая по-походному.

Чмокнула в щеку, протянула ключ.

– Извини, тревога, пожар в торфянике у Змеихи, объявлен сбор. Позавтракаешь, закроешь квартиру. Посуду мыть не надо.

– Но мы бы успе... – начал ошеломлённый Саблин.

– Всё, прости, не хочу опаздывать, созвонимся. – Лера ещё раз поцеловала его и исчезла за дверью. Торопливо простучали каблучки по ступеням лестницы, и всё стихло.

– Вот и вся любовь, – глубокомысленно проговорил он, глядя то на дверь, то на ключи в руке. – Созвонимся. Когда?

На кухне его ждала творожная запеканка, сметана, холодное молоко в чашке, как он любил, сыр и горячий зелёный чай.

– Комильфо, – хмыкнул Саблин, разглядывая стол. – Но если честно, стандарт. Придётся твою «Стряпуху» учить по утрам готовить более разнообразно.

Запеканку тем не менее он съел, посмаковал зелёный чай с лимоном, прибрал на кухне, так как везде любил порядок и чистоту, закрыл дверь за собой и поехал на работу.

Ездил он быстро, не прибегая к помощи компа. Современные компьютерные системы управления, которыми теперь снабжались выпускаемые автомобили, заботились прежде всего о безопасности пассажиров, поэтому соблюдали все правила дорожного движения, отчего средняя скорость потоков машин в городе не превышала тридцати километров в час.

Кто любил езду погорячее, отключал компа и водил авто вручную, хотя тоже вынужден был ездить почти с той же скоростью, так как за дорогами вёлся постоянный телекамерный контроль.

Саблин лихачом не был, однако его спортивный «Киа-Вондер» требовал другого подхода, и он, где можно, включал режим «аллюра», пользуясь услугами антирадаров «Стингер-200». Изредка он всё-таки не успевал вовремя сбросить скорость на дорогах Суздаля, но «письма счастья» его обходили, потому что в ГИБДД города работали родственники Данияра, знавшие о его пристрастиях.

Счастливо избежав встречи с инспекторами и на этот раз, он припарковал машину в подземном гараже спортклуба и поднялся на последний – тринадцатый этаж, где располагался офис управляющего.

Секретарша Света уже работала. То есть сидела с деловым видом у объёмного дисплея и рассматривала какие-то модные женские костюмы. Увидев входящего босса, она не смутилась, просто переключила новостной канал.

– Китайцы высадились на Луне, – сказала она радостно. – Здравствуйте, Данияр Тимофеевич. Кофе?

– Как всегда, с лимоном, – сказал Саблин, проходя в кабинет, который он делил с совладельцем клуба Женей Дряхловым – в целях экономии. Клуб почти не приносил прибыли, и уже давно Женя предлагал организовать на его территории кафе или ресторан, хотя бы безалкогольный.

Света принесла кофе, вазу с конфетами, кокетливо поправила прядку мелированных волос. Она была симпатична и исключительно сексуальна, к тому же ещё и заботлива, но Саблин держал её на расстоянии, редко отвечая шуткой на её игривый тон. Он был однолюб, в отличие от компаньона, и образ Леры в памяти не тускнел никогда, кто бы ему ни улыбался.

Забот и проблем у руководства клуба хватало, и не все они относились к организации тренировок и соревнований. Хозяйственной деятельностью занимался Евгений, будучи в хороших отношениях с администрацией города и местными бизнесменами. Саблин же организовывал процессы тренировок разных видов спорта и устраивал состязания, приглашая спортсменов не только из района и области, но и из Москвы, из других городов и из-за рубежа. Особенно ему нравилось организовывать матчи сборных России и других стран по боям без правил, в которых он сам принимал участие.

Однако этим утром позаниматься делами ему не пришлось.

В половине десятого внезапно позвонил Прохор Шатаев. Он был хмур, озабочен и сосредоточен.

– Привет, чемпион. Можешь приехать?

– Я занят, – сказал Саблин. – Могу подъехать вечером, после работы.

– Ты мне очень нужен.

– Что случилось?

– Не по телефону.

– С тобой всё в порядке? – забеспокоился Саблин. – Выглядишь как после автоаварии.

Или с твоими что?

– Нет, все здоровы, – мотнул головой Прохор, не реагируя на тон друга. – Хотя, может быть, у меня с головой что-то. Приедешь, сам оценишь.

– Да что с тобой? – не на шутку встревожился Данияр. – Может, врача вызвать?

– Когда ждать?

– Врача?

– Дан, мне не до смеха. Когда приедешь?

Саблин посмотрел на разложенные по столу бумаги, на схему в объёме дисплея, показывающую взаимодействие спортивных организаций Суздаля, но отказывать другу не решился.

– Через минут сорок тебя устроит?

– Жду, я дома. – Видеообъём айкома погас.

– Какая муха тебя укусила? – выпятил губы Саблин, размышляя над словами и поведением Шатаева. – Первый раз я вижу тебя таким взъерошенным. Математики такими быть не должны.

На сборы ушло три минуты.

Саблин сказал Светлане, что вернётся после обеда, попросил объяснить Евгению, что убыл по делам в исполком Федерации тенниса, и спустился к машине.

Проход Шатаев жил в новой семнадцатизэтажке, формой напоминавшей не то корабль, не то уют. Этот стеклянный сверкающий «уют» был виден издали, и многие жители города завидовали владельцам квартир необычного здания. Но Саблин знал, что строили его наспех и недоделки вскрывались каждый год: то щель появится в стыках между плитами либо под пластиковыми подоконниками, то протечёт труба, то засорится унитаз. Правда, Прохору повезло, его квартира дополнительного ремонта пока не требовала.

Математик встретил его в шортах и шлёпанцах. Он по-прежнему был хмур и рассеянно озабочен.

– Нет, ты всё-таки заболел, – решил Саблин. – Первый раз вижу, чтобы у тебя не был включён комп.

– Сядь, – сказал Проход.

– Ты меня пугаешь. Убили кого? Тебя бросила Устя?

– Устя улетела в Норвегию на чемпионат.

– Ты с ней поссорился?

– Нет... почти...

– Почти? Снова обидел?

– Помолчи, – поморщился Проход. – Ты мне просто не поверишь.

Саблин внимательно посмотрел на друга. Он действительно видел его таким растерянным впервые в жизни.

– Рассказывай.

– У меня был гость.

– Я его знаю?

Проход криво улыбнулся.

– Как меня. Его зовут Проход... Проход Смирнов.

– Тёзка? – не понял Саблин.

– Это Проход-11, почти что я сам. В своей числореальности он тоже математик, но работает в лаборатории метаматериалов, а не в студии технического дизайнера.

– Что ещё за числореальность такая? Он тоже занимается числоравитикой, как и ты?

– Он занимается формологией, а теперь ещё и форморавитикой.

– Ничего не понимаю. Откуда ты его знаешь?

Проход глубоко вздохнул, дернул себя за вихор, снова пошёл кругами по комнате.

– Он – это я, только из другого измерения, если хочешь. Теперь слушай и не перебивай. Саблин сел.

Проход какое-то время ходил по гостиной, дотрагиваясь рукой до мебели, потом начал рассказывать о визите гостя, которого назвал Проходом-одиннадцатым.

Рассказ длился полчаса.

Саблин слушал с непроницаемым лицом, не сделав ни одного жеста.

Проход выдохся.

– Закончил? – подождал продолжения Саблин.

– Да. И я не псих!

– Верю. Но у меня появились вопросы. Насколько ты сам в теме?

– Если ты о формологии...

– О жизни твоего одиннадцатого.

– Ну, сколько он мне сообщил, столько и знаю.

– Давай начнём с математики. Объясни мне главное – суть происходящего. Какого дьявола понадобилось твоему «брату-близнецу» из соседнего измерения заявляться к тебе? Что ему нужно?

– За ним гонятся Охотники.

– Это я понял. Что за Охотники, почему гонятся?

– Хорошо, давай сначала, с математики. – Взгляд Прохора прояснился. – Суть происходящего в следующем. Все цифры и числа организуют превалитеты геометрических форм, а глобально – пространственно-временные континуумы. Эти континуумы образуют нечто вроде многослойной «матрёшки» пространств, что и есть Вселенная. Мы живём в Ф-превалитете под номером два, мой гость – в одиннадцатом превалитете, где командуют парадом изменённые по отношению к нашим физические законы. А законы эти формируются геометрией взаимодействий. Если в нашем числомире главная геометрическая форма – тетраэдр, то в одиннадцатом – конгломерат фигур – тетраэдр, куб, гексаэдр, связанные фигурой одиннадцатигранника. Плюс заключённые в цифрах сакральные свойства данной реальности – символические смыслы и действия. Уяснил?

– Нет.

– Хорошо, попроще. Версии реальности зависят от чисел и цифр, несущих алгоритм самопроизводства и развития жизни.

– Теперь понял. Но кто задаёт законы формы в каждом слое «матрёшки»?

– Отличный вопрос! Ты быстро ориентируешься.

– Учусь у тебя.

– Я не успел расспросить своего «брата-близнеца», кстати, там у него фамилия Смирнов... ах да, я уже говорил. Должен быть какой-то задатчик форм и констант.

– Программа.

– Базовые параметры задают цифры, а они не являются ни программами, ни реализаторами континуумов. Должен быть именно командер, задатчик развития. Если мой «брат» появится, я спрошу у него.

– Как он это делает – внедряется в мозги?

– Он владеет встроенным в психику механизмом числовой призмы.

– Чем?

– Умеет волевым усилием менять-разлагать спектры чисел и попадать в соседние числомиры. Этот способ он называет формонавтикой. И ещё у него есть эргион.

Саблин наморщил лоб в усилении понять смысл термина, и Прохор добавил:

– Энергоинформационный модуль, помогающий ему настраиваться на переход в соседние «слои матрёшки». Он иногда называет его инфобиотомом. Я понял, что это такое, можно будет соорудить нечто подобное из обычных деревянных палочек.

– Ты хочешь попробовать делать то же, что и он?

– Почему бы и нет?

– Рисковый парень! А если нарвёшься на этих самых Охотников? Кстати, кто они такие? Чем грозит встреча с ними?

– Насколько я понял, Охотники исполняют приказы каких-то Владык. Прохор назвал их Владыками Бездн. Что под этим подразумевается, понять было трудно. А вот почему они гонятся за ним, я уточнить не успел.

– Может, твой «брат» что-то натворил?

Прохор перестал мерить шагами комнату, удивлённо посмотрел на Данияра.

– Я не подумал. Хотя... нет, не верю, он не производит впечатления преступника.

– Ты посмотри, кто у нас сидит за решёткой: редкая морда производит впечатление преступника. А вот во власти их несметное количество, если судить по сытым рожам.

– Не обращал внимания.

– Обрати как-нибудь. Теперь такой вопрос: с чего начинается твоя вселенская «матрёшка»? С какой цифры? С нуля или с единицы?

– С нуля.

– Но ведь ноль – ничто, пустота, отсутствие чего бы то ни было.

– Ноль не пустота, не вакуум, это равновесие, граница перехода меж проявленным и непроявленным. На Руси говорили – между Явью и Навью. Возможно, он олицетворяет собой Изначальный мир, где располагаются Божьи чертоги.

– Это он тебе сказал, одиннадцатый?

– Это я так думаю.

– Не знал, что ты веришь в Бога.

– Я верю в Творца.

– Разве это не одно и то же?

– Бог как Личность, каким его изображают художники, точно не существует, это отражение человеческих фантазий, желаний и надежд. Бог как Сущность, Творец Всего Сущего, есть.

Саблин прищурился, разглядывая затвердевшее лицо Прохора.

Эта проявившаяся твёрдость была ему раньше не свойственна.

– Ты изменился.

– Изменишься тут, – признался математик с виноватой полуулыбкой. – Хорошо, что ты не призываешь меня сходить к психотерапевту.

– Это мы ещё успеем сделать, – серьёзно ответил Саблин. – Но такое придумать трудно, а уж детализировать и вовсе невозможно. Будем думать, что делать дальше. Дашь знать, когда он снова, – Данияр хмыкнул, – проявится в твоей черепашке?

– Не вопрос.

– Меня всё-таки больше интересует не математика с геометрией, а Охотники. Чую, нам придётся с ними познакомиться.

– Не надо.

– Сам не хочу.

– Почему ты так думаешь?

– Если они гонятся за твоим «близнецом» по всем привальтетам...

– Превалитетам.

– Числомиры – звучит лучше. Если они гонятся за ним, то могли засечь, кого он посещал.

– Как? Это же не физическое посещение, его нельзя увидеть и проследить.

– Не знаю, может, существует какая-нибудь аппаратура для этого. В общем, оглядывайся по сторонам, и, если увидишь что подозрительное, сразу звони.

Прохор положил руку на плечо Саблина.

– Спасибо, что поддержал. Честно говоря, я уже начал сомневаться в своей нормальности.

– А вот это зря, – с той же невозмутимостью сказал Данияр. – Насколько мне известно, все знаменитые математики были ненормальными. Ты из той же породы.

– Для этого мне не хватает знаменитости, – улыбнулся Прохор. – Чаю попьёшь?

– Нет, побегу, дел много. Вечером после тренировки созвонимся. А если твой «брат» появится раньше...

– Позвоню я.

Они обменялись рукопожатием, и Саблин оставил Шатаева в странном расположении духа, в котором смешались сомнения, облегчение и ожидание каких-то перемен.

На лестничной площадке топтались два парня в демократичных студенческих «прикидах»: на обоих были жёлтые футболки с изображением голых женщин и черепа с костями, грязные шорты, сандалии, банданы на головах, в ушах клипсы айфонов и плееров, в руках у одного наладонник-флоп, у второго что-то вроде видеокамеры, которую тоже можно было укрепить на тыльной стороне ладони.

Они ржали и общались на невероятном сленге с использованием междометий и жутких слов типа «чуфанутый» и «блюмкать», поэтому понять их было трудно.

Саблин кинул на них взгляд, прошёл мимо. Отметил про себя, что раньше он этих парней в доме Прохора не видел.

Уже садясь в лифт, он вспомнил, что показывал объёмный экранчик камеры, принадлежащей самому тощему пацану.

Сработала интуиция, почуяв неладное.

На экране была видна чья-то квартира в бледно-зелёных тонах. Именно в таком цвете показывал интерьеры за стенами домов новейший низкочастотный интравизор «Ксавье», которым хвастался Саблину его приятель в полиции. Купить его в обычных магазинах вряд ли было возможно.

И ещё: несмотря на хохот и ужимки, глаза у парней отнюдь не смеялись, а смотрели цепко, настороженно и оценивающе.

«Так! – сказал сам себе Саблин, возбуждаясь. – Началось! Они уже здесь!»

Он имел в виду Охотников, о которых говорил Прохор.

Лифт вернул его обратно на одиннадцатый этаж.

Парней с банданами на головах на лестничной площадке не оказалось.

Саблина взяли сомнения. Он прошёлся по площадке, принюхиваясь к запахам пластика, мокрого пола, обработанного моющими средствами, краски, пыли, различил слабый запах дешёвого пива.

«Куда же вы подевались, мальчики? И что вы здесь делали, забавляясь интросканером, видящим сквозь стены?»

Прохор на звонок отреагировал не сразу, открыл дверь через пару минут, вытирая мокрые волосы полотенцем.

– Ты? Что-нибудь забыл?

Саблин прошёлся взглядом по прихожей.

– К тебе никто не заходил?

– Нет.

– И не звонил?

– В чём дело? Я собираюсь в студию.

– Ты твоих соседей по дому хорошо знаешь?

– Знаю тех, кто живёт в соседних квартирах.

– Два парня лет по двадцать, чернявый и блондинистый, ходят в шортах и жёлтых футболках с черепами и голыми девицами, на головах банданы.

Прохор покачал головой:

– Рядом таких нет. В сорок первой живёт пацан лет восемнадцати, Гоша, да пара девчат в сорок второй.

– Может, парни к ним в гости заходили?

– Не знаю.

Саблин выдохнул сквозь стиснутые зубы, расслабился, унимая разыгравшееся воображение.

– Собирайся, я тебя подожду.

– Зачем?

– Хочу посмотреть, пойдёт кто за нами или нет.

– Кому мы нужны? – хмыкнул Прохор.

– Сам говорил мне об Охотниках. И гость у тебя был не простой. Вот и подумай об этом. Собирайся, жду.

Сбитый с толку Прохор скрылся в спальне. Через несколько минут появился в серых полотняных брюках и белой льняной рубашке с воротом до середины плеч.

Саблин невольно позавидовал другу. Прохор не жалел денег на одежду, предпочитал носить костюмы и рубашки известных итальянских и французских дизайнеров моды и носил их с природным изяществом и нарочитой небрежностью, подчёркивающей его хороший вкус.

Спустились во двор, никого по пути не встретив.

Подъехала машина Прохора – кроссовер «Феникс», управляемый компаем.

– Я поеду за тобой, – сказал Саблин. – Человек ты рассеянный, как и положено интеллектуалу, поэтому напрягись, последи за дорогой и всеми, кто тебя окружает. При малейшем подозрении звони.

– Надоело уже, – хмуро сказал Прохор, занимая место водителя.

«Феникс» выехал со двора.

Саблин на своём спорткаре последовал за ним.

Ехать надо было через центр Суздаля на другой конец города, где располагался вертолётный завод, и Саблин рассчитывал засечь того, кто начнёт «пасти» математика, следуя за ним в отдалении.

В Зарядье свернули на Слободскую улицу, потом по набережной объехали Александровский монастырь, добрались до улицы III Интернационала.

Саблин, внимательно следивший за потоками машин, уже хотел вздохнуть с облегчением, поскольку им осталось ехать совсем немного, и в это время заметил мелькнувший сзади чёрный «бумер».

Сердце сжалось.

«БМВ» чёрного цвета он уже видел в пути, и случайностью объяснить его появление было трудно.

Сбросил скорость, отстал, дожидаясь проезда «бумера», и сквозь затемнённые стёкла увидел двух парней в банданах.

Суета сует

Заявление Саблина о признаках слежки Прохора озадачило, но не напугало. Он в этом вообще ничего не понимал, несмотря на любовь к детективному жанру. В его жизни не случилось погонь, драк, скрытого наблюдения, криминальных разборок и судебных разбирательств, судьба уберегла его от этой мутной стороны Бытия, и жил он, считая, что ничего плохого с ним произойти не может.

Тем не менее слова Данияра запали в душу, и Прохор начал присматриваться, как ведут себя его сослуживцы и начальники.

Тимоха на предложение математика выпить чего-нибудь бодрящего понимающе подмигнул ему и заметил, что делать это лучше вечером в ресторане, а так как сам Тимоха был уже занят, то посоветовал заинтересовать в этом плане секретаршу шефа, Маргариту.

Прохор с облегчением вычеркнул художника из списка подозреваемых.

Начальник студии Марк Ермолаевич Рельсин вообще не стал с ним разговаривать.

– Что-то непонятно в задании? – оторвался он от созерцания видеообъёма компьютера в своём небольшом кабинете.

– Всё понятно, – пробормотал Прохор.

– Тогда идите и работайте, – сказал Рельсин, снова устремляя взор в глубины мерцающего экрана.

Прохор мысленно показал ему язык, хотел дерзко напомнить о данном обещании отпустить его в отпуск в июне, но стушевался и вышел в приёмную, где похожая на мальчишку Маргарита щебетала с ожидавшими приёма инженерами с завода. На Прохора она почти не обратила внимания, лишь кивнула в ответ на его неловкое:

– У меня всё.

А вот Прыщик, Костя Шишканов, Прохора достал.

Во-первых, он заходил в рабочий модуль Прохора четырежды, каждый раз находя смехотворную причину для этого. Во-вторых, смотрел на коллегу как-то странно, с ожиданием

и непонятными сомнениями во взоре. В-третьих, вдруг попросил рассказать ему о числонавтике, которой он якобы хочет заняться.

– Я знаю, что ты увлекаешься нумерологией и всякими фокусами с цифрами, просветил бы, – попросил он.

Проخور удивился: его хобби ни для кого не было секретом, однако до этого никто не проявлял к нему особого интереса.

– Зачем это тебе? – любопытно спросил он.

– Хочу новых ощущений, – осклабился Прыщик. – А я тебя с девушками за это познакомлю. А то вижу, ты всё один и один.

– Премного благодарен, – проворчал Проخور с неудовольствием. – Возня с цифрами дело нудное, терпения требует.

– Я, может, в этом процессе найду море удовольствия, – засмеялся Костя. – Да и что тебе стоит?

– В Инет залезь, там много инфы о нумерологии и числонавтике. Мне ликбезом некогда заниматься.

– Грубый ты, Кириллыч, как можжевелевый веник, – с сожалением сказал Прыщик. Я к тебе душевно, а ты...

– Хорошо, вечером поговорим, – вынужден был согласиться Проخور.

Прыщик ожил:

– Лады, буду ждать.

Дверь за ним закрылась.

Проخور облегчённо вздохнул, подумав, не позвонить ли Данияру в связи с приставаниями программиста. Потом решил, что ему теперь в каждом встречном-поперечном будет мерещиться Охотник, и звонить другу не стал.

До обеда он работал в прежнем «удивлённо-недоверчивом» состоянии, постепенно успокаиваясь, и даже стал подшучивать над собой, превращая визит «брата-близнеца» из одиннадцатого «измерения» в нечто вроде сна наяву. Однако тот сам напомнил о себе.

Проخور только-только собрался отдохнуть и пообедать в компании с Тимохой и Семёном Семёновичем, вторым дизайнером студии, как в голове «хрустнул обломившийся сучок» и зазвучал знакомый голос:

«Привет, не разбудил?»

Проخور едва не ответил вслух: «Я не сплю», – потом сообразил, кто с ним разговаривает.

«Нет, я на работе. Начал уже сомневаться...»

«В чём?»

«В твоём существовании».

«Сплюнь через левое плечо».

«Сегодня у тебя настроение получше?»

«Я пока жив, а это уже хорошо».

«Не мог появиться вечером, когда я буду дома?»

«Я же не знал, что у вас здесь середина рабочего дня. У нас вечер. Но ты прав, если кто заметит, будут неприятности».

«Кто тебя может заметить? Ты же сидишь у меня в голове, а не рядом на стуле».

«Могут заметить по поведению».

Проخور смутился.

«Извини, я всё ещё в плену стереотипов. У меня к тебе накопились вопросы».

«У меня к тебе тоже».

«Тогда начинай ты первый».

В модуль заглянул Прыщик:

– Обедать идёшь?

– Н-нет, – отказался Прохор, не сразу выходя из процесса мысленного общения с самим собой. – Позже.

– А то пойдём, я пивка принёс живого, нефильтрованного.

– Не ждите меня, мне тут надо... мысль посетила... посчитать хочу.

– Как знаешь. – Прыщик с любопытством глянул на творение Прохора в объёме дисплея и вышел.

«Прости».

«Мне он не нравится», – заявил Прохор-11.

«Мне тоже, однако не я выбираю кадры. Что ты хотел узнать?»

«Почему ты так равнодушен к Юсте... к Устинье?»

Вопрос застал Прохора врасплох.

«С чего ты взял, что я к ней равнодушен?»

«Это видно невооружённым глазом».

«Почему это тебя волнует?»

«Она очень милая и красивая и любит тебя».

«Любит. – Прохор досадливо поморщился. – Ерунду мелешь. Во-вторых, я с ней... в общем...»

«Я знаю, но не сочувствую. В нашей числореальности тоже есть девушка Устинья, хотя здесь её называли Юстиной, они похожи как сёстры-близнецы, не отличить».

«Ну и что?»

«Мне бы очень хотелось, чтобы ты больше уделял ей внимания. Она заслуживает большего».

«Обойдусь без idiotских советов. Мне достаточно...» – Прохор вспомнил давний разговор с Данияром. Саблин тоже не слишком стремился к семейной жизни и вдруг признался:

– Знаешь, мне как в той старой песне, главное, чтобы она (речь шла о подруге Дана Валерии) ходила голая рядом. Исключительно приятно, когда Лерка реагирует на любой мой взгляд и тянется ко мне с ответным поцелуем! Потом и остальное приносит удовольствие. Чего ещё мужику надо от женщины?

Тогда Прохор с ним согласился. Теперь же слова «брата» из одиннадцатого числомира заставили его задуматься.

«Понял тебя», – прилетела мысль «родича» с грустной ноткой, и Прохор понял, что тот свободно читает его размышления.

«Ничего ты не понял».

«Хорошо, не кипятись, закрыли тему. Ещё вопрос: не заметил наблюдения? Никто тобой не интересовался?»

«Саблин как будто заметил. Во всяком случае, ему так показалось».

«Данимир Саблин?»

«Почему Данимир? Данияр».

«Надо же, у меня здесь друг есть, Данимир Саблин, тренер по выживанию».

«Данияр здесь владелец спортклуба и чемпион России по боям без правил».

«Повезло нам с друзьями, то есть с другом. Его родовая линия не везде прослеживается рядом, в сотой реальности он вообще в тюрьме сидит. Но если твой Данияр говорит, что заметил слежку, то так оно и есть. Неужели Охотники вышли на меня здесь? Или это превентивная мера, направленная на контроль всех наших «родичей»?

«Тебе лучше знать».

В модуль заглянул Тимоха.

– Ты чего сидишь задумчивый, как несущка на яйцах? Пошли обедать.

– Почему несущка? – с трудом переключил внимание Прохор.

Художник засмеялся, мелко тряся бородкой.

– Ну, точно, несушка, точнее, петух. О чём размышлялся?

– Я сегодня худею, ешьте без меня, я приду позже чай пить.

– Зря, бабы любят энергичных мачо, а не тощих и голодных интеллектуалов. Ладно, как знаешь.

Тимоха скрылся.

«Научись вести себя естественно в любых ситуациях, – посоветовал Прохор-11. – У тебя на лице действительно написано, что ты о чём-то усиленно думаешь».

«Думать – это плохо?» – огрызнулся Прохор.

«Можно думать, не заявляя об этом всему миру. Охотники умеют внедряться в других людей, чего не умею я, и тогда любой твой приятель превращается в наблюдателя. Если он заметит, что ты в глубоком трансе, вся их стая немедленно соберётся вокруг тебя».

Прохор почувствовал озноб.

«Не пугай!»

«Я не пугаю, это прописные истины. Зря не пошёл обедать вместе со всеми».

«Ещё не поздно».

«Уже поздно, твоё появление будет неправильно истолковано, а я чувую, что атмосфера у вас дымная».

«Какая?»

«Кто-то наблюдает за тобой, это ощущается на ментальном уровне».

«Я ничего не чувствую».

«Просто ты не в резонансе со своими экстрасенсорными возможностями, а они у тебя есть. Как и у всех наших родственничков. Что ты хотел спросить?»

«Что ты имеешь в виду под экстрасенсорными... э-э...»

«Индусы называют их сиддхами. К примеру, лагхима-сиддха – это левитация или анти-гравитация, мано-джаро – телепортация в отдалённую точку пространства, и так далее».

«Что-то я у себя не замечал таких способностей».

«Левитировать и прыгать с планеты на планету и я не умею, а вот гипнотизировать могу, это называется вашито-сиддхой. И ты сможешь, только потренироваться надо. Не отвлекайся».

«Ты упоминал базовый универсальный алгоритм, с помощью которого можно переходить из мира в мир».

«Я тебе его дам, но овладение потребует времени и сил».

«Я готов».

«Не льсти себе, не готов. У вас день?»

«Начало второго».

«Я появлюсь ближе к ночи, часов через семь-восемь, когда ты будешь дома в спокойной обстановке. Если, конечно, не наметил поход в ресторан или в спортзал».

«Никуда я не собираюсь, буду ждать. Ещё ты говорил про универсальный ключ перехода».

«Энергоинформационный модуль перехода – эргион. Он всего лишь помогает входить в изменённое состояние сознания».

«Я могу его сделать».

«Без навыков моделиста-конструктора это будет непросто».

«Но ведь он помогает? Значит, и мне поможет, надо соорудить».

«Попробуй, хотя для формонавта важнее овладеть локальными манипуляциями с элементами любой цифровой структуры за короткий промежуток времени, желательнее за доли секунды. После чего он получает возможность использовать формологические технологии организации мышления на основе анализа смысловосущих форм информации».

Прохор сжал виски пальцами.

«Ещё раз, помедленнее».

«Гость» в голове издал смешок.

«Чтобы стать формонавтом, тебе многое нужно постичь. В моей числореальности существует специальная школа формологии «Акиснех-8888», помогающая ученикам корректировать основные жизненно важные событийные программы, а также расширять спектр потенциальных возможностей человека. У вас есть нечто подобное?»

«Никогда не интересовался».

«Поброди по Интернету, может, наткнёшься на сайт, это поможет тебе реально постичь формологические азы, а через них основы формонавтики».

«А ты не можешь сбросить мне твои знания напрямую?»

«Могу, но ты тогда перестанешь быть самим собой».

«Почему?»

«Потому что станешь мной, а я тобой. Тебе это надо?»

В модуле возник настырный Прыщик.

Проход помахал ему рукой, делая вид, что не может оторваться от экрана.

– Я сейчас.

Костя исчез.

«Не думал, что это так критично».

«Мои знания осядут на твоих умных мозгах, и ты не только получишь доступ к новым возможностям, но и станешь думать, как я. Для сохранения «эго» тебе не нужно погружаться в чужую психику. Достаточно научиться соединять мысль, волю и желание в один импульс, превращать сознание в поток, проникающий в суть числоформы, и постичь смысл «матрёшечной» Вселенной. Без каких-либо потерь личности. Только я не уверен, что тебе это нужно».

«Что именно?»

«Становиться формонавтом. Опасное это занятие, я уже предупреждал».

«Ты же не побоялся стать им?»

«Я воспитан иначе. Для меня реальное постижение неизведанного вкуснее просиживания штанов за компьютером».

«А для меня нет?»

«Ты другой, несмотря на всё внешнее сходство. Если бы ты был порешительней и поактивней, Устя была бы с тобой».

«Она и так со мной», – помрачнел Проход.

«Увы, когда-нибудь она хлопнет дверью и уйдёт. Нельзя же бесконечно ждать счастья от равнодушного человека».

«Отстань! – озлился Проход. – Не твоё дело! Сам разберусь!»

«Вот таким ты мне нравишься больше, – с удовлетворением заметил Проход-11. – А то ни рыба ни мясо, ничто тебя не волнует. Ещё есть вопросы?»

Проход остыл.

«Целый короб».

«Потерпи до вечера».

«Один вопросик можно? – Проход оживился. – Насколько я понял, цифры меняют базовые формы – геометрию и законы».

«Матрёшка» Вселенной реализует все возможные формы и состояния материи, в том числе законы – геометрические, физические, семантические и даже социальные. Базы от единицы до тройки формируют собственно геометрию, четвёрка – физику, от пятёрки до семёрки – социологию, психологию и этику, восьмёрка, девятка и десятка – мораль, нравственность, семантику и вообще Смысл Всего. Но это большая тема, мы ещё побеседуем, когда ты почитаешь нужные материалы».

«А мнимые числа имеют под собой физическую реальность?»

Проход-11 рассмеялся.

«Всё-таки ты математик до мозга костей. Мнимыми числами я не увлекался, даже самому интересно, какой смысл они несут в физическом плане».

«Ты ещё упоминал древнерусские понятия Яви, Нави и...»

«Иди обедай, нам ещё о многом предстоит беседовать. И будь осторожен, Охотники не дремлют. Держись за Дана Саблина, это твой единственный гарант безопасности в мире. Была бы с тобой Устя, я бы переживал меньше».

«Надоел со своей Устей. Последний вопрос: чем ты занимаешься в своей реальности? Где работаешь?»

«В лаборатории метаматериалов, рассчитываю всякие экзотические штуки. Суперли-пучки – геккоиды, к примеру, сверхтвёрдую броню, неизнашиваемую резину. Только что вернулся с космодрома в Плесецке, там испытывают ракету со специальным покрытием, поглощающим и преобразовывающим отражённый сигнал радара. Ракета становится практически невидимой. Ну, пока, до связи».

Голова опустела, будто из неё вынули батарейку. Ощущение было именно таким. Пси-облако «души» Прохора-11 покинуло сознание Прохора-2, породив импульс сожаления. Хотелось говорить с «родичем» и дальше, узнавать новое, постигать неизведанное, как он выразился, тяга к этому была заложена и в психику Прохора. Однако замечание «брата» о нём – «ни рыба ни мясо» – зацепило, разозлило, испортило настроение, и Прохор никак не мог избавиться от горечи во рту, будто съел что-то невкусное.

«Ладно, братец, – подумал он с угрозой, – разберёмся, кто из нас рыба, а кто мясо!»

Обед уже практически закончился, когда он присоединился к коллективу. Выпил чашку кофе, отвечая на колкие шуточки и балагурство коллег, надеясь, что выглядит как обычно, снова уединился в модуле, заявив, что решает пришедшую на ум задачу. В принципе это заявление было недалеко от истины.

Вывел в объём дисплея свой вертолёт.

И вдруг спонтанно набрал номер мобильного Усти:

– Привет, ты где?

– Проша? – удивилась и тут же забеспокоилась девушка, изображение которой появилось в объёме связи. – Что случилось?

– Всё нормально, – улыбнулся Прохор. – Соскучился. Как ты там устроилась?

– Ты позвонил мне... чтобы узнать... как я устроилась?!

– Да, а что тут такого?

– Ты никогда не интересовался моей жизнью!

– Прости, я конченный эгоист, – огорчился он.

– С ума сойти можно! У тебя действительно всё в порядке?

– С головой? Нет, – пошутил он, решив не извещать подругу о визите «брата-близнеца» из одиннадцатой числовой формации. – Ты долго будешь соревноваться?

– До пятого июля.

– Если мне дадут отпуск, я прилечу к тебе, не возражаешь?

Наступила пауза.

Прохор взгляделся в округлившиеся глаза Усти, полные недоверия и удивления, засмеялся.

– Язык проглотила?

– Ты... серьёзно? – с придыханием спросила девушка.

– Вполне, давно не болел за тебя, хотя сама знаешь, я не люблю этот вид спорта.

Устинья зажмурилась, потрясла головой.

Крохотный видеообъём айкома не позволял видеть все нюансы переживаний, отразившиеся на её лице, но она была действительно ошеломлена.

– Приезжай... если надумаешь.

– Жди, вечером перезвоню.

Он выключил телефон, посидел задумчиво за столом, удивляясь собственному решению, но образ Усти притягивал, волновал и радовал, и почему-то очень хотелось её обнять.

Снова объявился вездесущий Прыщик.

– Хочешь посмотреть на иконостас?

– На кого?

– Я вывел на панель девчонок, есть просто закачаешься экземпляры!

– А-а... нет, не хочу.

– Смотри, пожалеешь. Кстати, ты обещал дать лекцию по числонавтике.

Костя убежал.

Проход ещё какое-то время изучал корпус вертолёта в растворе дисплея, созданный программой из цифр, затем решительно выключил компьютер и направился к начальнику.

У Рельсина в кабинете сидели посетители, мужчина и мальчик лет десяти.

– Чего тебе? – недовольно оторвался он от беседы.

– Извините, Марк Ермолаевич, мне нездоровится, можно уйти?

– Работу закончил?

– Можете посмотреть.

– Хорошо, если не в силах досидеть до конца рабочего дня, то иди.

– Спасибо.

– Позвони вечером.

– Безусловно. – Проход закрыл дверь и с облегчением вздохнул.

Несмотря на любовь к либерализму, Рельсин был жёстким руководителем и редко баловал своих подчинённых.

Мимо модуля Прыщика Проход пробрался крадучись, на цыпочках. Не хотелось объяснять ему, что случилось.

Закупив в магазине продуктов на пару дней: хлеб, кефир, молоко, сметану, яйца, овощи и фрукты – бананы, Проход расположился дома в гостиной и принялся к компьютеру, кликнув в Интернете слово «формология».

Сведений о науке в Сети оказалось не много. Ею занимались всего два коллектива энтузиастов: один в Харькове, второй в столице Дании, Копенгагене.

Харьковчане ещё в начале века издали монографию по формологии под названием: «Введение в формологию. Преобладание структур микро- и макромира», и несколько брошюр с информацией о центре исследования пси-феноменов «Апофеоз».

Датчане пошли дальше, назвав своё учение «Теорией формологического развития Вселенной», разместили в Сети расчёты и постулаты учения, но и они не опубликовали достаточного количества сведений о формологии и о своих успехах.

Из прочитанного Проход уяснил главное.

Первое: формология объединяла миры чисел и миры форм. Причём объединяла в таком неожиданном ракурсе, о каком Проход как математик и не догадывался.

Второе: форма объектов натурально определяла особенности состояния материи.

Проход знал об этом эффекте формы, но не представлял, что геометрия физических объектов настолько «вмешивается» в физику Мироздания.

И ещё он убедился в том, что сооружение многогранников – дело не только интересное, но и полезное. По отзывам исследователей они и в самом деле представляли собой объёмные энергоинформационные модули, структурирующие пространство и гармонизирующие все виды полевых и волновых процессов.

«Обязательно начну собирать!» – подумал он, закончив изучение полученных из Сети сведений.

Глянул на часы: шёл девятый час вечера. То есть он просидел за компьютером четыре часа и не заметил этого.

Вспомнилось обещание позвонить Усте. Он даже взялся за телефон, и в это время послышался звонок в дверь.

Размышляя, кто к нему решил зайти в гости в столь поздний час, уж не Прыщик ли? – Прохор приник к смотровому глазку.

На лестничной площадке стояли полицейские, мужчина и женщина. Мужчина – лейтенант – ещё раз нажал кнопку звонка.

– Кто? – спросил Прохор, слегка расслабляясь. В его представлении служители закона опасности не несли.

– Откройте, полиция, – сказала женщина – старший лейтенант.

Поколебавшись, Прохор открыл дверь, не снимая цепочки.

– Слушаю вас. Что-то случилось?

– На вас пришла жалоба от соседей, – сказал полицейский с квадратным, как кирпич, лицом.

– Жалоба, на меня? – изумился Прохор.

– Вы нарушаете покой и сон граждан после одиннадцати часов вечера.

– Вот ерунда какая! – засмеялся Прохор.

– И якобы у вас тут притон, – добавила женщина-полицейский, – целые компании девиц лёгкого поведения к вам приходят.

– Бред! – поморщился он. – Никогда я никого к себе не приводил.

– Докажите.

– А вот тут у нас разные точки зрения на это дело, – раздался с лестницы энергичный голос, и на лестничной площадке появился Саблин. – Этот человек – учёный, математик и ведёт себя тише воды и ниже травы. Доказывать, что он шумит, придётся вам, господа защитники закона.

В голосе Данияра прозвучала ирония.

– Покажите заявление соседей.

Полицейские переглянулись.

– Кто вы такой?

– Я его друг, хотя в данном случае это не имеет никакого значения.

– Документы имеются?

– Как и у каждого законопослушного гражданина нашей страны. А право требовать документы у законопослушного гражданина, не делающего ничего противозаконного, у вас есть? Я Данияр Саблин, владелец спортивного клуба «Чемпион». Может быть, слышали?

Женщина-полицейский направилась к лифту.

Лейтенант развёл руками, не меняя деревянного выражения лица.

– Мы должны реагировать на заявления граждан.

– Одно из двух: либо граждане возвели напраслину на хозяина квартиры с какой-то целью, либо заявления вообще не было. Я угадал?

Подъехал лифт.

Полицейские сели в кабину, лифт увёз их вниз, на первый этаж.

Саблин втолкнул Прохора в прихожую, вошёл сам.

– Что они хотели?

– Да чушь несли, будто я тут с девицами по ночам тусуюсь.

– Это я слышал. И всё?

– Этого мало?

– Тебе не показалось, что вели они себя странно?

– Не присматривался, – виновато проговорил Прохор. – Обычные полицейские.

– У них в глазах стояла ночь.
Прохор невольно улыбнулся.
– Ты заговорил как поэт.
– Я серьёзно, они изучали твою реакцию и поведение.
– Что ты хочешь сказать?
– Это были Охотники. Ну, или Контролёры, если верить твоим же рассказам о связи с Прохором из одиннадцатого мира.
– Ты думаешь, я сочиняю?
Саблин снова подтолкнул Прохора в спину.
– Пошли пить чай, и ты мне ещё раз подробно расскажешь о контактах с «братом» и о том, что происходит.

В одиннадцатом – беспокойно

Варя обиделась, когда он отказался идти с ней на вечеринку с друзьями, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы не довести ситуацию до ссоры. В конце концов он согласился пойти с ней к Петуку, с которым они были дружны в течение последних десяти лет и к которому раз в месяц съезжались многие парни и девчонки, учившиеся с ним вместе в школе и институте.

Вечер прошёл отлично, компания подобралась весёлая, и закончилась встреча гулянием поздним вечером по набережной речки Каменки.

Петик предложил искупаться в реке, но его никто не поддержал, вода в реке была ещё холодная.

Расстались за полночь.

Саблин предложил Варе переночевать у него, и девушка согласилась.

Он сделал подруге глинтвейн, а себе налил сока – сам Данимир не брал в рот ни капли алкоголя, – и они ещё полчаса посидели на лоджии, разглядывая с высоты седьмого этажа крупные высыпавшие над Суздалем звёзды.

– Я улетаю послезавтра, – неожиданно сообщила притихшая и задумчивая девушка, встряхнув роскошными льняными волосами.

– Куда? – спросил расслабившийся Данимир.

– В Москву.

– Зачем?

– Разгонять тоску, – улыбнулась Варвара, полноватая, по его меркам, но очень милая и симпатичная. – Меня пригласили поработать в бюро программирования досуга.

– Есть такое бюро? – удивился он. – Ты же консультант по делам несовершеннолетних.

– Бюро уже давно работает в Москве, при Министерстве культуры.

– И надолго уедешь?

– Не знаю, – рассеянно сказала Варя. – Может, навсегда.

Саблин едва не выплеснул содержимое стакана с грейпфрутовым соком себе на колени, искал на лице подруги признаки скрытого лукавства, но не нашёл. Она не шутила.

– А со мной не хочешь посоветоваться?

– Не хочу, – качнула она головой. – Да и какой смысл? Что ты сможешь мне посоветовать? Ты не сможешь изменить свой образ жизни, потому и устроился здесь и тебя устраивает твоё положение.

– Вот уж совсем даже... – смешался он.

– Не спорь, я знаю, – остановила она его. – Ты сосредоточен на своих проблемах, и я чувствую себя лишней и одинокой, даже когда нахожусь рядом с тобой.

– Варя...

– Давай остановимся на этом. Если найдёшь время, поговорим завтра, а сегодня такой хороший вечер, ни о чём думать не хочется. Кстати, я давно не видела Прохора, где он?

– Отдыхает где-то, – сказал Саблин почти правду.

Он вернулся из Клирово два дня назад и по утрам звонил другу, стараясь подбодрить, внушить хорошее настроение. Хотя Прохор в этом и не особенно нуждался.

– Странно, что он не поставил тебя в известность.

Саблин насторожился.

В голосе Варвары проскользнули несвойственные ей простодушные нотки.

Однако смотрела она на него прямо и открыто, как и всегда, и сомнения прошли.

– Позвоню завтра утром, узнаю. Ты окончательно решила уехать?

– Завтра сдам дела напарнице, и всё.

– Не уезжай.

Варвара подняла бровь.

– Ты как капризный ребёнок, всё понимаешь, но пытаешься настоять на своём.

– Не уезжай, давай обсудим все «за» и «против». Ты знаешь, что в Москве у меня никого нет, пара знакомых чиновников да пара приятелей, поэтому устроиться там будет трудно. Здесь у нас есть спорткомитет...

– У нас?

Саблин замолчал, присматриваясь к подруге, по лицу которой бродили тени не слишком весёлых мыслей.

– У меня, я здесь на хорошем счету, тренирую молодёжь, заработок всегда обеспечен. Сыграем свадьбу, начнём поднимать твой бизнес.

– Ты хочешь сыграть свадьбу?! – не поверила Варвара.

– Сколько можно жить врозь? Или ты против?

Варвара какое-то время продолжала смотреть на него недоверчиво, потом потянулась к нему и обняла...

Утром она приготовила завтрак и убежала на работу, пообещав прийти в турцентр и там обо всём переговорить.

Саблин принюхался к долетавшим в спальню из кухни ароматам, улыбнулся, понимая, что назад хода нет, однако на душе стало легче, ему давно следовало сделать этот шаг и жениться, а не ждать, пока Варвара сама примет решение. Причём решение не в его пользу.

Да будет так!

Он вскочил и полчаса скручивался в узел и растягивал сухожилия и мышцы, чтобы чувствовать себя повелителем собственного тела.

Когда завтракал, в дверь позвонили.

Саблин вытер рот салфеткой, подошёл к двери, заглянул в глазок.

Перед дверью стоял толстяк в голубой рубашке, мокрой от пота под мышками.

Саблин открыл дверь.

– Вам кого?

– Вы Саблин? – извиняющимся тоном спросил толстяк; в руке он держал небольшой белый саквояжик.

– Да, а вы?

– Я из поликлиники, врач Гусинский, мой сын ходит к вам на тренировки.

– Не помню. Откуда вы знаете мой адрес?

– Узнал у сына. Я психотерапевт...

– Очень приятно. Покороче, пожалуйста, я тороплюсь.

Толстяк вспотел, принялся вытирать лоб и лысину скомканным носовым платком.

– Дело в том, что ваш друг Прохор Смирнов обращался к нам за консультацией и пропал.

– Какой ещё консультацией? – нахмурился Саблин.

– Он жаловался на галлюцинации, связанные с математикой. А вам не жаловался? – толстяк упёрся взглядом в глаза Данимира.

Тот понял, что Охотники, о которых говорил Прохор, продолжают его искать. Толстяк-врач в настоящий момент врачом не был, он искал жертву.

– Никогда! – мотнул головой Саблин. – Прохор очень спокойный и уравновешенный человек, ни о каких его видениях мы никогда не говорили. А он точно к вам заходил?

– Можете не сомневаться, – прижал пухлую руку к груди толстяк. – Почти неделю назад, выглядел утомлённым. Мы предложили ему курс терапии, он обещал подумать и вернуться. И с тех пор пропал. А галлюцинации вещь непредсказуемо опасная, они могут перерасти в стадию латентного психического заболевания, что потребует долгих лечебных процедур. Чем быстрее он решится, тем легче будет лечение.

– Понял вас, – сделал озабоченное лицо Саблин. – Дайте визитку. Как только найду Прохора, сразу перезвоню. По моим сведениям, он уехал на юг.

Толстяк порылся в кармашках, потом открыл саквояж (Саблин заметил лежащее там полотенце, резиновую шапочку и нечто, похожее на стетоскоп), достал визитку.

– Звоните, случай серьёзный.

Повернувшись, он начал спускаться по лестнице, минуя кабину лифта, хотя Данимир жил на седьмом этаже и легче было бы использовать лифт.

Саблин вернулся в квартиру, позвонил Михаилу:

– Привет, строитель новой жизни. Что нового, как постоялец, не хандрит?

– Тихий очень твой дружок, больше лежит, читает или спит. Изредка открывает свой ноут.

– Никто им не интересовался?

– С тех пор как вы уехали – никто.

– А полиция?

– Уберёт господь. Скоро приедешь?

– Возможно, завтра, с делами управлюсь, уговорю Варвару не уезжать, а то она в Москву собралась, и приеду. До встречи, Михась. Не забывай, что за ним надо присматривать и по возможности одного никуда не отпускать.

– Да он никуда и не рвётся, по лесу разве что бродил пару раз. Не бойсь, Тимофеич, всё будет тип-топ.

После этого Саблин набрал номер Прохора, но тот не ответил ни через минуту, ни через пять. Вероятнее всего, формонавт снова ушёл в очередное путешествие по числомирам «матрешечной» Вселенной. Шевельнулась мысль: не попытаться ли сделать то же самое самому?

Успокойся, остановило Данимира второе «Я». Без эргиона ты не сможешь это сделать, а эргион у Прохора. Да и помощник нужен, заблудишься ещё. Завтра встретишься с ним и слетаешь куда-нибудь. Хорошо бы ещё и Варвару с собой взять.

Он даже остановился, поймав эту мысль. Однако после зрелого размышления решил не посвящать Варю в чужие секреты. Прохору грозила нешуточная опасность, и все, кто становился причастен к его тайне, могли стать мишенью для Охотников.

Время до обеда промелькнуло быстро.

Саблин съездил в научный Центр «Осколково», встретился с начальником лаборатории метаматериалов профессором Чудиновым и убедил его дать Смирнову отпуск в связи с необходимостью подлечиться.

– Конечно, я готов дать отпуск, – ворчливо сказал Чудинов, – но он мог бы и сам приехать.

– Он сейчас под наблюдением врачей за рубежом, – развёл руками Саблин, – позвонит оттуда. Про него никто не спрашивал?

– Все спрашивали, девицы какие-то, коллеги, даже из полиции приходили.

– Из полиции? – удивился Саблин. – Что им было нужно?

– Спросили, где он, хотели получить характеристику. Я ответил, что он ни в каких дурных делах не замечен, они и убралась.

– Вы абсолютно правы, – раскланялся Саблин. – Уж в чём в чём его можно упрекнуть, только не в дружбе с дурными делами.

Поскольку речь зашла о полиции, пришла идея позвонить Юстине и подключить её к возникшей проблеме. Она была не только красивой девушкой, способной свести с ума мужика без конкурса красоты, но и служила в отделе полиции особого назначения, получив под своё командование два десятка не самых мягких парней.

Юстина неожиданно оказалась на рабочем месте, то есть в здании УВД на пересечении улиц Крупской и Слободской.

– А мы тебя искали, – обрадовался Саблин, разглядывая в крохотном видеообъёме айкома строгое лицо Юстины Бояриновой, ставшей капитаном полиции в двадцать семь лет.

– Я отсутствовала, – коротко ответила девушка. – Только что вернулась с задания.

– Мы это поняли.

– Что-нибудь случилось?

– Я бы хотел поговорить с тобой не по телефону.

– Вечером, после девяти.

– Дело не терпит отлагательств.

– Какие мы таинственные. Что стряслось? Прохор с космодрома звонил, явно что-то скрывающая. Подъехать ко мне сможешь?

– Могу, но говорить о делах в вашем учреждении, полном скрытых камер, не желаю.

– В моём учреждении сейчас пусто, как в мавзолее. Хорошо, давай встретимся...

– В парке, напротив твоего дома.

Юстина помолчала, пытаясь понять, к чему клонит Саблин.

– Хорошо, буду минут через сорок.

Связь прервалась, Саблин спрятал мобильный и подумал, что Юстине не хватает женской мягкости, которая ему больше нравилась. Да и Прохору тоже.

В два часа пятнадцать минут он оставил машину у входа в парк на Всполье, где несколько дней назад встретился с Прохором Смирновым.

Юстина подъехала на пять минут позже на бело-синем полицейском «Форде», приткнув машину сразу за спорткаром Саблина.

Вопреки его ожиданиям она была одета в обычный летний деловой костюм, хотя и весьма строгий, «чиновничий».

Быстро миновала резные ворота парка, огляделась, увидела сидящего на лавочке слева Данимира, села рядом.

– Почему здесь? Может, поговорим в машине? Не люблю светиться по поводу и без.

– Здесь нас никто не подслушает, да и легко увидеть, если кто заинтересуется.

– Боже мой, какие предосторожности! Что происходит? У Прохора снова проблемы?

– Ты говоришь как прокурор. Да, у него проблемы, хотя он ни в чём не виноват. И нам может понадобиться твоя помощь.

– Разве ты ему не помогаешь?

– Одной моей помощи ему мало. А ты имеешь вес в полиции, и у тебя под началом банда сорвиголов, способных на многое.

– Это государственная структура.

– А дружба уже ничего не значит?

Юстина собрала морщинки на лбу, разглядывая бесстрастное лицо Саблина.

– Хорошо, докладывай.

– Докладывай, – усмехнулся он. – Я же не в твоей команде?

– Извини.

- Он тебя не посвящал в свои изыскания?
- По математике?
- По формологии.
- Так, делился впечатлениями от экзотических формул, цифр и чисел, что-то с геометрией пытался делать, искал какую-то форму перехода.
- Формология – только начало, он добрался до формонавтики, после чего и начались проблемы.
- Я не в курсе, о формонавтике мы вообще не говорили. Что это такое?
- Сначала хочу предупредить.
- О чём?
- То, что я сообщу, относится к опасным сведениям.
- Математика содержит опасные сведения? – фыркнула девушка.
- Я реагировал примерно так же. Прошу тебя ни с кем на эту тему не разговаривать и по телефону ни о чём не спрашивать.

Юстина скрестила взгляд со взглядом Саблина, не зная, как относиться к его словам. Поняла, что он не шутит.

- Странно, Прохор ни разу не говорил мне о своих проблемах.
 - Боялся за тебя, не захотел перекладывать их на твои плечи.
- Она посмотрела на часы.
- Дан, я спешу, давай покороче.
 - В пять минут я всё равно не уложусь. То, что я сообщу, потребует времени на осмысление и анализ ситуации. Раз ты спешишь, я выдам главное, а вечером желательно пообщаться без спешки. И ещё один нюанс: мой рассказ может показаться тебе сказкой или, того хуже, шизофреническим бредом, игрой воспалённого воображения. Так вот, я абсолютно здоровый человек!

Юстина поправила прядь платиновых волос, не сводя с Данимира пытливого взгляда.

– Я знаю, что ты здоровый человек. Но позволь мне самой решить, за что принять твой рассказ.

– Иного ответа я от тебя не ждал. Ты знаешь о хобби Прохора – о формологии, а формонавтика – это способ путешествий в параллельные миры, реальность которых оказалась обоснованной математикой. Их законы диктуют цифры и геометрические формы. Каждая цифра даёт привязку к простейшей форме – будь то тетраэдр или куб, либо к сочетанию этих форм, образующих многогранники. Чем больше цифра или число – тем богаче форма. Получается своеобразная «матрёшка», каждый слой которой имеет свои законы Бытия.

– погоди, – прервала Саблина Юстина. – Не так быстро. Я по образованию преподаватель английского, а не физик и не математик. Ещё раз о формах.

– Существует спектр форм Бытия, каждая цифра определяет свой превалитет, как бы программу развития, матрицу существования, законы которой в каждом числомире слегка отличаются. Всё, что мы учили в школе о Вселенной...

– Чуть, – с иронией закончила Юстина.

– Нет, наши знания верны только относительно нашего слоя матрёшки», нашего числомира. Вселенная разбегается с ускорением, звёзды существуют на самом деле и так далее. Кстати, мы живём в одиннадцатом Ф-превалитете. Но главное, что во всех мирах, пронизывающих друг друга в каких-то совершенно невероятных с точки зрения науки измерениях, о чём учёные не имеют ни малейшего понятия, человек остаётся человеком. Впрочем, как и другие разумные существа.

– Ну да, учёные не имеют понятия, а вы с Прохором имеете.

Саблин озадаченно потёр кончик носа.

– Я предупредил, это звучит неправдоподобно, я сам реагировал на его слова точно так же. Но, – он помолчал, формулируя ответ, обозначил улыбку, – я сам проверил заявление Прохора.

– Как? – подняла бровь Юстина.

– Любой может, у кого твёрдая воля и сильная энергетика. Ты тоже. Я, конечно, ещё только учусь бродить по числомирам, но и в самом деле видел другой числомир, где живёт такой же Дан Саблин, хотя там он не тренер по выживанию, а экстремальный путешественник.

Юстина бросила взгляд на часы, но уходить не спешила, заинтригованная услышанным, думала, поглядывая на собеседника, что-то решала. С волей и энергетикой у неё всё было в порядке, и Саблин надеялся, что и воображение подруги Прохора тоже не является слабой стороной её интеллекта.

– Ты меня озадачил. Сейчас я сорвусь на доклад начальству, к вечеру освобожусь, и ты расскажешь мне всё подробно. Что от меня потребуется?

– За Прохором, к сожалению, пошли Охотники, подручные Владык, его надо подстраховать, взять под негласную охрану, а ещё лучше упрятать куда-нибудь на время, чтобы никто не мог найти.

– Час от часу не легче! Что ещё за охотники? Почему они пошли за ним? Кто такие владыки? – Юстина прервала поток вопросов, поднялась. – Освобожусь, позвоню.

Пошла к выходу из парка.

Саблин остался сидеть, глядя, как она пересекает дорожку, шагая размашисто, упруго, красиво. В ней сочетались грация, гибкость, женственность и сила, и приходилось только сожалеть, что сила эта командовала характером больше, нежели все остальные качества.

«Форд» Юстины тронулся с места, взвыл, исчез из поля зрения. Она и машину водила по-мужски, резко и спортивно.

Саблин вспомнил о своих планах, решительно направился к своему автомобилю. Решение съездить в поликлинику и разобраться с визитом Прохора к психотерапевту созрело окончательно.

Центральная поликлиника Суздаля располагалась на улице Энгельса.

Когда-то здесь высилась Златоустовская церковь, построенная в XVIII веке, но в середине XX столетия её снесли, и теперь на её месте красовался дворик детсада. От самой церкви не осталось ни одного камешка, ни следа.

Саблин оставил машину на противоположной стороне улицы, энергично двинулся к стекляшке входа в поликлинику, отмечая нарастающую духоту: температура воздуха достигла тридцати градусов, и люди двигались тяжело, глотая воздух раскрытыми ртами, как рыбы. Регулировать температурный режим организма, как Данимир, они не умели.

В холле поликлиники было немногочисленно.

Саблин подошёл к информколонне, с экранов которой можно было выяснить любые сведения о приёмах врачей, начал искать фамилию Гусинский и услышал за спиной вкрадчивый голос:

– Не меня ищите?

Саблин оглянулся. На него смотрел давешний толстяк-доктор, одетый на сей раз в голубоватый халат. Лысину его прикрывала медицинская шапочка.

– Да, здравствуйте, – неловко проговорил Данимир, досадуя внутри себя: он хотел сначала узнать в регистратуре, записывался ли к психотерапевту Прохор. – Вот хотел поговорить о моём товарище.

– Нашёлся?

– Он и не терялся.

– Пойдёмте в мой кабинет. – Доктор засеменил по цветным плитам холла в коридор, поднялся по лестнице на второй этаж, толкнул дверь с номером двадцать один, отступил в сторону.

– Проходите.

Ничего не подозревающий Саблин шагнул в кабинет... и на него упал потолок!

Во всяком случае, таким было первое впечатление.

Второе оказалось не слаще: голову прострелила насквозь холодная чёрная пуля! Но не вылетела из головы, а отразилась от черепа внутри и вернулась обратно, застряла глыбой тьмы во лбу между глазами!

Затем глыба эта метнула во все стороны огненные струйки, Саблин стал видеть и слышать как и прежде, но почему-то не мог шевельнуть ни одной частью тела: мышцы его не слушались!

– Всё хорошо, дорогой пациент, всё замечательно, – улыбчиво пропел доктор Гусинский, разглядывая Саблина разноцветными – красным и жёлтым – глазами. – Присядьте, я вам помогу.

Он вцепился Данимиру в локоть, повёл к столу, усадил в кресло.

Лицо его шаталось, словно внутри личности шла невидимая борьба, но тон голоса оставался прежним:

– Всё великолепно! Сейчас вам станет лучше, дорогой гость, и вы будете с нами, расскажете о вашем друге, где он прячется, что знает.

– Я... ничего... не... – расцепил челюсти Саблин.

Глыба тьмы в голове зашипела, как головешка, которую всунули в воду, и ему стало плохо, по голове поплыл звон, сознание стало мерцать и гаснуть.

– Отвечай на вопросы! – обрушился на череп чей-то шипящий, тягучий, нечеловеческий голос.

«Кто... ты?» – попытался определиться Саблин.

«Я тот, кем будешь ты! Освободи сознание! Впусти программу!»

«Охотник...»

Глыба снова «зашипела».

«Он говорил с тобой, это меняет дело!»

Новая «пуля тьмы» прострелила голову.

Саблин конвульсивно выпрямился, вцепившись руками в подлокотники кресла.

С любопытством наблюдавший за ним доктор Гусинский вдавил его спиной в спинку кресла, приблизил лицо к глазам Данимира.

– Не сопротивляйся, дружок, будет только хуже! Ты с нами! Открой сознание раппорту, ну?!

Сознание побежало пунктирчиками в разные стороны, будто из муравьиной кучи потоки муравьёв. Воля стала слабеть. Саблин понял, что его зомбируют каким-то странным способом – изнутри!

«Это вселение, – шевельнулась вялая умирающая мысль. – Охотник пытается влезть в голову из другого числомира...»

«Прекрати сопротивление, идиотом станешь!»

Саблин дёрнулся: сердце ответило сбоем.

Перед глазами мелькнуло сосредоточенное лицо мамы.

– Даник, милый, терпи...

– Дан, встряхнись! – А это уже тон Юстины, голос недовольный, сердитый, не допускающий возражений.

Легко сказать – встряхнись... сил нет никаких...

И ещё голосок пробился в уши, милый и встревоженный, Варвара вскинулась:

– Данчик, держись!

«Прекрати думать! – закрипел Охотник. – Раскройся, прими программу, будешь жить!»
«Буду! – выговорил внутрь себя Саблин, выдирая из головы кусок тьмы. – Но не с вами!»
Визг пронёсся сквозь голову, пополам с удивлением и испугом, голова прояснилась.
Сознание ещё какое-то время продолжало плыть, качаться и искриться, но голос зомби-оператора, пытавшегося вселиться в голову Данимира, уже улетел в иные пространства.

Это понял и посредник – доктор Гусинский.

Он отпрянул, корча лицо, словно внутри его и вправду сидело другое существо, протянул к горлу Саблина руки со скрюченными пальцами и... уронил. Перестали передёргиваться мышцы лица, опустели глаза.

Саблин встал.

На лицо доктора снизошла благодать, сменившаяся растерянностью. В глазах проявилась мысль, ищущая опоры.

– Вы кто?

Саблин понял, что и доктора покинула сущность, вселённая в его психику из глубин «матрёшечной» Вселенной.

– Я к вам насчёт Смирнова.

– К-какого Смирнова? Вы мне звонили?

– Мой друг Прохор Смирнов собирался к вам на консультацию.

– Смирнов, Смирнов... – Толстяк наморщил лоб, бледно улыбнулся. – Нет, не помню, извините. Старенький такой, борода клинышком?

– Молодой, безбородый.

– Нет, я не принимал, это совершенно точно. Может, мой напарник доктор Ващенко с ним работал? Да вы уточните в регистратуре.

– Разве вы лично не записываете пациентов?

– Сестра записывает, да вот и она.

В кабинет зашла худая женщина с лицом старой девы, с брезгливо поджатыми губами.

– Регина Александровна, у нас был на приёме... как вы сказали?

– Прохор Смирнов, – отступил к двери Саблин.

– Не помню такой фамилии, сейчас посмотрю. – Медсестра под села к компьютеру, постучала по клавиатуре. – Когда он был?

Саблин уже сообразил, что Прохора здесь не было, но уйти без ответа на поставленный им же вопрос было бы невежливо, и он его дождался:

– Нет, Смирновых в этом месяце не было. Симонов, Собчак, Сучков...

– Благодарю вас, вы меня очень обрадовали! – Саблин поклонился и с облегчением вышел, оставив доктора Гусинского в полном недоумении.

Вечером, после восьми часов, он снова встретился с Юстиной, на этот раз – у неё дома.

В халатике она выглядела домашней и очень милой, в отличие от официально-недоступной на работе, но глаза девушки по-прежнему сверкали остро и властно, и Саблин с шутками насчёт хорошего вечера поостерёгся. Тем более, настроение у него после посещения поликлиники было скверное.

Юстина выслушала его внешне спокойно и сосредоточенно.

– Вербовка? – спросила она с недоверием, когда он закончил.

– Нет, это именно зомбирование, – возразил Саблин. – Внедрение иной сущности через мембрану числоперехода.

– Ещё раз?

– Ну, не суть важно, это термин Прохора. Плохо, что Охотники начали прессовать его друзей, хорошо, что мы теперь предупреждены и можем сопротивляться. Но ведь найдутся те, кто не способен устоять перед вселением?

– Ты меня подозреваешь? – изломила бровь Юстина, как умела делать только она одна.

- Ни в коей мере, я предупреждаю, – вздохнул Саблин. – Ты устоишь, я верю.
- Хорошо, допустим, всё так и есть. Но почему они не внедряются прямо в самого Прохора?
- Пробовали уже, он рассказывал, не могут, он сильнее, вышвыривает их «вирус». И это вселяет надежду. Хотя, с другой стороны, они подключают всё новые и новые резервы.
- Мы не сможем уберечь его от контактов со всеми людьми. Если только не изолируем...
- В психушке, – усмехнулся Саблин.
- Я этого не говорила. Но и сопровождать его как ВИПа везде и всюду двадцать четыре часа в сутки мы не в состоянии, мне никто не даст санкций на такое дорогое мероприятие. Да и не в службе охраны я работаю.
- Нужно что-то придумать.
- Прежде всего нужно определить, за что на него точат зуб ваши Охотники. Какую мозоль он им отдал?
- Он склоняется к мысли, что его путешествия каким-то образом сказываются на Безднах, откуда родом Владыки, трясут их, раскачивают, дестабилизируют. Власть Владык тоже начинает шататься.
- Я так и не поняла, что это за бездны такие.
- Числа растут до бесконечности, точно так же увеличивается и количество числомиров, то есть слоёв «матрёшки». Чем дальше в их дебри, чем больше числа, тем глубже Бездны. Самые глубокие вообще, наверно, никому не доступны, кроме самих Владык, правящих там. Прохор доходил до шестизначных чисел Капрекара, так там, по его оценке, нет планет типа Земли. Люди живут на плавающих островах, на гигантских деревьях, на панцирях черепах, на слонах и чёрт-те на чём ещё. Ещё ниже идут Облака Хаоса, устойчивые кластеры фрактальных кристаллов, жизнь там базируется на иных принципах и реализует все фантазии писателей.
- Как он туда попал?
- Туда можно попасть по линии существующих «родичей». Но он был внизу всего пару раз, а его учитель Дмитрий Дмитриевич Бурлюк, точнее, тот, кто дал ему путёвку в жизнь как формонавту, исколесил якобы все Бездны. После чего и пропал бесследно.
- Юстина, по лицу которой нельзя было прочесть, о чём она думает, сходила на кухню, принесла из холодильника любимый Данимиром грейпфрутовый сок.
- Всё это настолько неправдоподобно...
- Ещё бы, – согласился он, отпивая залпом полчашки. – Спасибо. Попробуй Расскажи кому-нибудь, покрутят пальцем у виска в лучшем случае, а в худшем обзовут алкоголиком либо вызовут врача.
- Врач к тебе уже приходил.
- Они были уверены, что справятся. Сам не понимаю, как мне удалось отбиться.
- А понять необходимо, потому что ты применил готовый алгоритм защиты от вселения. – Юстина передёрнула плечами. – Боже мой, сколько же описано таких случаев, списанных на внезапные психические расстройства и алкогольный бред! А причина – вот она – вселение чужих воль!
- Психосоматик.
- Что?
- Вселяется психосоматический слепок личности, «душа» – как утверждают эзотерики. Я много проштудировал эзотерической и оккультной литературы, прежде чем пошёл в тренеры, и вижу теперь, насколько древние мистики были правы в своих оценках действительности. Люди чаще сходили с ума именно после вселения в них формонавтов из других измерений.
- Юстина принесла ещё соку.
- Пей, жарко сегодня даже вечером, наверно, гроза будет. Итак, резюмируем. Прохор влез туда, куда не должен был совать нос.

– Он же учёный, как ты не понимаешь, – возразил Саблин. – Математика не игрушка, серьёзная работа. На его месте любой поступил бы точно так же.

– Я бы не поступила.

– Не уверен, ты тоже авантюристка своего рода, редко кто из красивых женщин посвящает себя работе в полиции, да ещё в спецназе. К тому же Прохор не сделал ничего плохого.

– Ещё неизвестно. Идём дальше. За ним гонятся какие-то Охотники, которые способны вселяться в людей. Защитить его от контактов с ними – задача номер два.

– Почему два?

– Задача номер один – проанализировать всё, что он знает, что видел, с кем встречался, и найти причину погони. Только после этого можно будет попытаться устранить и саму причину. Возражения есть?

Саблин с уважением посмотрел на девушку. Он знал её давно, ещё с детства, но никогда не думал, что будет прислушиваться к её советам.

– Берём это за основу плана. Я поеду к Прохору, всё с ним обсужу и вернусь с докладом и предложениями. Кстати, а сама ты не хотела бы побродить? – Он пошевелил пальцами, потыкал указательным в потолок. – В тех эмпиреях? Было бы здорово вместе отправляться в поход и там встречаться всей компанией.

– Нет! – отрезала Юстина. – Не желаю.

* * *

В Клирово Саблин приехал совсем поздно, почти в одиннадцать часов вечера.

Михась встретил его у калитки, помог поставить машину на территорию усадьбы. Облапил ручищами, будто они не виделись по крайней мере полгода.

– Чего не предупредил, что заявишься сегодня? Я бы свежей рыбки наловил.

– Рыбку завтра вместе пойдём ловить, мне с постояльцем твоим переговорить надо.

– Али случилось чего?

Посвящать Михаила в возникшие новые проблемы не хотелось, и Саблин сказал с деланным безразличием:

– Случается, что у оленя на голове рог шатается. Проблемы были, есть и будут, а мы призваны их решать.

Михась понял, что гость не расположен к откровениям, но не обиделся.

– Куда ж без проблем. Есть-пить будешь?

– Есть не хочу, пить буду, да и то что-нибудь похолодней, душно сегодня.

– Гроза собирается, на горизонте сверкает, – согласился хозяин. – Квас будешь? Сам делаю.

– А то. Где Прохор?

– У себя, наверху, с вечера. После ужина детям про математику рассказывал. Из него хороший учитель получился бы, мои башибузуки глаз не сводили, рты пораскрывали.

– Заинтересовать слушателей он умеет, – согласился Саблин, надеясь, что Прохор ничего секретного детям Михаила не раскрыл.

Взяв кружку с холодным квасом, он поднялся на второй этаж.

Прохор не спал, читал книгу.

– Привет, – сказал Саблин, протянул руку. – Пить хочешь? А то и тебе принесу.

– Нет, я пил недавно.

– Что читаешь?

– Нашёл у Михаила в библиотеке «Запретную археологию» Бейджента. – Прохор отложил книгу, поднялся навстречу. – Читал?

– Нет.

– Чем больше читаю, тем больше убеждаюсь, что историю человечества переписывали сотни раз, и все кому не лень, особенно учёные мужи, академики, лауреаты премий, цепляющиеся за свои кресла.

– Это общеизвестно.

Проخور сел на кровать.

– Присядь у окошка, там прохладнее. И комаров не видно. Что пожаловал без предупреждения?

– Тебе никто не звонил?

– Мне постоянно кто-то звонит.

Саблин нахмурился.

– Надеюсь, ты не отвечаешь?

– Сам понимаю, – проворчал Проخور, – нельзя. С Юстей только поговорил час назад.

– Я тебе новую симку привёз, сможешь звонить мне и Юсте без опасений, что твой номер прослушивается. У Охотников везде глаза и уши.

– Ты приехал только ради этого?

Саблин сел у стола.

– У меня был «гость».

Проخور смотрел внимательно, его выдержке можно было позавидовать, если бы у Данимира своя была не слабее, и он продолжил:

– Меня пытались зазомбировать.

Взгляд Проخورа мгновенно стал острым.

– Когда?!

– После обеда я поехал в поликлинику и... в общем, слушай. – Саблин передал другу всё, чему стал свидетелем.

Проخور выслушал его внешне спокойно, практически так же, как и Юстина. Саблин даже подивился этому сходству, подумав, что они очень похожи друг на друга, оба – лидеры. Коса на камень, как принято говорить в таких случаях. Но ведь за обоих переживаешь?

– Ты крут! – с мягким восхищением покачал головой Проخور, когда он закончил. – Ко мне цеплялись дважды, но ДД заранее дал мне дельный совет, что делать при попытке вселения, а ты нащупал способ сам.

– Да ничего я не нащупал, случайно получилось, – возразил Данимир.

– В том-то всё и дело, что единственный вариант отбиться от пси-раппорта – позвать на помощь любимых женщин и друзей.

– Не понял.

– Вот чёрт, я не думал, что тебе это понадобится так скоро, потому и не объяснил. Кого ты вспомнил?

Саблин почесал в затылке.

– Маму...

– Ещё?

– Твою Юстину... показалось – голос услышал, потом Варвара позвала.

– Вот! Это – сила! Даже в их отсутствие можно опираться на энергетику благорасположенных к тебе людей, в особенности женщин, и тогда никакое вселение-зомбирование будет не страшно.

– А если бы я не вспомнил?

– Ну, не знаю, может, Охотник и расквартировался бы в твоей башке. Хотя не верю, ты не из породы оборотней, в тебе нет черноты.

– Спасибо.

– Это не похвала.

– Надо будет предупредить Юстину. Кстати, я разговаривал с ней дважды, она посоветовала настойчивей искать причину открывшейся на тебя охоты.

– Она и мне об этом говорила. – Прохор встал, походил по комнате задумчиво, сел обратно на кровать. – Сначала я думал, что знаю точный ответ. Но вспомнился ДД, и я засомневался. Буду думать. Ты надолго?

– Завтра уеду. Я общался с твоим начальством, выпросил тебе отпуск для лечения. Для всех ты лечишься за пределами России, в Хорватии.

– Ни разу не был.

– Вот и пораскинь мозгами, не рвануть ли туда и в самом деле? Может, мы с Варей присоединимся.

– Ты с Варей?

– А что? Послезавтра мы с ней идём в ЗАГС расписываться, и у нас будет медовый месяц.

– В лесу дуб повалился! – пробормотал Прохор. – Неужели созрел?

Саблин с комичным унынием развёл руками.

– Довёл девушку до шокового состояния. Хорошо бы и ты сделал то же самое.

Прохор погрузился.

– Если бы Юстина захотела, я бы ни минуты не раздумывал.

– Ещё есть шанс, она о тебе беспокоится, пообещала помочь разобраться с Охотниками.

Что будешь делать?

– Почитаю и спать. А ты?

– Может, потренируемся?

Прохор собрал морщинки у глаз, определяя, что имеет в виду Саблин, потом понял: Данимир говорил о входе в «матрёшку» числомиров.

– Наверно, стоит идти дальше, раз уж начали, – добавил Саблин. – Нельзя останавливаться на полпути.

– Наркотик, – проговорил Прохор, растягивая губы в понимающей усмешке. – Это настоящий наркотик.

Саблин vs Саблин

Секретарша Света, как всегда, приветствовала шефа радостным известием:

– А телескоп «Кеплер» открыл ещё одну земноподобную планету.

– Замечательно! – порадовался Саблин, не особенно вдумываясь в смысл услышанного. –

И где же?

– В созвездии Близнецов. Звезда в два раза меньше Солнца и совсем красная, а название ей дали по фамилии писателя Головатова.

– Был такой писатель?

– Раз дали, значит, был.

– И далеко?

– Я не знаю, где он тогда был.

– А звезда?

Света сконфузилась.

– Раз в телескоп её разглядели, значит, она недалеко. Я бы туда слетала, посмотреть, какая она. А вы, Данияр Тимофеевич?

– Нет, я лучше кофейку попью, – отказался Саблин, открывая дверь кабинета, – сделай с лимончиком, пожалуйста.

Компаньон Женя Дряхлов сидел за своим огромным столом и разговаривал с кем-то по скайпу. Увидев Саблина, он покачал пальцем, призывая его молчать.

Собеседником Евгения был мэр города, пришедший к власти год назад и зарекомендовавший себя вдумчивым хозяйственником. Он не только на словах боролся за чистоту улиц Суздаля, славшего ярким примером города-памятника архитектуры XVII – XIX веков, но и быстро реагировал на мнение общественности, заинтересованной в сохранении аромата старины. К тому же он был спортсменом, и при нём в Суздале начали работать десятки спортивных центров. Клуб «Чемпион» он посещал регулярно, так как его любимым видом спорта было самбо.

Света принесла кофе.

Саблин взял чашку, кивком поблагодарил Светлану, девушка бесшумно вышла.

Саблин включил компьютер, одним ухом прислушиваясь к разговору Жени, открыл страницу хранящихся в базе данных документов.

Евгений закончил переговоры с мэром, в сердцах хлопнул ладонью по столу:

– Не уговорил!

Он имел в виду свою давнюю задумку перенести соревнования по боевым искусствам на центральный стадион города, но мэра эта идея почему-то не заинтересовала.

– А чего ты хотел? – пожал плечами Саблин. – Мы живём в мире первого отрицания Единого. На любое доброе деяние находится деяние противоположное, отрицающее добро.

Евгений с сомнением посмотрел на компаньона.

– При чём тут отрицание какого-то единого? При чём тут он? И кто он? Ты имеешь в виду президента?

– Это эзотерическая математика. Я тебе уже рассказывал, мой друг занимается нумерологией и числонавтикой, дал как-то почитать трактат о числах. Оказалось – прелюбопытнейшая вещь! Цифрам приписываются такие экзотические свойства, что дух захватывает. С отрицанием Единого мне тоже не всё понятно, однако смысл такой: мы живём в мире, законы которого диктует цифра 2, а она как раз и отрицает.

– Кого?

– Не кого, а что. Во-первых – цифру 1, которая порождает мир Первопричины. Во-вторых, двойка отрицает целостность и единство, волю к проявлению. Поэтому наша числореальность так двойственна и противоречива.

– Звучит-то как интригующе – числореальность, – фыркнул Евгений. – Напридумают же! Почему ты считаешь, что мы живём именно в этой... гм, гм, реальности, под двойкой? А не скажем, под тройкой или десяткой?

– Долго объяснять.

– Попытайся.

– Так сложилось, – привёл философский аргумент Саблин, недовольный тем, что затеял разговор на эту скользкую тему.

Числонавтикой всерьёз занимался Прохор, сам же он лишь повторял его слова, не придавая им особого значения. К тому же ситуация в этой чисто научной области знания вдруг стала изменяться в сторону криминальных последствий. И если Прохор не сочинял, а он не из тех, кто ради красного словца готов наговорить с три короба небылиц, то его контакты с Прохором из одиннадцатого числомира (Ф-превалитета, как он выразился) действительно несут непрогнозируемую угрозу.

– Что-то ты темнишь, – заметил его колебания Евгений.

Он был человеком хватким, практичным, сметливым, но к наукам вообще и к математике в частности относился как к неизбежному злу и старался с представителями этой дисциплины дружить в отдалённом доступе.

– Ничего я не темню, просто кое-что знаю, хотя заниматься этим надо серьёзно и долго.

– Не понимаю, что интересного в математике. Ну, цифры там, числа, фигуры разные, что ещё?

– Никто тебя не заставляет любить математику. Как говорил один усатый мудрец: каждому своё. Давай вместе съездим к мэру, объясним ситуацию, растущий интерес молодёжи к спорту, заинтересуем масштабом, глядишь, и поспособствует.

– Он парень упрямый, – Евгений занялся делами, – но почему бы не съездить? Ты бываешь весьма убедителен на татами. Кстати, к нам копы заходили.

– Копы? – насторожился Саблин, вспоминая встречу с полицейскими у квартиры Прохора. – Чего им было надо? И сколько их было?

– Двое, майор и лейтенант-женщина. Интересовались твоим выступлением.

– В каком смысле?

– Примешь ли ты участие в чемпионате, кто будет за тебя болеть. Я сказал им, много народу болеет.

– Странно, с какой стати полицию стала интересовать толпа болельщиков?

– Хотят обеспечить безопасность чемпионата.

– Безопасностью занимаются другие ведомства, специально обученные люди. Больше они ничего не спрашивали?

– Спросили, где ты тренируешься и кто тебя сопровождает. Я сказал, что тренируешься ты здесь, в клубе, а сопровождение тебе ни к чему.

Саблин помолчал, переживая неприятное чувство беспокойства. Вопросы полицейских показались непривычно подозрительными, липкими, и даже их появление в офисе владельцев спортклуба было странным, потому что они не должны были интересоваться ни сопровождением и охраной спортсменов, ни охраной клуба и самих соревнований. Для этого и в самом деле существовала давно заведенная система поддержания безопасности подобных мероприятий.

– Ладно, разберёмся. Ты их фамилии спросил?

– А как же, – ухмыльнулся Евгений. – Предъявили удостоверения: майор Апресян, лейтенант Хабышева.

– Молодец, бдишь.

– Не люблю я полицию, иногда лучше с бандитами дело иметь, чем с копами. Когда переименовывали, власть искренне рассчитывала изменить всю систему, но как служили там подонки и хапаки, так и остались служить. Вон в Грузии, когда это дело начинали, вообще всю милицию уволили, подчистую! Новых копов набрали. Так там и порядок навели быстро.

Саблин кивнул. Продолжать тему не хотелось, но он был того же мнения, несмотря на то, что в число его друзей входили парни и из департамента полиции, и из других тревожных служб.

– Сейчас придут строители, – заметил Евгений, переключаясь на рабочий ритм. – Побалакаешь с нами?

– Это твоя епархия, – отказался Саблин. – Я займусь спортивными делегациями и размещением.

Однако позаниматься делом ему не дали.

Уже через двадцать минут после начала рабочего дня позвонил Прохор:

– У тебя есть минутка?

Саблин покосился на Евгения, занятого разговором со строителями, собиравшимися переоборудовать одно из помещений спортклуба в кафе.

– Что-то срочное?

– У меня был «гость»...

Саблин движением пальца отключил звук, поднялся с места:

– Кофе, соки?

– Я уже заказал, – отмахнулся Евгений.

В коридоре Саблин вновь включил звук:

- Поменьше болтай, я не один.
- Извини, – снизило тон изображение Прохора, – не сообразил.
- «Гость» оттуда?

Прохор глянул куда-то вверх.

- Откуда же ещё.
- Ты где, дома?

– Не выхожу никуда, как ты и просил, лазаю по Сети, изучаю геометрию.

– Через полчаса я к тебе приеду. Других «гостей» не было? Никто у квартиры не тусовался, в дверь не звонил?

– В дверь не звонили никто, по телефону тоже, а на улицу я не выглядывал.

– Жди.

Саблин вернулся в кабинет, убрал со стола, выключил компьютер и помахал рукой занятому беседой компаньону.

Евгений не ответил, будучи уверенным, что у компаньона имеются свои резоны не сидеть весь день за столом.

У дома Прохора стоял чёрный внедорожник «Вольво», который Саблин уже видел дважды. Ничего особенного в этом не было, но в свете последних событий его появление казалось знаковым, и Данияр решил перестраховаться.

Приятель в городской ГИБДД ответил на звонок оживлённо-радостным:

- Дан, здорово! Давно не пересекались. Как жизнь?
- Твоими молитвами, – рассмеялся Саблин. – Так и вижу, что ты жуёшь гамбургер.
- Точно, Ростик съездил в «Макдоналдс», привёз три порции. Ну, у тебя и интуиция!
- На том стоим. Витя, будь другом, пробей по базе номеров: У 444 ТТ, московский регион.

– Без проблем, сделаю минут через пять и перезвоню. К нам не заскочишь? Покажу тебе любопытную штуковину.

- Что ещё за штуковина?
- Аппарат.
- Самогонный, что ли?

Виктор хохотнул.

– Отечественный алкотестер «Бодрость», в трубку дышать не надо, дистанционно определяет степень опьянения со стопроцентной гарантией.

- Мне ваш тестер не грозит.
- Знаю, что ты в рот капли не берёшь, так друзей предупреди.
- Ладно, заеду вечером.

Саблин бросил внимательный взгляд на внедорожник и зашёл в подъезд.

Прохор открыл дверь в домашнем халате. Вид у него был осоловелый.

– Быстро ты доехал.

– Уже начало двенадцатого, – хмыкнул Саблин.

– Да? Во, чёрт, как время летит, как протон в ускорителе! Проходи, я щас. – Прохор скрылся в ванной, послышался плеск воды.

Саблин достал из холодильника запотевшую бутылку минералки с газом, налил в стакан, прогулялся по квартире, приглядываясь к обстановке.

Судя по всему, Прохор действительно не выходил из дома. По комнатам были разбросаны его вещи, майки, футболки, шорты, домашние тапки, полотенца, стол был завален «булавками» флэшмобов, дисками, книгами и изрисованными листами бумаги.

В гостиной было душно, несмотря на открытое окно и дверь на лоджию.

На окне грустно поникли голубые орхидеи в глиняном горшочке – подарок Устиныи.

Саблин покачал головой, глянул на красивую друзу кристаллов в растворе объёмного дисплея, раздвинул ворох одежды на диване, сел.

Появился Прохор, на ходу вытирая мокрые волосы, шею и торс.

– Пить хочешь? А, ты уже похозяйничал.

– Что у тебя за бардак? – поинтересовался Саблин. – Первый раз вижу такое, пройти нельзя.

– Извини, Дан, некогда было уборкой заниматься. – Прохор подсел к компьютеру. – Как тебе это творение?

– Минерал какой-то? Горный хрусталь?

– Это концепция эргиона в развёртке, я рассчитал размеры и переходы: тетраэдр внутри куба, куб внутри декаэдра, тот внутри икосаэдра. Завтра начну собирать.

– Зачем?

– Одиннадцатый настоятельно советует изготовить модель, говорит, очень помогает настраиваться на числопутешествия.

– Можно подумать, ты собираешься в путешествия.

– Почему бы и нет? Интересно.

– Не буду спорить. У меня времени в обрез, поэтому расскажи о визите.

Прохор бросил смятое полотенце на стул, повернулся к Саблину.

– Одиннадцатый был. Он сейчас отлёживается в одном месте, скрывается от преследователей, Охотники обложили его по-серьёзному.

– И где он отлёживается?

– В деревне Клирово Рязанской губернии, у твоего друга Михаила.

Саблин отставил стакан с минералкой.

– Есть у меня приятель в Рязанской губернии по имени Миша, но живёт в деревне Колываново, а не Клирово.

– Возможно, это одна и та же деревня. Кое-какие детали в разных Ф-превалитетах отличаются, с Колывановым мы имеем конкретный пример. Кстати, у одиннадцатого друг тоже Саблин, но не Данияр, а Данимир, и там он не совладелец спортклуба, а тренер турцентра по экстремальному выживанию.

– Я тоже мог бы стать тренером.

– Мог бы, но не стал, а там он стал.

– Что тебе ещё важного сообщил одиннадцатый? Интересно, какой он по характеру? Такой же, как ты, или отличается?

– Мачо, – криво улыбнулся Прохор, – в отличие от меня. Там он занимается спортом, боевыми искусствами, тренируется у Данияра... Данимира и ведёт активный образ жизни.

– Тебе бы тоже не мешало заняться спортом, ну или хотя бы физкультурой, а то вон уже брюшко наметилось. А я там какой?

– Ты везде одинаков, – признался Прохор, – во всех превалитетах – боец. Я специально спросил, уязвить хотел, а когда он ответил, я позавидовал.

– Это хорошо, – усмехнулся Саблин. – Я имею в виду, что я не меняюсь. Есть пример для подражания. Наверно, чем проще человек, тем твёрже его характер.

– Ты о себе?

– Я о тебе.

– Я не простой.

– Вот-вот, брал бы папаша ремень в руки почаще, глядишь, не забивал бы ты себе голову всякой ерундой. Теперь вот расхлёбывай твою кашу.

– Я тебя не просил расхлёбывать кашу, – помрачнел Прохор.

– Ладно, я не в обиде, пошутили и довольно. Где лучше жить, не спросил? В их числомире или в нашем?

– Мы почти не говорили на эту тему. Насколько я понял, лучше всего жить в седьмом Ф-превалитете. Цифра семь реализует законы справедливости, символизирует совершенный порядок и законченный циклический процесс.

– Семь дней творения, – вспомнил Саблин. – Или Библия не входит в число праведных документов?

– Лжи и вранья в ней предостаточно, но в Библии тоже немало зашифровано полезного, и семь дней творения – сакральное число законченности цикла. Если же сравнивать наш два-мир с одиннадцатым, то число одиннадцать на самом деле означает «второе отрицание Единого», отсюда социум одиннадцатого Ф-превалитета больше подвержен бифуркациям разного порядка, чем наш. Вывод – жить там сложнее. В каком-то смысле наш второй числомир проще одиннадцатого и строже. А красивее всего – мир десятого превалитета, мир завершённости, гармонии и цельности.

– Ты его видел, что ли?

– Своими глазами не видел, одиннадцатый открыл мне свою память, я как кино посмотрел.

– Везёт же некоторым. А что такое бифуркация?

– Качественная перестройка объекта, смена установившегося режима работы какой-то системы.

– Похоже, мне пора заняться математикой, а то сижу как пень и ушами хлопаю, терминов простых не знаю.

– Насчёт простых – это ты загнул. Могу дать кое-что почитать по численавтике и формологии.

– Буду признателен.

Зазвонил телефон.

Саблин вынул пластину айкома, но обратку-скайп не включил.

– Слушаю, Витя.

– Машина принадлежит департаменту природных ресурсов, – доложил инспектор ГИБДД, – на ней ездит замминистра. А где ты её обнаружил?

– В Суздале, – сказал Саблин.

– Какого рожна он там делает? Полезные ископаемые ищет?

– Не знаю, может, здесь один только водила, а сам министр на моря укатил. Спасибо, Витя, за мной должок.

– Приезжай, алкотестер обмывать будем, мы его «бодуном» назвали, – хохотнул Виктор, выключая телефон.

– Что? – спросил Прохор, заметив гримасу Данияра.

– Вот тебе и жили не тужили, – вздохнул Саблин с досадой. – Обкладывают нас со всех сторон. То полиция, то какие-то пацаны, то Министерство природных ресурсов.

– Ты о чём?

– Уехать тебе надо из города, срочно! Не нравится мне начавшаяся мышьяная возня вокруг тебя. Бери отпуск и мотай отсюда подальше.

– Куда? – растерялся Прохор.

– Да куда угодно, хоть в Австралию, хоть в Китай, в ту же Норвегию, лишь бы за пределы России. Мы с тобой уже говорили об этом.

– Я думал, ты шутишь.

– Какие тут шутки! Копы даже к нам в офис заходили, интересовались, кто меня сопровождает, да кто за меня болеет. А ты всегда не пропускал все мои бои. В общем, так. Даю тебе день на сборы, билеты я куплю сам и полечу с тобой.

– Чёрт, ты мне подумать не даёшь!

– Как только ты начинаешь думать, начинают происходить странные вещи. Устя сейчас в Норвегии?

– В Трельтиндене.

– Вот туда и полетим. Ещё раз предупреждаю: без меня никуда не выходить, никому не открывать, на звонки не отвечать.

– И тебе?

– Договоримся о пароле: я звоню и тут же сбрасываю звонок, только после этого ты мне перезваниваешь. Договорились?

– Перестраховщик.

Саблин встал.

– Я два года прослужил в спецназе, поэтому знаю, что говорю.

Проخور нехотя поднялся тоже.

– Ты думаешь, всё так... серьёзно?

– Очень хотелось бы верить, что наши страхи необоснованны. Но лучше перестраховаться, чем недобдеть. Собирайся, сидеть на месте и ждать от моря погоды – не моё кредо.

Проخور закрыл за ним дверь.

Саблин двинулся было к лифту, прикидывая план дальнейших действий, и вдруг во лбу у него бесшумно выросла призрачная «слива» непонятных ощущений. Он даже остановился на полшаге, прислушиваясь к гулкой тишине в голове.

«Слива» выпустила призрачные побеги, проколовшие мозг, вонзившиеся в глаза и уши.

Саблин прижал ладони к ушам, словно пытаясь остановить рост «побегов» либо вытащить их из головы.

«Извини, брат, – раздался в «горшке» внутричерепного пространства чей-то бархатно-мягкий вибрирующий голос. – Я не хотел тебя пугать».

«Кто ты?!»

«Догадайся с трёх раз».

«Саблин! Дани...»

«Мир. Данимир меня зовут. А ты Данияр. В каком-то смысле мы родственники».

«Ты из какого превалитета?»

«Молодец, быстро ориентируешься, это радует. Я из одиннадцатого числомира. Тебе обо мне Проخور рассказал?»

«Только что разговаривал с ним. Он утверждает, что мы очень похожи».

«Как братья-близнецы, подтверждаю».

«Я не знал, что ты тоже можешь бегать по числомирам».

«Всего второй раз пытаюсь, – сознался Саблин-11. – Ищу единомышленников. За Проخورом здесь кинулись реальные киллеры, хотелось бы узнать, что творится у вас».

Саблин опомнился, спустился во двор, сел в свою машину. Первое волнение улеглось, и он мог беседовать с «гостем» вполне предметно.

«У нас тоже началось шевеление. За Проخورом установили наблюдение, причём я не скажу, что очень умелое, профессиональное, следят дилетанты, любители. Это не спецслужбы».

«Чтобы за ним увязались спецслужбы, Охотникам надо вселяться в сотрудников спецслужб, а это дело хлопотное и не всегда доступное. Они пользуются тем материалом, который у них под рукой. Кого ты обнаружил конкретно?»

«Были молодые парни лет восемнадцати-двадцати, но с интросканером, который просто так в магазине не купишь. Полицейские им интересовались, якобы получили «телегу» от соседей, возмущённых его поведением. Чушь, конечно. На работе к нему вдруг начал приставать сотрудник по кличке Прыщик, который раньше напрочь его не видел».

«Да, это похоже на массивованную блокаду. Думал, что предпринять?»

«Посоветовал ему уехать из России, на недельку-две, может, всё само собой разрулится».
«Не разрулится. Если Охотники поймут, что твой Прохор знает о числомирах и принимал нашего, – начнётся настоящая охота. Куда вы хотите уехать?»

«В норвежский Трольтинден, там у Прохора девушка соревнуется по бейсджампингу».

«Юстина?»

«Устинья».

«Здесь её зовут Юстиной, она майор полиции. Поэтому здесь у меня есть понимание и профессиональная поддержка. Где работает ваша Устинья?»

«Администратор в гостинице. Но ты не беспокойся, у меня в нашей полиции есть свои люди, помогут, если что».

«Осторожнее с привлечением копов, убедись сначала, что они надёжные союзники. Проболтаются случайно – будет тот же результат».

«Я позабочусь об этом».

«Заканчиваем контакт. Был рад с тобой познакомиться».

«Взаимно, – ни капли не слукавил Саблин. – Хорошо бы и мне научиться путешествовать по числомирам».

«Прохор научит своего визави у вас, а он тебя, попроси, это уже суровая необходимость. Ну, бывай, Дан Саблин, жди в гости».

«Пока, Дан Саблин».

«Слива» в голове Саблина сморщилась, увяла, расплылась призрачным дымком, оставив лёгкий трепет сожаления и ожидания. Но одиннадцатый Саблин обещал вернуться, как Карлсон, живущий на крыше, и это вселяло надежду на продолжение «банкета».

Из кроссовера «Вольво», принадлежащего, по словам Виктора, заместителю министра природных ресурсов, вышли два парня в строгих чёрных костюмах, несмотря на летнюю жару, и в белых рубашках, закурили, поглядывая на окна дома Прохора.

Саблин понаблюдал за ними, оценивая родившееся решение, потом позвонил в ГИБДД:

– Витя, просьбочка одна имеется.

– Хоть две, чемпион, – ответил жизнерадостный капитан.

– Не мог бы ты послать патруль на Ярунову Гору, дом сорок пять «А»?

– Что там такое?

– Толкуются во дворе какие-то криминального вида мужики, и машина у них та самая, что я просил тебя пробить по базе.

– Джип «Вольво» У 444 ТТ?

– Именно. Похоже, приехала банда, жаждет разборок, неплохо бы у них документы проверить.

– Да вроде ориентировок у нас никаких нет.

– Пошли группу, будь другом, а я посмотрю, как они будут себя вести.

– Ладно, сейчас дам указивку.

– На меня только не ссылайся.

– Будь спок.

Патрульный «Рено Логан» подъехал неожиданно быстро, буквально через три минуты, остановился рядом с «Вольво». Из него вышли двое полицейских с пистолетами-пулемётами «Кедр» через плечо, умело расположились – уступом, прикрывая друг друга, положив руки на рукояти «Кедров».

Между ними и водителем завязался разговор.

Водитель, приоткрывший окно со своей стороны, сделал неприличный жест.

Из патрульного автомобиля ДПС вылез ещё один полицейский, направил на лобовое стекло «Вольво» ствол новенького автомата «АК-22».

Водитель воздел руки к потолку кабины, протянул полицейскому лейтенанту права, потом ещё какое-то удостоверение с красной корочкой.

Лейтенант прочитал, вернул, козырнул, отступил в сторону. Полицейские вернулись к своей машине, о чём-то совещаясь. Лейтенант, оглядывающийся на кроссовер, придвинул к губам усик рации.

«Вольво» зарычал, сдал назад, развернулся и выехал со двора. Полицейские ему не мешали.

«И так будет с каждым!» – с мрачным удовлетворением подумал Саблин, понимая в душе, что это не решение проблемы. Если парни в кабине «Вольво» получили задание пасти Прохора Шатаева, они будут его выполнять всеми способами, минуя мешающие факторы, и отменить задание мог только господин замминистра, в которого, наверно, и вселился Охотник.

Саблин покрутил головой, выжимая сцепление.

Нашли же в ком прописаться! Или это был ближайший доступ? С другой стороны, им дали понять, что двор объекта наблюдения находится под контролем полиции, поэтому вряд ли они станут предпринимать меры активного воздействия. А завтра утром нас тут уже не будет.

Саблин вырулил на улицу, кроссовер не обнаружил и поехал к себе в офис готовить отъезд Прохора.

Долина троллей

Бейсджампинг не зря считается одним из самых опасных экстремальных видов спорта. Спортсмены прыгают не только с высоких башен, мостов и сооружений, но и со скал в опасной близости от них, и немало случаев описано в истории бейсджампинга, когда спортсменов сносило к стенам небоскрёбов или скал и они разбивались насмерть.

Первый чемпионат мира по бейсджампингу прошёл в Малайзии, в Куала-Лумпуре, в августе 2001 года. Бейсеры из шестнадцати стран мира прыгали с небоскрёба Петронас Тауэрс высотой около трёхсот метров, состязаясь в скорости и точности приземления.

Но появился бейсджампинг как вид спорта ещё в 1978 году, когда оператор Карл Бениш установил на скале Эль-Капитан¹⁰ видеокамеры и снял прыжки с парашютом типа «крыло» четвёрки англичан во главе с Кентом Лейном.

Обычные парашюты для подобных прыжков не пригодны, нужны специальные, с динамическим управлением, препятствующим дестабилизации на малых высотах и кручению тел спортсменов.

Прыгают по-разному.

Помощник держит вытяжной парашют в руках – это прыжок пайлот-шут-ассист, самый простой.

Фрифол – спортсмен открывает парашют самостоятельно.

Тард – заранее открытый и уложенный определённым образом парашют спортсмен держит в руке и бросает вперёд в момент отделения от объекта.

Вронг – прыжок спиной вперёд.

И наконец, самым красивым, по мнению Прохора, прыжком являлся вингсьют с использованием специального костюма-крыла. С его помощью можно и парить, и выполнять различные трюки, и участвовать в групповых прыжках. Чаще всего вингсьюты применяются именно во время прыжков со скал, таких как в Трольстигене.

Трольстиген – Стена Троллей является частью горного массива Трольтинден в Норвегии и располагается недалеко от Тронхейма, в районе Рамсдаль на западном побережье страны. Высота Стены – тысяча сто метров.

¹⁰ Эль-Капитан – гранитная стена в Калифорнии, США.

В конце XX века власти Норвегии закрыли район для проведения соревнований, так как гибло много спортсменов. Но в начале XXI века были разработаны новые костюмы и парашюты для бейс-прыжков, безопасность этого вида спорта повысилась, и в Трольстигене вновь начали проводиться чемпионаты мира.

– Откуда ты это знаешь? – спросил Саблин у Прохора, слушая его рассказ, пока такси везло туристов из Тронхейма в Домбас. – Ты же тут не был.

– От Усти, – рассеянно ответил Прохор, любуясь пейзажами. – Она здесь уже четвёртый раз.

Из Тронхейма ехали по знаменитому шоссе Е6 к Домбасу, главному турцентру Долины Троллей. Пообедали в маленьком кафе на балконе второго этажа кемпинга с незапомнившимся названием, снова сели в «Вольво».

Живописная дорога постепенно сузилась и нырнула в ущелье, с отвесными стенами и высокими скалами с шапками снега на вершинах. Солнце в ущелье заглядывало редко, поэтому ехали в сумраке вдоль порожистой реки с множеством водопадилов.

Прохор сначала фотографировал наиболее запоминающиеся ландшафты на айком, потом перестал.

Саблин его понимал. Красивых мест хватало, и снять все на видео не представлялось возможным.

Остановились в пятизвёздочном кемпинге «Мджелва» на берегу красивого озера, окружённого светлым берёзовым лесом.

Саблин заранее выяснил, где разместились спортсмены из двадцати восьми стран, прибывшие на чемпионат, поэтому русскую делегацию искать не пришлось, она поселилась именно в «Мджелве».

Кемпинг был забит до отказа норвежскими и немецкими туристами. Но Саблину каким-то чудом (он не вдавался в подробности) удалось выпросить у администрации комнату в переходе между корпусами, вполне возможно, принадлежащую обслуживающему персоналу, и вновь прибывшие устроились в ней. К счастью, все необходимые минимальные удобства в комнате имелись.

Выяснив, где происходят соревнования, Прохор и Саблин доехали до Трольстигена на электробусе, курсировавшем между гостиницами долины, и направились к подножию Стены Троллей, где была оборудована прекрасная площадка для приземления бейсеров.

По обе стороны площадки были установлены гигантские экраны размером десять на пять метров, которые в подробностях показывали спортсмена и его прыжок. Для этого вся Стена Троллей была наспигована видеокамерами.

– Как они туда попадают? – спросил Саблин, глядя на гребень скалы из-под козырька руки. – Неужели влезают?

– На вертолётах, – пояснил Прохор как знаток. – А было время – влезали.

Соревнования в этот день, по сути, заканчивались.

Спортсмены совершили уже по два прыжка и готовились к третьему, завершающему.

Основание Стены заполнили толпы зрителей, прибывших не только из других районов Норвегии, но и из других стран света. Многие сидели на прихваченных из автомобилей стульчиках, держа в руках подзорные трубы, но в основном болельщики стояли вдоль ограждений, нацелив на вершину Стены Троллей разномастные бинокли.

Из их разговоров (слышалась английская, немецкая, норвежская, эстонская, русская речь) Прохор без труда уяснил, что Стена Троллей входит в группу скал «Big Wall», в которой числятся самые знаменитые и сложные для альпинистского восхождения стены в мире, такие как Эль-Капитан, Транго Тауэр и другие. Впервые на норвежскую Стену поднялись две команды одновременно, норвежская и британская, ещё в далёком 1965 году. Но прыгать с неё

начали гораздо позже, в начале 80-х прошлого столетия. И именно здесь в 1968 году погиб родоначальник бейсджампинга Карл Бениш.

Услышав эту историю, Прохор стал пристальнее следить за кромкой уступа на высоте километра, с которого и прыгали спортсмены на вингсьютах, поглядывая и на экраны. Хотелось первому увидеть, когда там появится Устинья.

Расположились они с Даном не в первых рядах зрителей, потому что протолкаться туда было практически невозможно, а чуть ли не у машин, окружавших площадку для приземления с трёх сторон.

Толпа дружно ахнула.

Прохор взгляделся в падающую со скалы фигурку, но это был мужчина в жёлто-оранжевом костюме-крыле, превращавшем его в гигантскую белку-летягу. Он сделал два пируэта и приземлился в центре холма.

Экраны повторили падение бейсера в красочных подробностях.

Зрители аплодировали. Было нежарко, всего под семнадцать градусов, дул ветерок, и одеты все были в куртки-блюминги либо в ветровки. Точно такая же ветровка синего цвета была и на Прохоре. Об экипировке тоже позаботился Саблин, о чём сам Прохор подумал только сейчас, уловив порыв ветра.

Новая фигурка – бело-сине-красная сорвалась с каменного уступа.

Но и она оказалась мужчиной, повторившим эволюции своего предшественника.

Устинья прыгала седьмой.

На ней был серебристо-чёрный вингсьют, у Прохора защемило сердце, когда девушка превратилась в птицу и сделала каскад пируэтов, на что толпа зрителей ответила ей восхищённым гулом и водопадом аплодисментов.

– Здорово крутанула! – заговорили рядом болельщики на английском, цокая языками. – Бейс-акро проходит как ласточка, вронг на два выюри больше, и три ворда плюс! Будет чемпионкой!

Прохор и сам понимал, что Устя сделала что-то сверхоригинальное, перевод ему не требовался, лишь хотелось похвастаться, что прыгала его девушка.

– Отличный прыжок! – опустил свой бинокль Саблин. – Пойдём встречать.

О своём прилёте они Устинье звонить не стали. Прохор хотел сделать сюрприз, и теперь у него вдруг заколотилось сердце, будто это он сам только что совершил прыжок со Стены Троллей.

Саблин искоса глянул на него.

– Жарко?

– Холодно, – бледно улыбнулся Прохор.

– Посиди в палатке под холмом, попей кофе, я её приведу.

– Сам сиди, я не для этого прилетел.

Они двинулись к концу площадки, где в сетчатой изгороди были ворота для выхода прыгунов.

Устинья уже сняла вингсьют и в окружении парней из российской команды двигалась к выходу. Парни шутили, один из них держал девушку под руку, она смеялась, покрасневшая и довольная.

В толпе раздались приветственные крики.

Спортсмены ответили, поднимая руки.

Устинья пробежала глазами по рядам зрителей и наткнулась взглядом на стоящих у ворот Саблина и Прохора.

Глаза девушки стали большими, она споткнулась, улыбка на лице сменилась выражением безмерного удивления.

Несколько мгновений Прохор и она смотрели друг на друга.

Прохор неловко развёл руки в сторону: мол, вот он я, извини.

Парень, державший Устю под руку, что-то сказал ей на ухо. Это был Глеб Мисюра, руководитель группы российских бейсеров.

Она вырвала локоть у него из ладони и, взвизгнув, метнулась к Прохору, с разбегу прыгнула к нему на грудь.

Раздались весёлые крики, возгласы, смех.

Спортсмены знали Прохора в лицо и не удивились, увидев его за оградой площадки приземления. Лишь Глеб помрачнел, вдруг почувствовав себя лишним, но Прохор помочь ему ничем не мог.

Он обнял девушку, вдыхая травяной запах её разгорячённого тела. Мелькнула мысль поцеловать Устю при всех, но она его опередила, чмокнув в щёку, потом в другую и в губы.

– Как я рада тебя видеть!

Он хотел сказать, что появился здесь по вполне прозаической причине – сбить со следа преследователей, устроивших слежку за ним в Суздале, но вовремя прикусил язык. В душе пели колокола и разгоралось странное чувство обладания сокровищем, пронизанное ожиданием перемен, и Устя играла в этом ожидании главную роль. Отпускать её, как раньше, одну куда бы то ни было больше не хотелось.

– В машину, – скомандовал Глеб Мисюра членам группы.

– Она поедет с нами, – бесстрастно сказал Саблин. – Мы знаем, где вы остановились.

Мисюра с сомнением посмотрел на него, перевёл взгляд на обнявшуюся пару.

– У нас режим...

– Мы довезём её до отеля, не волнуйся насчёт режима, всё будет в порядке.

– Грузимся, – отошёл Мисюра, явно расстроенный появлением соперника.

– За мной, – кинул Саблин, начиная спускаться к стоянке машин.

Поддерживая прильнувшую к нему Устю, Прохор двинулся за другом, переживая необычную для себя растерянность и гордость, что лучшая прыгунья чемпионата открыто проявляет к нему такие чувства.

– Я не верила, что ты прилетишь, – призналась она.

– Я же звонил.

– Звонил, но я не поверила, думала, просто поддержать хочешь. А когда увидела – чуть сердце не выскочило!

– Подумаешь – подвиг...

– Ты не представляешь, как мне приятно!

– Это очень заметно, особенно когда тебя ведут под локоток.

Устинья шире распахнула сияющие глаза.

– Ты меня ревнуешь?!

– Немножко, – кивнул он, сделав квадратное лицо.

Она фыркнула.

– Дурачок! Неужели не видишь?

– Что?

Устинья повернула его к себе, обняла за шею, не отводя взгляда.

– Я же люблю тебя!

Он уловил косой взгляд проходившего рядом Мисюры, пробормотал:

– На нас смотрят...

– Ну и пусть смотрят, я ни у кого ничего не краду.

Поцелуй был нежным и мягким...

Саблин ждал их у бежевого «Шевроле», каким-то образом сумев уговорить водителя отвезти всех троих в отель.

Прохор и Устя сели сзади.

Саблин по-английски продиктовал суровому на вид бородачу адрес отеля, и «Шевроле» неспешно отправился в путь, то и дело уступая дорогу другим автомобилям.

Впрочем, Прохора это не раздражало. Поймав ещё один взгляд Глеба Мисюры, команда которого усаживалась в белый фургончик «Вольво», он снова почувствовал себя хозяином положения, хотя никаких усилий к этому не прикладывал. Всё зависело от Усти, а она любила только его.

Вспомнились замечания Прохора-11, позавидовавшего положению «родича» из второго Ф-превалитета. В его числом мире девушка по имени Юстина, та же Устя, только с иной судьбой, к Прохору относилась совсем иначе.

До кемпинга доехали всего за полчаса, несмотря на толкотню разъезжавшихся на своих авто по разным кемпингам зрителей.

– Завтра последний день соревнований, – сказала Устя пунцовыми от поцелуев губами; она как ухватила Прохора за руку, так и не отпускала. – Групповые прыжки. Мы пока на первом месте.

– Будешь чемпионкой, – предсказал Прохор, всё больше хмелеющий от близости девушки. – Я слышал разговор болельщиков, ты недосягаема.

– Ты меня дождёшься?

– Что значит – дождёшься? Я приехал поболеть, потом отпразднуем твоё чемпионство.

– Дома будем праздновать, ещё победить надо.

– Пробудем здесь несколько дней, – оглянулся сидящий впереди Саблин. – Съездим к фьордам, на озёра, погуляем по здешним достопримечательностям. Когда ещё удастся так спокойно отдохнуть?

– Мне нельзя, на работе ждут.

– Подождут, я всё улажу.

Устинья нерешительно сморщила носик, встретила понимающий взгляд Прохора.

– Вы что-то недоговариваете.

– Доберёмся до отеля, поговорим. Ничего особенного, – успокоил её Прохор. – Есть кое-какие проблемы, но они вполне решаемы.

Саблин искоса посмотрел на друга, однако возражать не стал. По его мнению, пугать Устю какими-то Охотниками, гонящимися за Прохором из другого измерения, не стоило.

Доехали до кемпинга, расплатились с водителем.

– Я сейчас договарюсь с ребятами на вечер, мы будем разбирать сегодняшние полёты, и вернусь. – Устя умчалась к подъехавшему фургону команды.

– Нам придётся рассказать ей о Прохоре-11, – рассеянно пробормотал Прохор, провозжая девушку глазами.

– Я только что хотел предупредить тебя, – ответил Саблин, – чтобы ты не вздумал сообщить ей об этом. Усте ни к чему знать о существовании «родичей» из других измерений.

– Будет хуже, если мы случайно проговоримся и она поймёт, что всё не так просто.

– Мы?

– Ну я. Да и Охотники могут объявиться поблизости или того хуже – вселятся в неё. На мой взгляд, ей нужно аккуратно рассказать всё, в пределах необходимого.

Саблин подумал, разглядывая толпу туристов.

– Может, ты и прав. Сам соображай.

Прибежала Устинья, счастливая и радостная.

– Всё, договорилась, до вечера я свободна, как ветер. Куда идём?

– Сначала покажем, где мы поселились, – взял её за руку Прохор. – Потом пойдём обедать.

– Обедайте без меня, – отказался Саблин, берясь за айком, – у меня дела. Встретимся часа через полтора, освобожусь, позвоню.

Он заговорил по мобильному и отошёл.
Устя с сомнением посмотрела ему вслед.

– Неудобно получается...

– Не переживай, Дан деликатный человек, он просто дал нам время побыть вдвоём.

– Вот поэтому и неловко.

Они вошли в двухэтажный, с деревянными полуколоннами, вделанными в стены, отель, возле которого царил суматоха: подъезжали и отъезжали машины, толпами входили и выходили туристы, слышалась разноязычная речь, шутки и смех.

Прохор открыл номер, пропустил Устю.

– Конура, – сказала она, разглядывая убранство крохотной комнатухи, где едва умещались две односпальные кровати, столик, тумбочка и стул. Окно номера выходило на близкий лес и горы, поэтому гостей кемпинга видно не было, слышался лишь их приглушённый говор сквозь дверь.

Прохор остановился, отмечая гулкий голос сердца.

Устя оглянулась.

– Что стал? Будешь переодеваться?

Он продолжал смотреть на неё, не двигаясь.

Девушка прикусила губку, разглядывая Прохора как нечто новое для себя, сделала к нему шаг, другой. Остановилась, подойдя вплотную. Тишина и ожидание окутали их призрачным облачком.

Толчок сердца сдвинул не грудь, но Вселенную вокруг.

Он дотронулся руками до застёжки её куртки.

Руки Усти легли на его плечи.

Куртки невесомыми птицами слетели на пол.

Пальцы вдруг приобрели небывалую чувствительность, ощутив шёлк её кожи и даже пульсирующие токи энергии под ней.

Упала блузка, джинсы, его рубашка...

Он опустился на колени, стал целовать её живот, родинку на бедре, поднялся к выпуклостям груди...

Всё вокруг исчезло, кроме марева и теми живота, они оказались на кровати, и он снова целовал её, и вошёл, и беззвучно закричал от неистового желания и удовольствия, и она выдохнула бессловесную песню, и он полетел сквозь неё навывлет, стремясь быть нежно-огненным, услышал:

– Ты счастье моё... судьба моя...

Откинулся рядом, бурно дыша, продолжая сжимать рукой грудь Устины, потом перевернулся на спину, раскинув руки, начиная приходить в себя.

Ничего не говорили, просто остывали, вслушиваясь в утихающую бурю внутри их самих.

Потом искупались под душем и снова легли, чтобы понежиться и отдохнуть, и снова сорвались в полёт, которому невозможно было подобрать ни аналогий, ни названия.

Снова искупались. Устя начала одеваться, но Прохор удержал её:

– Не спеши, у нас ещё есть время.

Она с сомнением глянула на часы, но послушалась, легла рядом, положила голову ему на грудь.

– Ты изменился.

– Ерунда, – не согласился он.

– Нет, я чувствую. Ты так *никогда* меня не хотел!

– Ну, соскучился.

– Не пытайся увильнуть, ты изменился, это заметно, значит, что-то случилось. Не расскажешь – поссоримся.

Он полежал с минуту, перебирая её волосы, размышляя над проблемой, как не испугать подругу своим «психическим раздвоением», потом решил ничего не утаивать. Характер Усти был намного твёрже, чем у него, и устроить её рассказом о контакте с «потусторонним» Прохором было сложно.

– Ты знаешь, что я увлекаюсь числонавтикой.

– Только не начинай издали, хорошо? Через полчаса придёт Дан, а нам ещё надо привести себя в порядок.

– Я не начинаю издали, просто всё началось с математики, во что трудно поверить. Оказывается, есть ещё фанаты, увлекающиеся числонавтикой, формологией и кое-чем другим, связанным с этими дисциплинами. Но живут они не здесь.

– Ты хочешь сказать, не в Норвегии? Или имеешь в виду – не в России?

– В России, но другой.

– Не понимаю.

Прохор ещё чуть помедлил и выложил Усте всю историю своего знакомства с Прохором из одиннадцатого Ф-превалитета. Закончил:

– У тебя всего два пути. Первый – посчитать меня больным и предложить лечиться. Второй – поверить. Какой выбираешь?

Устинья села, застеснялась под его взглядом, натянула на грудь до шеи простыню.

– Я знаю тебя не первый год, шизиком ты не выглядишь. Твоя история выглядит логично.

– Короче, Склифосовский.

– Я тебе верю! Но ты не рассказал мне всего. Где живёт этот второй... Прохор, почему выбрал тебя, кто такие Охотники, и так далее.

– Всему своё время. Ты должна принять главное: моя информация, к сожалению, опасна, Охотники уже начали следить за мной, а что они предпримут, если догадаются, что я знаю всё, неизвестно.

– Но ведь это бред! За что можно преследовать человека, занимающегося математикой?

– Формонавтикой.

– Какая разница? Ты же ничего плохого не делаешь!

– И тем не менее существуют Охотники, которым не нравится, что есть люди, свободно переходящие из мира в мир.

Она зажмурилась, потрясла головой.

– Представить не могу! Хочу проснуться.

– Если это сон, то слишком реальный. Давай одеваться, пойдём обедать.

– Дан знает?

– Знает. – Прохор хотел простодушно признаться, что именно Саблин уговорил его прилететь в Трольстиген, но Устя могла обидеться, а ему уже и самому начало казаться, что идея посетить чемпионат мира по бейсджампингу принадлежит ему. – К нему тоже приходил «брат».

– Какой брат? Ах да, ещё один Данияр?

– В одиннадцатом числомире того Саблина зовут Данимиром.

– Как интересно! – хлопнула в ладоши Устинья. – Ты мне должен рассказать все подробности!

– У нас впереди целая ночь.

Они уже заказывали обед в ресторанчике отеля, когда в зале появился Саблин, подсел к ним.

– Пожалуй, я тоже поем. – Он жестом подозвал официанта.

– Где был? – поинтересовался Прохор.

– Изучал окрестности, – серьёзно ответил Данияр. – Тут много красивых видов. Но завтра после окончания чемпионата предлагаю переехать в другой отель, поближе к побережью.

– Меня не отпустят, – начала Устинья.

Саблин посмотрел на Прохора.

– Она...

– Всё знает, – закончил Прохор.

– Я всё улажу, к нам послезавтра прилетит Лера, и мы несколько дней проведём вместе.

– Это здорово. Ты кого-нибудь... заметил?

– Нет, всё тихо, и это замечательно. Конечно, сюда бы прилететь в середине июля, когда температура поднимется до двадцати пяти, но в принципе и так можно отдохнуть. Не возражаете?

– Мне надо предупредить Глеба, – виновато покосилась на Прохора Устя.

– Никаких проблем, мы тебя не крадём. Но у меня просьба: будь повнимательней к окружающим. Я уверен, что Охотники в Суздале нас потеряли, однако кто знает, какие у них возможности. Они и к тебе могут заявиться.

– Не понимаю смысла охоты.

– Я сам не очень понимаю, – признался Прохор. – Мой «родич» полгода мотался по числомирам, никого не встречая, и ничего не было, а потом за ним увязались Охотники. У него есть идея насчёт причины, но она не слишком убедительна, на мой взгляд.

– Какая?

Прохор отложил вилку, избегая взгляда Усти. Говорить ей правду не хотелось, но врать не хотелось ещё больше.

– Он искал тебя...

– Меня?! – удивилась девушка.

– В его числомире девушка Юстина, очень похожая на тебя, его... в общем... не любит, и он начал искать мир, где она его... в общем...

– Что ты мямлишь? Он искал... как ты говорил?

– Превалитет.

– Он искал превалитет, где эта Юстина его любит, так?

– В принципе...

– Да или нет?

– Да. Все люди как бы образуют родовые или трансперсональные линии, пронизывающие все слои «матрёшки», под которой подразумевается Вселенная, есть и твоя линия тоже. Эти линии соединяют множество «родичей», но они уходят не в прошлое или в будущее, а в глубь числоформной Вселенной. Твоя родовая линия, так уж случилось, везде пересекается с моей, отличия от цифры к цифре, от числа к числу накапливаются, кое-где мы вообще не знакомы, но в первомирах мы с тобой...

– Вместе? – лукаво спросила Устя.

– Почти, – кивнул он. – Я не знаю, если честно. А он живёт в одиннадцатом Ф-превалитете, где Юстина его... не любит. Такой вот сюрприз.

– Трудно поверить, что Охотники стали гоняться за ним по этой причине, – скептически хмыкнула Устя.

– Мне тоже так кажется. Он хочет найти причину и предложил мне помочь.

– Как ты ему поможешь?

– Надо подумать. – Прохор смущённо улыбнулся. – Говорят, я неплохой математик и логик.

Устя и Саблин переглянулись.

Подошёл официант, принес заказ Данияра, который выбрал суп из морепродуктов, и все трое принялись за еду.

До шести вечера прогуливались по Домбасу, любуясь новенькими кемпингами и цветниками возле них.

Потом Устинья убежала к своим на «разбор полётов», и Прохор почувствовал усталость.

– Полежу полчаса, если ты не возражаешь.

– Почему бы благородному дону не полежать, – согласился Саблин. – А я потолкаюсь в холле отеля, послушаю, о чём говорят туристы.

Он умылся и ушёл.

Прохор растянулся на кровати поверх одеяла, лениво стащил джинсы. Впереди было несколько дней непритязательного отдыха, навязанного ему обстоятельствами, прогулки по норвежским ландшафтам, купание в фьордах, встречи с Устей и ожидание перемен.

Может, объявится одиннадцатый и расскажет, где был?

Прохор прислушался к себе, смежил веки, опускаясь в состояние полусна... и явственно услышал звук лопнувшей гитарной струны. Открыл глаза, отказываясь верить слуху, собираясь нырнуть в сон поглубже, и понял, что он не один.

– Кто... здесь?

«Учуял, братишка, – раздался в голове знакомый голос. – Совершенствуешься. Привет тебе из моего превалитета».

«Одиннадцатый!»

«Он самый, решил кое-что рассказать. Ты где?»

«В Норвегии, в Домбасе, Устя соревнуется здесь, прыгает со Стены Троллей, и я решил её навестить».

«Никогда не был в Норвегии. Ты один?»

«С Даном».

«Это правильно, тебе нужна охрана».

«Дан не охранник, он мой друг».

«Знаю, и мой тоже, и здорово мне помогает. Нам повезло, надо признаться, что они с нами. Не представляю, что бы я делал без своего. В него пытались вселить Охотника, но Дан его нейтрализовал, представ- ляешь?»

«Ни черта себе! Как они это делают?»

«Чего не знаю, того не знаю. Существуют, наверно, какие-то технологии вселения. Радует, что этому можно сопротивляться. Если Дан сумел выкинуть «квартиранта», значит, и любой сможет, надо просто узнать – как. Я собрался пошастать по «матрёшке», поискать нужный материал. Кто-то же в Безднах должен знать, как это делается».

«Возьми меня с собой!» – вдруг вырвалось у Прохора.

«Гость» помолчал несколько секунд, озадаченный предложением.

«Вряд ли получится. Я не смогу удержать твоё сознание под контролем».

«Попытайся!»

Пауза.

«Вообще-то даже интересно... хотя и опасно. А если ты не сможешь вернуться в тело?»

«Вместе вернёмся, ты поможешь».

«Учти, ты для всех потеряешь сознание».

«Предупрежу Дана. Не уходи, я быстро».

«Мне торопиться некуда».

Прохор схватил телефон, набрал номер:

– Дан, ты далеко? Зайди.

Саблин буквально ворвался в номер, ожидая увидеть чуть ли не киллеров с пистолетами, бегло оглядел комнату, расслабился.

– Ты меня напугал! Что случилось?

– У меня «гость».

– Какой го... а-а, – сообразил Саблин, глянул с любопытством, кивнул на потолок. – Оттуда?

- Он передаёт тебе привет.
- Взаимно.
- Мы с ним хотим побродить по числомирам, подежуришь в номере полчаса?
- Как это вы хотите побродить? Он там, ты здесь.
- Он сейчас тоже здесь. Попробуем подцепиться друг к другу, вдруг получится? Я при этом буду в отключке, поэтому и хочу, чтобы ты посидел рядом.
- Чёрт! Как-то всё это неожиданно... без подготовки...
- Какая тебе нужна подготовка? Не на спецзадание выходим, не воюем в натуре, никуда не летим и не едем, а мне этот опыт будет полезен!
- А если Устя зайдёт?
- Объяснишь ей, что происходит.
- «Может, в другой раз?» – спросил Прохор-11.
- «Нет, сейчас! – с неожиданной для себя решимостью упёрся Прохор. – Иначе я так и буду ведомым».
- «Какие мы амбициозные! – хмыкнул «гость». – Ведущим тебе ещё рано становиться».
- «Когда-то же надо? Поехали!»
- Прохор повозился на кровати, устраиваясь поудобней, помахал рукой Саблину:
- Я ушел.
- Возвращайся быстрее, – сказал Саблин, усаживаясь на стул возле кровати. – Ни пуха ни пера!
- Конечно, вернусь! – пообещал Прохор. – Куда я денусь.

Глава 3 Предбездны

Число числу рознь

По лицу Саблина нельзя было судить о его состоянии, но по свету в глазах можно было понять, что он взволнован и заинтригован.

Его опыт путешествий по числомирам рос с каждым погружением в «матрёшку» Вселенной, и Прохор вынужден был признать, что учится ориентироваться Данимир в иных измерениях быстрее, чем он.

На следующее утро, после сеанса формодайвинга, в результате которого Саблин познакомился с двумя «родичами» – из второго Ф-превалитета и из двенадцатого, Прохор предложил ему план погружений, направленный на поиск причин охоты неведомых Владык на формонавтов.

– В нашем превалитете ДД исчез, – сказал он. – Но может быть, он оставил «закладки» в других мирах, где существуют его «родичи».

– Логично, – согласился Саблин, реагируя на слова друга чуть медленнее обычного. Впрочем, его можно было понять: каким бы ни был сильным человек, какой бы ни была устойчивой его психика, блуждание по числомирам требовало огромной выдержки и самообладания, умения сдерживаться и концентрировать внимание, а к этому надо было привыкнуть.

О том, что происходило «вне тела», Саблин рассказал Прохору во всех подробностях ещё ночью, после броска в «матрёшку».

– Самое интересное, что оба Дана приняли меня совершенно спокойно, – сказал он с долей смущения, как бы сомневаясь в своей адекватности. – Во втором превалитете Дан, то бишь Данияр, а не Данимир, не только мастер единоборств, но ещё бизнесмен, владелец спортклуба, а в двенадцатом он вообще командир спецназа. И оба практически не удивились, с ними мне было легко.

– Я знаю не менее полусотни Саблиных, – сообщил Прохор. – Почти все они крутые мужики, хотя встречаются и неожиданные экземпляры.

– Ну-ка, поподробнее, – загорелся Данимир, пропустив мимо ушей слово «экземпляры».

– В двадцать шестом Ф-превалитете Саблин – школьный сторож.

– Ну, это нормально.

– В сто первом его зовут Дмитрий, и он танцор классического балета.

– Серьёзно?

– Я тоже удивился. Правда, и я там не математик, а хореограф. Видимо, есть в наших генах какие-то секретки, выходящие в мир музыки и танца.

– Танец сродни боевым искусствам, он требует владения телом на очень высоких уровнях. Кстати, я в детстве танцевал, ходил с мамой в школу танца. Она у меня в своё время хорошо танцевала, в ансамбле «Хорус», хотела, чтобы и я пошёл по этой линии.

– Я не танцевал, зато пел в школьном хоре. Но дальше дело не пошло. В седьмом классе я увлёкся математикой и забросил всё остальное.

– А рукопашка?

– Отец настоял, чтобы я занимался единоборствами и смог за себя постоять, пришлось тратить время на бокс и самбо.

– Что значит – тратить? Из тебя мужика сделали, а ты недоволен.

– Да, я понимаю, ты прав, конечно, хотя первое время я жутко сопротивлялся и отлынивал от занятий под разными предлогами. Пока меня не отметелили местные хулиганы. Потом я встретил тебя, и, если бы не ты, я бы сейчас был похож на рефлексирующего интеллигента в очках и с усиками.

– Почему с усиками?

Прохор засмеялся.

– В одном из превалитетов мой «родич» именно такой: в очках и с усиками.

– Где это?

– В шестьсот шестьдесят шестом числомире.

– Ух ты, это же число зверя!

– Знаю, захотелось как-то проверить, каков там порядок вещей.

– Зверский?

– Ничуть не бывало, оказалось, ничего демонического в тамошней жизни нет, просто государствами правят террористические кланы, каждый день где-нибудь случаются разборки с десятками жертв, границы закрыты, мир воюет по-маленькому и находится на грани всеобщей войны.

– А Россия?

– Россия в таком же положении: воруют, грабят, дерутся за власть, всему голова – деньги. Хотя и там есть хорошие люди, честные, смелые и умные.

Утром, когда вернулся Саблин из леса, где он совершал утреннюю прогулку, они снова заговорили о числомирах. Затеял разговор Данимир, с удовольствием искупавшийся во дворе Михасёвой усадьбы.

– Расскажи ещё про шестьсот шестьдесят шестое измерение.

Прохор вспомнил любимую девушку «родича»: в шестьсот шестьдесят шестом Ф-превалитете её звали Истанна, и она была прямым начальником местного Прохора Смирницкого, но главное – она его там тоже не любила.

Саблин заметил промелькнувшую по лицу друга тень.

– Что, невесело там?

– Да, жить там я бы не захотел. Хотя есть ещё более невесёлые места, особенно в превалитетах с кучей двоек: в двадцать втором, в двести двадцать втором, в тысяча двести двадцать втором.

– Отрицание Единого?

– Видишь, и ты уже разбираешься в цифрах. Двойки действительно несут сакральный смысл отрицания, и не только единства и цельности, но и всего остального, с кучей негатива. Я дальше двух тысяч цифроформ не спускался, но думаю, что там жить ещё хуже.

– А я кто в шестьсот шестьдесят шестом превалитете?

– Решальщик, – нехотя улыбнулся Прохор.

– Кто? – не понял Саблин, заканчивая вытираться огромным ванным полотенцем.

– Улаживаешь конфликты между криминальными структурами, государством и бизнесом.

– То есть ты хочешь сказать, что я там бандит?

– Очень уважаемый специалист, – возразил Прохор. – К тебе прислушивается даже генеральный прокурор.

– Откуда ты знаешь?

– Покопался в памяти тамошнего Прохора.

– А он кто там?

– Канцелярская крыса, служит в департаменте контроля местной суздальской администрации, считает поступление и расходование денежных средств.

– Чиновник, однако. А Юстина?

– Она там Истанна, непосредственный начальник Прохора, чиновница до мозга костей. Но умопомрачительно красивая женщина, в молодости даже становилась «Мисс Суздаль».

– Круто! И ты с ней...

– Не я, а он, и не с ней, а вообще ни с кем. Да и она бы не подпустила такого. Кому нужен тихий, как мышь, программист-расчётчик? Хотя в мечтах он заходит далеко.

– Помоги ему.

– Боюсь, он умом тронется, коли я откроюсь. Пусть живёт как живётся, не всем можно помочь. Вот второму Прохору я надеюсь сослужить службу. Он очень удивил свою подругу, прилетев к ней на чемпионат мира по бейсджампингу в Норвегию. А она так похожа на Юстину, что у меня скулы сводит и сердце останавливается!

– Никак ты его ревнуешь?

– Не ревную – завидую.

– Когда ты успел выйти в «матрёшку»?

– Ты уснул, и я махнул во второй Ф-превалитет, поговорил со вторым Прохором. Он молодец, не рефлексит, всё понимает, хотя очень рыхлый, редко сам принимает решения.

– Мне ты ничего не сказал.

– Не успел, ты утром куда-то сбежал.

– По лесу гулял, зарядку делал. Я сегодня уеду, но ненадолго, боюсь, нам скоро придётся съезжать отсюда.

– Почему?

– В деревне появились какие-то подозрительные личности, бродят вокруг, что-то высматривают, вынюхивают, изучают. Михась никого из них не знает, он и предупредил.

– Охотники?

– Не уверен, но кто тебе признается? Не подойдешь ведь и не спросишь. Твоему «родичу» из второго превалитета легче, он махнул в Норвегию и в ус не дует, а нам ещё надо поискать, где остановиться, чтобы никто не догадался туда сунуться.

– В Антарктиду, – пошутил Прохор. – Или на Луну, там уже две станции работают.

– Может, придётся и в Антарктиду, – не принял шутки озабоченный Саблин.

– Ага, нас там ждут с распростёртыми объятиями.

– Я образно упомянул Антарктиду. Нужен неожиданный ход.

– Что ж, так и будем бегать по нычкам? Меня с работы выгонят, если я буду всё время отпрашиваться.

– Нужно срочно разработать стратегию поведения, что делать и на кого надеяться.

– Искать ДД.

– Поиск твоего ДД – это полдела, потом надо будет решать проблему с Охотниками. Отстреливать их нельзя, потому что они внедряются в нормальных людей, значит, придётся искать способ их нейтрализации.

Прохор задумался.

Данимир был прав, задача казалась почти неразрешимой, но решать её надо было поэтапно и в то же время быстро, круг охоты сужался, и Охотники скоро должны были объявиться в Клирово, если уже не объявились.

– Вставай, умывайся, я поговорю с Михасём. – Саблин накинул рубашку, вышел.

Мысли Прохора повернули в другую сторону. Он позавидовал Прохору-второму, сумевшему найти способ оторваться от предполагаемых соглядатаев. Захотелось увидеть Юстину, предложить ей вояж по заграницам, махнуть в Грецию или в Черногорию, где недавно побывал приятель Прохора Вадик Панкеев, сотрудник той же лаборатории. Вадик утверждал, что отдых в городке Будва на побережье Адриатического моря превзошёл все его ожидания. Жил он с женой и сыном в пятизвёздочном отеле «Литица» и взахлёб рассказывал о том, какие там

хорошие люди, какой обслуживающий персонал, какие пейзажи и вообще всё здорово. Может быть, и в самом деле плюнуть на всё, уговорить Юстину и улететь в Черногорию?

Вернулся Саблин.

– Ты ещё лежишь? Хватит лентяйничать, Михась зовёт нас на рыбалку.

– На рыбалку надо рано утром выезжать, – неохотно расстался с мечтой Прохор.

– Он утверждает, что знает озеро недалеко, в пяти километрах, где клёв не зависит от времени суток, сам рыбу прикармливал.

Прохор преодолел нежелание куда-то ехать, что-то делать и двигаться вообще, прыгнул к Саблину прямо с кровати, нанося ему три удара из разных положений: левой рукой, правой и коленом. Но Дан заблокировал удары, и они несколько секунд кружили по комнате, избегая столкновений с мебелью, «качали суплес», намечая удары и тут же организуя веерную защиту.

Прохор сдался первым, подставил ладонь, Саблин шлёпнул по ней своей ладонью, и оба спустились на первый этаж дома, где играла тихая музыка.

– Умывайся, – сказал Саблин, выходя на веранду.

Прохор скрылся в туалете, постоял под душем и тоже вышел на веранду в хорошем расположении духа, несмотря на высказанные Даном предположения о подозрительных личностях.

Саблин сидел за столом один.

– Михась скоро будет, завтракаем без него. Потом поедem на озеро, если ты не против.

– Рыбак я никакой, – признался Прохор, – но посижу у воды с удовольствием.

Саблин подвинул к себе тарелку с творожной запеканкой.

– Накладывай что душе угодно, ешь, все уже позавтракали и разбежались. Ты говорил, что навестил своего «родича».

– Мне не очень нравится его пофигизм, – оживился Прохор, накладывая себе салату. – Но я вижу, парень потихоньку оживает, меняется. Даже Устя это заметила, его подруга. Если будет двигаться в том же направлении, из него выйдет толк.

– О чём вы говорили?

– Я с ним поэкспериментировал.

– В каком смысле?

– Взял с собой в поход по числомирам.

Саблин недоверчиво отставил вилку.

– Каким образом?

– Он предложил подсоединиться, я согласился и подцепил его «эго». Объяснить не смогу, это произошло на уровне глубокой психики, на рефлексе, на воле, но главное – нам удалось объединиться, причём с первой же попытки, что удивительно.

– Ничего удивительного, вы родственные души.

– Скорее мы хорошо понимаем друг друга. Соображает он быстро, хотя в физическом плане предпочитает диван вместо турника.

– И где вы были?

– Мы путешествовали недолго, посетили всего три превалитета: двенадцатый – для разминки, потом семьдесят пятый Капрекар, узел двузначного самопорождённого числа, и мир трёхзначного репьюнита.

– Что такое репьюнит?

– Число, состоящее из одних единиц. Мы с тобой живём в двузначном репьюнит-мире – в одиннадцатом, следующий репьюнит – сто одиннадцатый, за ним тысяча сто одиннадцатый и так далее.

– Простенькие числа.

– Не скажи, у них тоже куча всяких сакральных свойств.

– Почему ты выбрал сто одиннадцатый репьюнит?

– Совершенно случайно, подумал, что я там не был.

– Насколько я помню по твоим рассказам, ты всего-то посетил полсотни миров. Мог бы и другое число выбрать.

– Так получилось. Прохор-12 нас почуял, всё-таки я был с «грузом» личности второго Прохора, но отнёсся к нашему выходу абсолютно индифферентно, самообладание у него просто железобетонное! Я извинился, и мы пошли дальше, в семьдесят пятый Капрекар.

– А туда почему?

– Опять же без всякого замысла, случайно.

– Кем там служит твой «родич»?

– Не поверишь – он работяга на заводе энергосберегающих электроламп.

– Почему не поверю, не обязательно быть математиком, чтобы изучать философию, эзотерику и боевые искусства. Главное – иметь к этому стремление плюс хорошие мозги. А у твоих «родственников» мозги неплохие.

– Спасибо.

– Это не похвала, тебе повезло с родственной линией. Чем вас порадовал семьдесят пятый Капрекар?

– В общем, ничем особенным. Формообразующими модами там являются гептаэдр и пентаэдр, поэтому в архитектуре царит грубоватая эклектика, эдакое нагромождение геометрических форм: внизу уже, вверху шире. Да и в природе больше выпуклого и многоугольного.

– А что интересного в сто одиннадцатом репьюните?

– Вот там есть на что посмотреть. Изумительной красоты готика! В архитектуре всё вытянуто вверх, люди стройные и худые, транспорт весь летающий, в природе – ажурность и колоссальное разнообразие цветущих растений. Я хотел там задержаться, однако напарник заторопился обратно, пришла его девушка.

– Посмотреть бы.

– Почему нет? Саблин есть и там.

– Кто он?

– Извини, не знаю, не поинтересовался, – виновато развёл руками Прохор.

– А ты там кто?

– Писатель, очень известный, издал более сотни романов. Что интересно: несмотря на распространение компьютерных читалок, книги там издаются и продаются очень даже неплохо, в отличие от нашей реальности, так что мой Прохор не бедствует.

– Неужели тексты не воруют?

– Там предусмотрены такие жёсткие меры наказания за воровство, что никто не рискует. Сажают на три, а то и на пять лет!

– Жесть! – восхитился Саблин. – Как им удалось провести в жизнь такие законы?

– Спроси чего-нибудь полегче, моё знакомство с превалитетом-111 было беглым, я провёл там всего пять минут.

– Научил бы и меня присоединять к себе личности других Саблиных. Вдруг пригодится?

– Я же говорю, у меня получилось само собой, без особого напряжения. Может, и у тебя получится, просто нужна практика хождений по «родичам».

– Ты обещал мне сделать эргион.

– Начал уже, – вспомнил Прохор. – Но это дело непростое, долгое, требует внимания. Думаю, закончу твой эргион через неделю.

В саду послышались голоса, шаги, и на веранде появился Михаил в неизменной соломенной шляпе, жёлтой футболке и холщовых штанах. В руке он держал удочки и деревянный ящичек.

– Вот, приготовил опарыша. Привет, Прохор. Поели? Я готов, можем отправляться.

Саблин отставил кружку с чаем, встал.

– Пойду собираться. Ты так поедешь?

Прохор перевёл взгляд на свои шорты.

– Нет, я тоже переоденусь.

– Жду у машины. – Михаил потопал обратно в сад.

Вскоре все собрались возле «вездехода», как Михась называл свой «Форд»-пикап, и компания отправилась на рыбалку.

– Не высовывайся, – посоветовал Саблин, когда пикап пылил по улочке и выезжал за околицу деревни.

Действительно, у крайнего дома слева стоял пятнистый джип «Нива-Хаммер», и возле него курила компания парней в камуфляже, уставившаяся на проезжавший мимо «Форд». Кто они такие и к какому ведомству принадлежат, понять было трудно, так как никаких знаков отличия на их костюмах и безрукавках не было, но смотрели все четверо конкретно, прицельно, и это Прохору не понравилось.

– Охотники... – беззвучно шевельнул он губами.

– Что? – посмотрел на него Саблин.

Он очнулся.

– Мужики неприятные...

– Миш, знаешь этих мордovorотов?

– Это свои, – спокойно ответил Михась. – Куклачёв собрал бывших сослуживцев-десантников, к нам повадились кавказцы из соседней Лебедяни, задираются, к девчонкам пристают, ну, Сёма и решил устроить убедительный сбор, показать, кто здесь хозяин.

– А полиция что ж?

– Полиция только узбеков да таджиков обирать может, на это у неё и сноровки, и умения хватает.

– Инциденты были?

– Двух наших поломали, наши пятерых кавказцев в больницу отправили, так что ничья пока. А что будет дальше, одному богу известно.

До озера доехали за четверть часа.

«Форд» свернул с просёлочной дороги прямо в стену акации, как показалось Прохору, попетлял между деревьями и выехал к водоёму, напоминавшему круглое голубое зеркало в обрамлении густого кустарника. Но спуск к нему был пологий, и выход чистый, песчаный.

– Сюда мало кто ездит, – сказал Михась, открывая багажник. – Ни пройти, ни проехать. Я случайно подъезд разузнал, точнее, дед Петрян показал, сосед. Слева в озерко ручеёк впадает, справа вытекает, потому оно чистое, без ила и водорослей, практически не цветёт. А дальше за ним топи начинаются, болото до самой Мешёры, так что все боятся в том направлении ходить, даже местные грибники.

Прохор получил свою удочку, выбрал местечко посуше и уселся на берегу на стульчике, специально захваченном хозяйственным Михаилом для таких случаев.

Остальные расположились в рядок по берегу.

Было тихо, тепло и дремотно. Лес жил своей жизнью, перекликались птицы, куковала кукушка, где-то рассыпал стаккато дятел, смолк, в озере плескалась рыба.

Прохор честно уставился на поплавок, и ему вдруг захотелось спать.

Душа истосковалась по тишине, раскрылась и замерла, становясь частью природы, частью тишины, умиротворения и покоя. Отошли в далёкие дали все заботы и тревоги. На душу снизошла благодать, и хотелось благодать эту держать в себе долго-долго...

Саблин, успевший вытащить леща размером с ладонь, заметил состояние друга.

– Поди в машину, приляг, если хочешь.

– Я лучше здесь прилягу, – смущённо пробормотал Прохор, укладываясь на травяном бугорочке. – Разморило.

Михась посмотрел на него насмешливо, но обсуждать не стал, хотя во взгляде бородача сквозило: эх вы, городские, ничего-то вы в деревенской жизни не смыслите.

Сон сморил ненадолго.

Плеснула рыба, повеял ветерок, слышались голоса.

Прохор открыл глаза, глянул на разгуливающих босиком по воде у берега рыбаков, хотел снова задремать, но вспомнил о своём положении и лёг навзничь, рассматривая плывущие по небу облака.

Пришла идея нырнуть в «матрёшку» и поискать сведения о ДД, пока никто не отвлекает. Да и случай представился удобный: рыбаки считали его спящим, и разубеждать их не стоило.

В мирах первоцифр от двух до девяти он уже пытался найти следы пребывания Дмитрия Дмитриевича, но безуспешно. Прохоры Смирновы (равно как и Шатаевы, и Смирницкие) не были знакомы и нигде не пересекались с известным математиком, академиком РАЕН Бурлюком. Из этого следовало, что искать его надо было глубже, в мирах, сформированных числами от двенадцати и ниже. Однако просто идти из мира в мир, из одного Прохора в другого, не хотелось. Дмитрий Дмитриевич был формонавтом со стажем и вряд ли перемещался по слоям «матрёшки» как по дороге – от одного населённого пункта к другому. Он наверняка имел реперные точки, то есть базы, где можно было отдохнуть от путешествия и не бояться, что скоро нагрянут Охотники.

«Итак, надо искать убежища, схроны. Где они могут располагаться? ДД не просто формонавт, он начинал как математик, пока не занялся нумерологией и формологией. А это означает, что искать его стоит в экзотических числомирах, образованных необычными числами. Знаем мы такие числа? Да сколько угодно!»

Постоянные Капрекара, или как их чаще называют – самопорождённые числа – раз. Их не так много, если не брать совсем уж глубокие числа, шести-семизначные и дальше. До сотни их всего с два десятка, трёхзначных – вообще одно, это 495, где Прохор работает сторожем зиндана. М-да...

Четырёхзначное тоже одно – 6174, и он там уже был. Дальше идут шестизначные – 549945 и 631764, но туда спускаться опасно, можно застрять или раствориться, как кусок сахара в воде. Кстати, не это ли произошло с ДД?»

Прохор сел, глядя на озеро затуманенным взором, снова лёг.

«Нет, ДД опытный формонавт, он не мог допустить такого финала. Он исчез, это правда, но данный факт вовсе не означает, что он погиб.»

Итак, узлы Капрекара хороши, но не настолько, чтобы ДД использовал их в качестве неких убежищ. Безопасности они не гарантируют. Пошли дальше.

Числа Смита¹¹. Сколько мы их знаем? Да до фи́га! Совсем маленькие – это четвёрка, двадцать два, двадцать семь и так далее, трёхзначные – семьсот двадцать восемь и семьсот двадцать девять, так называемые «Братья Смита». Четырёхзначные – 2964 и 2965, тоже «Братья». Глубоко, чёрт возьми, но проверить надо бы. Хотя, с другой стороны, в эзотерическом символическом смысле они не несут скрытой информации».

Прохор сунул в рот травинку.

«Хотя я, может быть, ошибаюсь. Число 777 – тоже является числом Смита, но в нём гора сакрального смысла. Вот его точно надо будет проверить. Если только там в засаде не сидят Охотники.»

Что ещё? Числа Армстронга¹². Среди трёхзначных таких чисел всего четыре: 153, 370, 371 и 407. Пятизначных больше, почти десяток. Шестизначное одно, насколько помнится: 548834. Семизначных тоже немного, не то три, не то четыре. Чёрт, уже не помню порядок

¹¹ Числа Смита – числа, образованные простыми множителями; пример: $4937775 = 3 \times 5 \times 7 \times 65837$.

¹² Числом Армстронга называется число, если оно равно сумме n-ных степеней своих цифр.

цифр! Однако в них нет ничего демонического или необычного, ни повторов, ни правильных сочетаний, ни каких-либо загадок. Фрактальная пыль, как говорится, если не учитывать свойства сомножителей. К примеру, число триста семьдесят один равно: три умножить на пять и на тридцать семь. Либо три возвести в куб и прибавить семь, тоже возведенное в куб. Ноль не считается, его как ни возводи в степень, формально он останется нулём. Каждый сомножитель числа несёт свою базу и свою форму. Может быть, при перемножении или возведении в степень сути чисел и цифр складываются, порождая новое явление?»

Проход заметил в небе точку, последил за ней: это был коршун, круживший над лесом. Хищник. Но ведь не придерёшься? Таким он был создан?

«Хрен его знает, как анализировать спектр чисел Армстронга, – пришла недовольная мысль. – Компьютер нужен. Если учитывать свойства каждого простого сомножителя, может получиться интересное произведение, а может и пустышка. Взять бы ноут и проверить. Так ведь не взял, дурак, на рыбалку поехал.

Ладно, числа Армстронга проехали. Что математика знает из более экзотических чисел?

Циклические числа. Например, 142857. Если его умножать на цифры от единицы до шести, будут получаться произведения, записываемые теми же цифрами, но переставленными в циклическом порядке. Умножим число на 1 – оно не изменится, а если на 2 – получится произведение, равное 285714. Словно взяли и просто перенесли первые две цифры в конец произведения. И так далее. Интересно? Весьма. Смысл в этом есть?

А бог его знает! Чтобы узнать, что несёт в себе сочетание этих цифр, надо спуститься в превалитет-142857 и посмотреть, как там живут люди. И вообще живут ли там люди! Вдруг разумом там обладают слоны или крокодилы?»

Проход выплюнул травинку. Захотелось есть. Интересно, обед здесь предусмотрен или нет? Михась – человек хозяйственный, не допустит, чтобы гость остался голодным.

«Итак, заканчиваем. Числа-экзоты, числа, несущие тайное знание и законы числоформной Вселенной.

Мириада – или десять тысяч. Единица и четыре нуля, раскрывающие суть единицы – Монады как самопроявления Абсолюта, Единого, Возникновения Всего Сущего, и четырежды не-числа, то есть четырежды Непроявленное. Какой смысл кроется в этом стройном числе? Ведь должен быть заложен? Как и в числе 101010 – сто одна тысяча десять, три десятки рядом. Никто такие числа не изучал, не писал о них, не рассматривал с точки зрения трансцендентного знания, а ведь в них наверняка кроется тайна! Вот сейчас бы заглянуть в Инет, так ноута нет! Прямо стихи получаются, блин!

Ладно, заканчиваем мысленные эксперименты.

Что я помню ещё?

Число Рамануджана – Харди, так называемый хардиш. Равно 1729. Делится на сумму цифр $1+7+2+9$, чем и знаменито. Посмотреть надо будет обязательно!

Гугол – единица с сотней нулей, или десять в сотой степени. Красивое число, но мир там скорее всего – мыльный пузырь, сплошная трансформация иллюзий. Хотя есть ещё более длинные числа, несущие определённый порядок. Например, второе число Скьюза – десять в десятой степени, ещё в десятой, снова в десятой и ещё в третьей! Хреново количество нулей! Или асанкхейя – десять в сто сороковой степени. Очень стройное большое число. Одна закавыка: существуют ли в тех числомирах хоть какие-то реалии?»

Ответа Проход не получил не потому, что не знал его, а потому, что уснул. Впрочем, и не знал тоже.

А проснулся от голоса Саблина:

– Ну и горазд же ты дрыхнуть, математик!

Открыл глаза, не сразу вспоминая, где находится.

Вечерело, солнце клонилось к закату, по озеру протянулись длинные тени стоящих на противоположном берегу деревьев. Похолодало.

У кромки воды горел костерок, пахло ухой.

– Я не спал. – Прохор зябко поднялся, начал разминать руки.

– А что же ты делал? – Саблин закончил сматывать удочки, повернул голову. – Неужели?..

Прохор понял, что Данимир подумал о походе в «матрёшку».

– Нет, никуда я не ходил, составлял план.

– Во сне, это нам знакомо. План чего?

– Я решал, с чего начать поиски ДД.

Саблин отнёс удочки к машине, вернулся.

– С Академии наук?

– Не скажу.

– Вот те на, чем это я тебя обидел? Надеюсь, начнёшь не с Бездн?

– Именно в Безднах и надо искать. У него где-то есть своё убежище, квазистационарная структура, где он останавливается, и я попытаюсь её вычислить.

– Меня с собой возьмёшь?

– Я бы с удовольствием, если честно, – признался Прохор, – вдвоём идти легче, только это путешествие не физического плана, бок о бок не пойдёшь. Сначала я попробую поискать ДД мысленно, потом физически, а когда дойдёт дело до физики, твоя помощь будет неоценима.

– Эй, горожане, идите ушицы отведайте, – позвал от костра Михась.

Прохор уловил голодное урчание живота, с готовностью направился к костру.

Слежка

Саблин оставил Прохора в деревне с тяжёлым сердцем. Интуиция подсказывала, что спокойный период жизни вдали от городской суеты заканчивается и вот-вот начнутся события, выводящие Прохора и Охотников на новый уровень противостояния. Надо было искать новое убежище, где математик мог заниматься походами по числомирам долгое время, не заботясь об охране и скрытности своего положения.

Мысли у Саблина по этому поводу были, но для их реализации нужен был совет опытного человека, а кому довериться, кроме Юстины, он не знал.

Пока ехал в Суздаль, думал, куда можно будет податься на первое время.

Сначала – на Сахалин, где у Саблина были друзья, с которыми он когда-то в молодости служил в армии.

Вторым пунктом остановки мог стать родной посёлок мамы в Казахстане – Аулманик, куда вряд ли догадаются заглянуть Охотники.

И, наконец, вполне безопасным местом отсидки могла стать одна из зарубежных стран, та же Черногория, к примеру, или Норвегия, где остановились Прохор и Саблин-вторые, удачно использовав для этого чемпионат мира по бейсджампингу. Либо вообще улететь подальше от Европы, в Южную Америку или в Австралию, куда и Охотникам будет добираться непросто.

Единственным мешающим обстоятельством для такого рода заграничных вояжей было отсутствие финансов. Ни у него, ни у Прохора на счетах в банках не лежали крупные суммы денег, и надо было ещё найти спонсора, который согласился бы помочь в этом деле.

В турцентре к его просьбе дать месячный отпуск отнеслись с пониманием.

– Собрался на моря, Данимир Тимофеевич? – любопытствовал директор центра Патрушев, черноглазый, улыбчивый и резкий. – Что-то ты разъездился, то в Мирный, то к океану...

– Нет, я к отцу поеду, в Смоленскую губернию, – ответил Саблин. – Помочь там надо с садом-огородом.

– Подождать недельку не можешь? Занятия заканчиваются пятнадцатого...
– Сергей, мне сейчас надо. А занятия Спиринов проведёт. Я с ним уже договорился.
– Ну, надо так надо. – Патрушев передвинул бумаги на столе. – Оформляй отпуск. – Он поднял голову и внимательно посмотрел на Данимира. – Мне из полиции звонили, интересовались тобой.

Саблин, направившийся к двери кабинета, повернул обратно.

– Из полиции? Странно. Не могли сразу ко мне обратиться? Что их заинтересовало?

– Как ты справляешься с работой, не было ли нареканий со стороны руководства, не слышали ли от тебя экстремистских заявлений.

Саблин невольно улыбнулся.

– В экстремизме меня ещё не упрекали.

– Да, и ещё спрашивали о твоих учениках, не жалуются ли, кто ходит регулярно, а кто нет. Я ответил, что как у директора у меня к тебе претензий нет, а об остальном лучше побеседовать с тобой лично.

– Абсолютно согласен. А кто спрашивал, не представился?

– Почему не представился, спрашивала женщина, лейтенант отдела... как же его... а, вот, записал. – Патрушев поднял листок бумаги. – Департамент связи с общественностью, лейтенант Яшутина. И телефончик вот.

Саблин глянул на листок, запомнил номер.

– Спасибо, я ей непременно перезвоню.

– И ещё, Дан, если помощь какая понадобится, ты...

– Спасибо, Сергей, ты и так столько для меня сделал.

В коридоре турцентра Саблин набрал номер Юстиной, не включая обратку:

– Привет, майор, дело есть.

– Я занята, – ответила подруга Прохора. – Через пару часов перезвоню.

– Вскрылись новые обстоятельства. Ты лейтенантшу по фамилии Яшутина из департамента связи с общественностью не знаешь?

– Нет.

– Она почему-то интересовалась мной.

Юстина помолчала.

– Причина?

– Не догадываешься?

– Поняла, освобожусь – позвоню.

Саблин зашёл в спортзал, пообщался с Сашей Вавиным, собиравшим свою группу: Саша преподавал туристам навыки медицинской помощи, – и не успел выйти из здания центра на улицу, как позвонила Юстина:

– Подъезжай ко мне домой через полчаса.

– Юсь, мы уже говорили на эту тему, лучше встречаться вне всяких стен, на природе. Давай встретимся у центрального входа в кремль.

– Тебе не кажется, что ты перебарщиваешь?

– Я только что вернулся из... – он поискал слово, – из места заключения Прохора и знаю, о чём говорю.

– С вашими недомолвками надо кончать. Жди, подъеду.

Саблин вернулся к машине, обратив внимание на косой взгляд стоявшего у входа в здание турцентра парня в каскетке. Парень тут же заспешил прочь, но фантазия Саблина уже заработала, подключив нужные структуры боевого режима, и он без труда вычислил второго наблюдателя, делавшего вид, что разговаривает с кем-то по мобильному телефону. Как только машина Саблина двинулась с места, оба парня нырнули в подъехавшую тёмно-серую «Ладу Фортуну», и та пристроилась в хвост данимировского суперкара.

«Ну-ну, – усмехнулся Саблин, настраиваясь на спортивный экстрим, – попробуйте угнаться».

«Вейр» молнией метнулся по проспекту Ленина, обходя ряд машин, несколько раз перестроился из ряда в ряд, находя для манёвра узкие щёлочки между машинами, свернул направо и лихо вонзился между двумя потоками машин на пересечении улиц Крупской и Слободской. К кремлю Саблин подъехал уже спокойно, не видя в зеркальце заднего вида машины преследователей.

Повернул на Зарядье, остановился на Кремлёвской улице, за книжным магазином. Подождал, посматривая на проезжавшие мимо авто, «Ладу Фортуну» не увидел и вылез на тротуар. Если парни у турцентра и следили за ним, догнать «Вейр» с его шестьюстами лошадьми они не смогли, для этого надо было быть гонщиками либо профессионалами слезки экстра-класса.

Саблин неторопливо двинулся к кремлю, высившемуся в конце улицы белой, геометрически красивой громадой.

Валы и рвы, окружавшие Суздальский кремль со времён постройки, сохранились до сих пор, украшенные стелами с табличками, указывающими, что здесь располагались насыпи, укреплённые дубовым частоколом, возведённые вокруг города по приказу Юрия Долгорукого.

За стенами кремля можно было рассмотреть высокую соборную колокольню, зелёные крыши Архиерейских палат, сам Рождественский собор, маковки Успенской и Христорождественской церквей.

Саблин терпимо относился к религии, не считая себя ни ревностным поклонником Православия, ни верующим, ни атеистом, однако древнерусскую архитектуру любил и не раз бывал на территории кремля, по строгому облику которого можно было изучать древнерусское зодчество от начала XII до конца XVIII века.

Ступив на утоптанную песчаную дорожку, ведущую к Архиерейским палатам, он набрал номер Юстины:

– Я на месте.

– Вижу, – отозвалась она.

Он оглянулся.

Юстина в обычной летней одежде: юбка, блузка, туфли на высоком каблучке, – выходила из машины в тупике улицы, где располагалась стоянка для гостей кремля.

Девушка была очень мила и женственна, и Саблин снова подумал о несоответствии внутреннего и внешнего в облике и характере Юстины, выглядевшей как жрица любви (по образному выражению Михася), но не допускавшей ни малейших шуток в эту сторону. Иногда самому Данимиру, знавшему Юстину с детства, казалось, что она родилась майором полиции, командиром группы спецназа, которая подчинялась ей беспрекословно.

Приехала она снова не на ведомственной машине, а на светло-бежевом «Ниссане Жуке». Саблин разглядел в кабине и водителя – девушку с короткими волосами.

Юстина догнала его, когда он входил в ворота Архиерейских палат.

– Что у тебя за нелюбовь к встречам в кабинете?

– Во-первых, можем посидеть в ресторане, здесь очень хорошая кухня. Во-вторых, любой кабинет можно оборудовать прослушивающей аппаратурой. В-третьих, в случае чего легко можно будет выяснить, следят за нами или нет.

– Не понимаю смысла слезки.

– Значит, ты пропустила мои слова мимо ушей?

– Если ты о Прохоре, то я действительно мало чего поняла. Ещё раз начни с начала, с самой сути происходящего.

Саблин оглянулся, реагируя на взгляд в спину: но это была пара пожилых женщин, движущихся в тени зданий. Туристов в это время дня на территории кремля было мало.

Он собрался с мыслями.

Юстина нетерпеливо глянула на часы, направилась вдоль северного корпуса Крестовой палаты.

Первые кирпичные строения Суздальского духовного владыки появились в середине XV века вблизи Рождественского собора. В 1635 году напротив собора вырос монументальный восьмигранный столп колокольни с высоким шатром и часами-курантами, а в среднем ярусе столпа разместилась домовая церковь. Затем начались более серьёзные перестройки, радикально изменившие облик архиерейского двора, а в начале XXI века в нижней трапезной комплекса появился ресторан, который называли просто – «Трапезная».

Мимо прошли два монаха, ответив поклонами на поклоны Саблина и Юстины.

– Все цифры и числа от единицы до бесконечности, – начал он, – образуют непрерывный континуум или спектр с квантом перехода, равным единице.

– Без математики нельзя обойтись? – поинтересовалась рассеянно Юстина.

– Боюсь, никак, – развёл он руками. – С неё всё началось. Запомни главное: Вселенная является не просто гигантской протяжённостью пространства, заполненного вакуумом, газом, электромагнитными полями, звёздами и галактиками, она представляет собой «матрёшку», образованную цифрами и геометрическими фигурами, каждый слой которой имеет базовые законы определённого числа.

– Извини, Дан, для меня это всё равно слишком сложно. Я никак не могу вникнуть, в какое дерьмо вляпался Прохор.

– И это я тебе уже объяснял. Он не виноват, что таких, как он, формонавтов – путешественников по числомирам преследуют неведомые Охотники. Он даже не знает, как они выглядят. Но они объективно существуют и уже вылезли в Суздале, начали искать Прохора, выпрашивать, следить за его друзьями и знакомыми. Не знаю, следят ли они за тобой, но за мной точно.

Юстина замедлила шаги.

– Ты уверен?

– Вопрос излишен. Ты меня знаешь.

– Мне надо встретиться с Прохором. Он сможет приехать в Суздаль?

– Лучше не рисковать. Я вообще советую ему улететь за тридевять земель, за границу, и чем дальше, тем лучше. Нужны деньги. У меня есть кое-какие сбережения, но их не хватит.

– Финансы мы отыщем. Мне надо убедиться в реальности ваших опасений.

– Юсь, мы с тобой знакомы много лет, я когда-нибудь поднимал панику зря?

– Ты – нет, в Прохоре я не уверена.

– Он математик, но не лох и видит дальше, чем я, заявляю это со всей ответственностью. О его же ответственности говорит уже тот факт, что он тебе ничего не рассказывал, не хотел волновать. Помоги нам исчезнуть на какое-то время.

– Это не решение проблемы. Нужно захватить кого-нибудь из ваших Охотников и допросить.

– Они не физические субъекты, а сущности, вселяющиеся в психику людей. Сегодня ты знаешь этого человека как коллегу по работе, а завтра он будет подчиняться засевшему в мозгу Охотнику. В меня они уже пытались внедрить своего агента, наверняка попытаются и в тебя.

Юстина провела ладонью по виску, как бы прогоняя видение.

– Хотела бы я посмотреть на того, кто попытается это сделать.

– Вряд ли ты его увидишь, они приходят оттуда. – Саблин ткнул пальцем в небо. – Из других превалитетов.

– Откуда?

– Из других измерений. И это уже не математика, а горькая реальность, которая круто меняет нашу жизнь.

Остановились у северного корпуса палат, под углом соединявшегося с более ранними зданиями: трапезной церковью с восьмискатной крышей, «всходним» крытым крыльцом с черепичным шатром и галереей на арках.

– Зайдём? – кивнул на крыльцо Саблин, подразумевая ресторан.

– Некогда, – отказалась Юстина. – Когда нужно решать с Прохором?

– Чем раньше, чем лучше.

– Как это всё не вовремя. Мы сидим на готовности, в Суздале идёт ликвидация ваххабитского подполья, в любой момент могут объявить тревогу.

– Я понимаю.

– Когда ты поедешь к нему?

– Как только решу все сопутствующие проблемы: финансы, путёвка, билеты на самолёт, сопровождение. Отпуск мне уже дали.

– Деньги возьмёте у меня, но мне надо с ним встретиться.

– Поехали со мной.

– Если смогу. – Юстина повернула обратно. – Могу дать своих оперов, прикроют. Но мне нужны доказательства.

– Доказательства будут, – усмехнулся Данимир. – Боюсь, что совсем скоро.

Они вышли с территории кремля, направляясь к стоянке машин, и ещё не ступив на асфальтовую дорожку тротуара, Саблин увидел среди двух десятков авто бежевую «Ладу Фортуну». Замедлил шаг.

– Вот собаки, нашли-таки!

Юстина оглянулась.

– Что?

– Видишь бежевую «Фортуну» за белым фургоном? Эти парни следили за мной.

Ответ Юстины не заставил долго ждать, она всегда действовала реактивно и решительно. Достала мобильный:

– Свистунов, группу к центральному входу в кремль!

Саблин с уважением глянул на затвердевшее лицо девушки, подумав, что в подобных обстоятельствах далеко не каждый мужчина способен действовать так быстро и уверенно.

– Пройдёмся, – сказала она, беря его под руку.

Они медленно, как бы ничего не замечая, двинулись вдоль лужайки напротив зданий кремля. Пока гуляли, – ждать пришлось пятнадцать минут, – Саблин рассказал спутнице о путешествиях Прохора и о своём собственном опыте погружений в Бездны числомиров.

– Ты и в самом деле там был? – недоверчиво переспросила Юстина.

– Клянусь здоровьем дедушки! – серьёзно ответил Саблин. – Ты не представляешь, насколько это увлекательная вещь! Хочешь, мы и тебя научим?

– Только этого мне не хватало, – поморщилась девушка. – Мне есть чем заниматься в этой жизни.

Они повернули назад и увидели выдвинувшийся из-за шеренги машин чёрный кроссовер «Магnum».

Юстина взялась за телефон:

– Свистунов, перекройте подходы к бежевой «Фортуне» с номером У 347 УА. Держите всех на мушке.

Дальнейшие события развернулись в течение нескольких секунд.

«Магnum» притёрся к «Ладе Фортуне», из него выметнулись трое парней в обычной джинсе, мгновенно окружили «Ладу» и направили на её стёкла стволы пистолетов.

Прохожих в это время на стоянке автомашин было мало, поэтому толпы зевак не набралось. Остановились только две женщины и старичок в шляпе.

Юстина в сопровождении Саблина подошла к «Ладе» со стороны водителя, показала ему малиновую книжечку:

– Майор Бояринова, спецподразделение «Беркут». Ваши документы.

– А в чём дело, майор? – развязно заговорил белобрысый водитель с шалыми глазами. –

Мы вроде никому не мешаем.

Саблин заметил на заднем сиденье парня в бандане, который встретился ему у турцентра, кивнул в ответ на взгляд Юстины:

– Они.

– Документы! – в голосе девушки зазвенела сталь.

– Вы не имеете пра... – водитель не закончил.

Юстина посмотрела на своего сотрудника с пистолетом справа от неё, и тот ловко выдернул водителя из машины, как пробку из бутылки, поставил перед командиром, обшарил, вынул из кармана на бедре чёрное портмоне.

Юстина развернула портмоне, достала права.

– Зыскин Валерий Леонтьевич. Что вы здесь делаете?

– Да ничего мы не делаем! – возмутился блондин. – На экскурсию в кремль приехали.

Саблин показал пальцем на пассажира:

– Пусть выйдет.

Помощник Юстины по фамилии Свистунов поманил пассажира.

Тот сдёрнул с головы бандану – обыкновенную чёрную косынку с белым черепом и костями, вылез из машины. Волосы у него были крашенные, сиреневого цвета.

– Помнишь меня? – бесстрастно спросил Саблин.

– Первый раз вижу, – огрызнулся молодой человек. В его взгляде крылась та же шаткая двойственность, что и у водителя «Лады», и Саблин окончательно понял, что внутри парней сидят Охотники.

– Зато я вижу тебя второй раз, – проговорил он тем же бесстрастным тоном. – Кто тебя послал следить за мной?

– Говори! – встряхнул сиреневолосого Свистунов.

– Никто меня не... – Парень вдруг побледнел, широко открывая глаза. Взгляд его изменился, перестал плыть, в глазах протаяло удивление. – Эй, вы чего?!

Его напарник-водитель вздрогнул, точно так же широко открыл глаза, из которых улетучилась самоуверенная развязность.

– Ёлы-палы, вы кто?!

Юстина посмотрела на Саблина.

– Что с ними?

Данимир проглотил ставшую горькой слюну.

– Дьявольщина! Отпустите их.

– В чём дело?

Саблин отступил.

Юстина сжала губы, бросила оценивающий взгляд на задержанных, пребывающих в состоянии полнейшего ошеломления, направилась к машине Данимира.

– Отпустите их.

Свистунов вернул блондину-водителю портмоне с документами, и его команда, не проявляя никаких эмоций, всосалась в кроссовер. «Магnum» сорвался с места, исчез.

Растерянные водитель и пассажир «Лады» остались у своей машины, пытаясь понять, что произошло.

Саблин открыл дверцу «Вейра», сел на водительское сиденье. Юстина села рядом.

– Что случилось?

– Они ушли.

– Кто?

– Охотники. Эти ребята – никто, случайные попутчики, выбранные Охотниками в качестве наблюдателей. Возможно, они живут где-то рядом и знают меня и Прохора. По-моему, блондина я где-то видел, как бы он не был когда-то моим учеником. Охотники внедрились в них, а когда увидели, что раскрыты, удрали.

– Как?

– Вытащили свои «щупальца» из голов ребят. Поэтому они так отреагировали на встречу с нами. До этого момента воля и сознание обоих подчинялись воле внедрённых Охотников. А когда те покинули нашу реальность, парни очнулись и были шокированы, не понимая, где они и что происходит.

– Звучит как полнейший бред! – после паузы оценила речь Данимира Юстина. – Извини, вырвалось. Уверена, что и ты бы не поверил.

– Я реагировал на слова Прохора точно так же. И ты мне это уже говорила.

– Голова забита всамделишными реальными проблемами. Мне трудно сосредоточиться на ваших... историях.

– Увы, они так же реальны, как и твои проблемы.

Оба с минуту наблюдали за действиями бывших «агентов Бездн».

Парни пришли в себя, закурили, нервно размахивая руками, сели в свою «Ладу», и отечественная лайба, выпущенная совсем недавно, однако в точности повторившая все недоработки, огрехи и упущения, свойственные всему ряду отечественных легковых автомобилей, покатила прочь от кремля.

– Пробей на всякий случай этот номер, – кивнул Саблин на отъехавшую машину. – Не думаю, что Охотники вернутся, но я хотя бы буду знать, что это за пацаны.

– Хорошо, до вечера. – Юстина открыла дверцу.

Зазвонил телефон Саблина. Он остановил девушку жестом: звонил Прохор.

– Слушаю тебя, Кириллыч.

– Тут такое дело, – заговорил Смирнов, спохватился: – Ты один? Можешь говорить?

– Я с Юстиной.

– О-о... – В голосе Прохора послышалась нотка нерешительности. – Привет ей. Может, я позже перезвоню?

– Она в курсе событий.

– Не хотелось бы её напрягать...

– Говори по делу.

– Кавказцы устроили разборки с соседскими.

– С гостями Сёмы? Чёрт! Все живы?

– До стрельбы дело не дошло, но бились серьёзно, много раненых с обеих сторон. Приехала полиция, перекрыла всю деревню, и я не могу никуда выйти.

Саблин посмотрел на Юстину.

– Дай, – протянула она руку.

Он передал ей телефон.

– Привет, Проша. Кто-нибудь к вам заходил? – спросила Юстина.

– Привет, Юсь. В дом не заходил никто, Михась не пустил, – ответил Прохор, не удивляясь, что с ним заговорила Юстина. – Но полицейские глаз с усадьбы не спускают. Мне это не нравится.

– Жди, мы скоро будем. – Юстина передала трубку Саблину, вылезла из машины. – Через час я буду готова, подъедешь к Управлению.

Она пересела в ниссановский «Жук» и уехала.

Странная мысль пришла в голову Данимиру: уж не являются ли они сами участниками операции по обнаружению Прохора? Что, если Охотники всунули в головы ребят на «Ладе»

программы слежки, заставили его паниковать, а теперь кто-то, наблюдатель поопытней, проследит, куда они двинутся с Юстиной?

С этой мыслью Саблин и поехал домой готовиться к поездке в Клирово. Эту же мысль он высказал и Юстине, встретившись с ней у здания Управления полиции.

– Я предприняла кое-какие меры, – успокоила она его, одетая в официальный офицерский мундир полицейского, ни капли не скрывающий её привлекательности. – Оставь свой кар здесь, за ним присмотрят, поедем на моей.

Из ворот Управления выехал знакомый фиолетовый «Ниссан Жук».

Саблин понял, что за дело взялись профессионалы, и молча вылез из кабины «Вейра». Решение Юстины его вполне устраивало.

Погоня

Высокий мужчина средних лет, седоватый, с тростью в руке, одетый в лёгкий белый летний костюм, остановил Патрушева в коридоре турцентра:

– Извините, уважаемый, вы будете директор сего заведения?

– А в чём дело? – недовольно нахмурился Сергей Васильевич, спешащий в мэрию на заседание коллегии по организации турбизнеса в районе.

– Я из Москвы. – Мужчина достал из внутреннего кармана пиджака красную книжечку, развернул и тут же спрятал. – Полковник Минбаев.

– Ко мне уже приходили из полиции.

– Я не из полиции, отдел по борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Меня интересует ваш сотрудник Саблин.

– Дан? – удивился Патрушев. – Вы шутите? Он тренер по выживанию и никогда не был замечен...

– Мы знаем, что он тренер, но в его окружении, к сожалению, есть люди, часто пересекающие границы Казахстана и связанные со сбытом наркотических веществ.

– Он и сам туда ездит, у него мать живёт под Астаной.

– Вот мы и хотим убедиться, что он чист перед законом. Куда он направляется на этот раз? Он ведь взял отпуск, не так ли?

– Откуда вы знаете?

Мужчина усмехнулся; глаза его как бы двоились и качались, отчего казалось, что он вот-вот заплачет.

– Мы много чего знаем. Он говорил, куда собрался?

– К отцу в Смоленск.

– В Смоленск? Странно, они давно не в контакте.

– Он так сказал.

– Хорошо, благодарю за помощь, – кивнул мужчина, назвавшийся полковником Минбаевым.

Впрочем, он и в самом деле был полковником, хотя занимался не наркотиками, а контролем игорного бизнеса во Владимирской губернии. Однако в настоящий момент он был также одним из Охотников, ближе всех подобравшимся к Прохору Смирнову, и спешил воспользоваться этой возможностью. Минбаев же был выбран Охотниками по совсем простой причине: он когда-то хорошо знал Данимира Саблина по службе в МЧС края.

Выйдя из «стекляшки» турцентра, полковник сел в белый «Мерседес», где его ждал пассажир – женщина средних лет в костюме полицейского, с погонами лейтенанта.

– Саблин собрался куда-то ехать, – сказал он, усаживаясь рядом с ней. – Директор утверждает, что в Смоленск, к отцу, но я уверен, что это легенда. Мы уже выяснили, что с отцом он давно не контактирует. Он хочет вывезти Смирнова за пределы России.

Женщина-лейтенант взялась за телефон:

– Где он?

Выслушала ответ.

– Сопровождать. – Спрятала телефон. – Он снова с этой крутой мадам.

– Они знают, что мы ищем Смирнова.

– Надеюсь, они выведут нас на него.

Мужчина рассмеялся.

– С ними интересно соревноваться. Они вычислили уже троих наших, а Саблин вообще гигант – ухитрился нейтрализовать вселённого оператора.

– Оператор не ожидал такого сопротивления, нам надо учитывать волевые характеристики людей. Надо попросить Передающего Приказы дать нам оператора выше уровнем.

– Не гони лошадей, Второй, у нас в резерве «пантера» – по терминологии человеков. Она справится с этой крутой мадам, подружкой Смирнова.

– Госпожа Бояринова тоже волевая натура, в полиции мягкотелые девочки не служат.

– Могу послать тебя.

Женщина пожала плечами.

– Могу вселиться в неё и я.

В данный момент она тоже была меньше лейтенантом полиции по фамилии Яшутина, но больше Охотником – Вторым, отвечающим за перехват формонавта Смирнова, в то время как полковник Минбаев был Первым. Именно они и пытались атаковать математика в Плесецке во время его пребывания на космодроме.

– Поехали, – бросил Минбаев водителю, воля которого была подчинена особой психо-программе.

– Куда? – осведомился безукоризненно одетый в строгий костюм водитель.

– Управление полиции.

«Мерседес» отъехал от здания турцентра.

Минбаев взялся за мобильный:

– Петрикин, что у вас?

– А кто звонит? – прорезался в наушнике молодой раздражённый голос.

– Отвечай нормально!

– Да кто ты такой, чёрт возьми? – возмутился голос. – Ну и денёк сегодня: то выволакивают из машины, то звонят какие-то уроды!

– Тебя... выволакивали?..

– Включи обратку, я тебя не помню.

Минбаев выключил телефон, посмотрел на спутницу.

– Их нейтрализовали.

– Обоих? – осталась флегматично спокойной лейтенант Яшутина.

Речь шла о наблюдателях, вселённых в психику молодых парней, посещавших Суздальский турцентр.

– Обоих.

Лейтенант включила мобильный:

– Зинаида, где Бояринова?

– Встречалась с Саблиным в кремле, сейчас едет по Ленина, скорее всего в Управление, – отозвалась подчинённая Яшутиной.

– Саблин?

– На Садовой, направляется, судя по всему, к себе домой.

– Следите за ними аккуратнее, они люди опытные, могут засесть слежку. Первую пару они нейтрализовали быстро.

– Мы видели.

– Не ошибитесь.

– От нас не уйдут, – пообещала Зинаида.

До Управления полиции ехали молча.

– Жди, – приказала лейтенант Яшутина, вылезая из машины. – Мы их встряхнули, должна последовать реакция. Уверена, они поедут за Смирновым.

Она скрылась за прозрачной дверью Управления.

Минбаев уселся поудобней, превращаясь в мумию. В силу природного хладнокровия ждать он умел не хуже, чем земные рептилии – добычу.

События начались, как и было рассчитано, через час, в половине второго.

Появилась Яшутина, села рядом с Минбаевым.

– Мы готовы.

Минбаев передал команду своим подчинённым: в его ведении была целая бригада, выделенная Передающим Приказы, и он мог не беспокоиться о качестве сопровождения объекта, потому что имел возможность в течение очень короткого времени заменить агента.

Из ворот Управления выехал фиолетовый «Ниссан Жук».

Саблин и Бояринова в форме офицера полиции сели в машину.

«Жук» неторопливо пополз по улице в сторону шоссе на Владимир.

– За ними, – скомандовал Минбаев.

В таком порядке они и пересекли Суздаль, дважды проезжая по мостам через петлявшую Каменку: «Жук», за ним «БМВ» группы сопровождения Яшутиной, «Мерседес» с двумя Охотниками и машина людей Минбаева – серый «Туарег».

До Владимира доехали быстро, машин на трассе было немного.

После Владимира Минбаев забеспокоился.

– Что-то едут они больно открыто, без сопровождения, как на прогулку. Неужели так уверены в себе?

– Зинаида, – вызвала подчиненную Яшутина, – за нами никто не едет?

– В пределах видимости никого.

– Объекты разговаривают?

– Редко, но прочитать их мы не можем, «ласка»¹³ кабину «Жука» не берёт.

– Почему?

– По-видимому, кабина защищена скремблерным генератором.

– Надо было попросить у Передающего Приказы подключение к спутниковой системе «Ухо», – проворчал Минбаев. – Уже знали бы, куда они едут.

– Никуда они не денутся, – с прежней флегмой проговорила Яшутина.

Проехали Маругино, за ним Красное Эхо.

В деревушке Арсамаки «Жук» остановился возле продуктового магазина на несколько минут, из него вышла девушка в стандартном джинсовом костюмчике, заскочила в магазин, после чего «Жук» поехал дальше.

За Арсамаками дорога делала петлю.

«Жук» скрылся из виду. А когда машины Охотников преодолели поворот, дорогу им преградили две развёрнутых боком машины дорожно-постовой службы.

Здесь уже стояли несколько автомашин, водители которых беседовали с инспекторами, в том числе и водитель «Жука».

– Проезжаем? – равнодушно спросил водитель «Мерседеса».

– Будем как все, – решил Минбаев. – Не остановимся, будем выглядеть подозрительно.

«Мерседесу» указали полосатым жезлом на обочину шоссе, и он встал за остановившимся «БМВ».

¹³ «Ласка» – лазерный сканер.

Вслед за ними прижался к обочине и серый «Туарег».

– Что делать? – запросила инструкции Зинаида.

– Я скажу, что вы с нами, – ответила Яшутина.

– Не надо, пусть выкручиваются сами, сунут пару тысяч, – посоветовал Минбаев. – Если мы поручимся за сопровождение, полиция поймёт, что у нас какое-то дело.

– Отбрешитесь, – сказала Яшутина.

К машине подошёл полицейский с погонями младшего лейтенанта.

– Лейтенант Смыслов, третий батальон. Попрошу документы.

Яшутина опустила стекло дверцы со своей стороны:

– Мы торопимся.

Инспектор посмотрел на неё оловянным взглядом:

– Я бы попросил и ваши документы, и вашего спутника.

– Что вы себе позволяете?!

Инспектор взялся за ремень висевшего через плечо автомата.

– Идёт спецпроверка транспорта в связи с побегом заключённых из Владимирского центра. Прошу вас!

Яшутина и Минбаев переглянулись.

– Проверка так проверка, – сказал полковник, доставая удостоверение.

«Жук» впереди с объектами слежки вырулил из шеренги остановленных автомобилей, устремился по шоссе в сторону Гусь-Хрустального.

Яшутина проводила его тёмным взглядом, потом достала свои документы.

– Побыстрее, лейтенант, у нас свои дела, времени в обрез.

Лейтенант неторопливо осмотрел удостоверения, сверил фотографии с оригиналами – внимательно глядя на лица пассажиров, вернул, козырнул, отступил.

– Можете ехать.

«Мерседес» выбрался на шоссе.

«БМВ» и «Туарег» остались на месте, возле них топтались полицейские.

– Догонят, – буркнул Минбаев.

Поехали быстрее. Однако «Жук» словно растворился в воздухе, побив все рекорды скорости, и даже трёхсотпятисильный «мерин» Минбаева не смог его догнать.

Проскочили поворот на Анопино, впереди через три минуты показались пригороды Гусь-Хрустального.

– Стоп! – скомандовал Минбаев.

Яшутина выругалась абсолютно по-мужски.

– Они свернули!

– Куда?

– Кроме как на Анопино больше некуда.

– Гони!

Водитель развернул «Мерседес», утопил педаль газа.

– Зинаида, где вы? – поинтересовалась Яшутина.

– Протокол составляют, – ответили ей. – Дача взятки.

– Твою мать! Догоняйте быстрее, мы едем в Анопино.

– Сим, что у вас? – буркнул Минбаев.

– Проверяют на угон, – ответил ему водитель «Туарега».

Минбаев встретил взгляд Яшутиной, хищно изогнувшей губы.

– Это не побег и не рядовая проверка документов.

– Нас остановили специально.

– Похоже, придётся прекращать погоню.

– Нам нужен Смирнов!

– Будем искать другие возможности.

– Давай попробуем догнать эту сучью пару и допросить. Не получится – вернёмся.

«Мерседес» свернул на Анопино, за две минуты домчался до посёлка, поднимая за собой хвост пыли, и пассажиры увидели возле небольшой кафешки под названием «Гусь» мирно стоящий «Жук». В нём никого не было.

– Сходи, – предложила Яшутина. – Я заметней.

«Мерседес» остановился перед «Жуком».

Минбаев вышел, открыл дверь кафе, оглядел маленький зальчик на четыре столика. За одним из столиков одиноко сидела девушка с короткой причёской, в джинсовом костюмчике, у стойки пил пиво долговязый субъект в рубашке навыпуск.

Девушка оглянулась.

Минбаев встретил её взгляд, в котором сквозила усмешка, и понял, что его провели, как мальчишку.

– Возвращаемся, – коротко сказал он, усаживаясь на заднее сиденье «Мерседеса».

– Их нет? – догадливо спросила Яшутина.

– Скорее всего, пересели на другую машину. Будем просить подключить нас к «Уху». Этих ребят голыми руками не возьмёшь. Надо заниматься ими по полной программе.

– Смирнов за это время улизнёт.

– Дальше Земли не улизнёт, – осклабился полковник. – А на Луну и на Марс пока рейсовые ракеты не летают.

– Там достать их было бы легче.

– Достанем и здесь.

«Мерседес» развернулся в обратную сторону.

Погружение в бездны

Свидетелем драки между приезжими кавказцами и десантниками соседа Сёмы Прохору стать не довелось. О том, что происходило, ему рассказал Михась, озабоченный опекой квартиранта.

Всё началось вечером в пятницу, 8 июня, когда после работы молодёжь Клирово потянулась в местные культурные заведения: в деревне недавно открылось кафе «По Пре» и уже год работал КОМ – Клуб отдыха молодёжи, где можно было поиграть в бильярд, в шахматы, в настольный теннис, посмотреть концерт какой-нибудь заезжей звезды из Рязани или Владимира, а также сходить в кино, благо в КОМе имелось два кинозала: обычный, на двести мест, и небольшой кинозальчик в формате 3D.

Кавказцы приехали на четырёх машинах и какое-то время вели себя тихо. Но потом в кафе начали приставать к девушкам, а в кино свистеть и выкрикивать какие-то непристойности. Их попытались урезонить мирно, а когда не получилось, Сёма с товарищами в количестве семи человек начал наводить порядок.

Кончилось всё это большой дракой, в которой участвовали сначала семеро бывших десантников и восемнадцать кавказцев, потом к Сёминым друзьям присоединились жители Клирово, и кавказцев едва не забили до смерти, тем более что они сразу пустили в ход ножи и арматурные стержни.

Полиция, вызванная охраной кафе и КОМа, приехала к концу битвы сразу из двух ближайших городков – из Тумы и Спас-Клепиков. К этому моменту пролилась кровь: пробиты головы и ранили ножами четверых бывших десантников, порезали четверых молодых парней из Клирово, и двенадцати кавказцам поломали руки-ноги, ребра и челюсти. Шестерых из них пришлось отправить в реанимацию.

Разбирались всю ночь.

Взбудораженные клировцы окружили место побоища и то и дело порывались навалить уцелевшим кавказцам и полицейским, вынужденным их защищать.

Прохор тоже порывался пройтись к центру села, поинтересоваться деталями происшедшего, но Михась его не пустил.

– Нечего там делать, бандитам дали отпор, и ещё хорошо, что обошлось без жертв. Теперь не сунутся устанавливать свои порядки. А то без встреч с чернож... ми пройти нельзя, так и шныряют кругом группами либо сидят на корточках на тротуарах и возле магазинов.

– Они так живут, – пробормотал Прохор. – Стадом.

– Пусть живут, но пусть не лезут со своим древнепещерным укладом жизни. Не мы к ним приехали, а они к нам. Какую культуру они нам принесли? Культуру воровства? Своих воров хватает. Культуру курения «травки»? Спасибо за заботу о нашем здоровье. Я человек спокойный, со всеми могу жить мирно, но если меня начнут «ровнять» чужие – возьмусь за вилы.

С утра по дворам стали ходить полицейские, расспрашивать, кто что видел.

Михась к себе в дом их не пустил. О чём он разговаривал с двумя представителями закона, Прохор не слышал, но поднялся к нему хозяин темнее тучи.

– Интересовались, не живёт ли кто у меня. Я ответил, что только родственники. Не нравится мне это, буду звонить Дану.

– Я тоже позвоню, – пообещал Прохор, понимая, что спокойной жизни в деревне приходит конец. Рано или поздно о его местонахождении станет известно Охотникам, и они появятся здесь, чтобы довести дело до финала. Рисковать семьёй Михаила Прохор не хотел.

На звонок Саблину неожиданно ответила Юстина, оказавшаяся в этот момент с Данимиром. А её обещание приехать и вовсе привело Прохора в состояние нокдауна. Ещё не было случая, чтобы Юстина откликнулась на его просьбы или обещала выслушать. Как правило, их встречи инициировались им и заканчивались быстро, времени у майора полиции на длительный отдых и удовольствие никогда не хватало.

– Жди, мы подъедем, – закончила она разговор по телефону, и настроение Прохора изменилось. Теперь уже стало казаться, что невзгоды отступили, приедет любимая женщина, и всё решится самым счастливым образом.

– Из дому не высовывайся, – предупредил его Михась, выходя из спальни. – И в окнах лучше не светись. Я буду рядом, в Управу не поеду, так что зови, если понадобится.

Прохор послушался по комнатам, понаблюдал из кухни за полицейскими, прохаживающимися по улице в сопровождении жителей села, попил чаю, поднялся к себе в спальню, прикидывая, когда приедут Саблин с Юстиной, потом решил заняться поисками ДД. Делать было всё равно нечего, а сидеть и ждать в неподвижности или спать днём Прохор не любил.

Он снял футболку, благо было тепло, лёг на кровать, привычно согрел на груди эргион.

Для начала перебрал в памяти все свои прошлые погружения в числомиры, чтобы не повторяться. Главным результатом тех погружений была эмоциональная отдача, порождённая раздвинувшимися границами Вселенной. Встречи с «родичами» тоже изумляли, но всё реже и реже, становились вторичными по сравнению с той информацией о слоях «матрёшки», которую он получал при выныривании в психике «родичей».

Сначала всё казалось простым и забавным: он нырял в энергоинформационный поток, уносивший его из собственного тела, выплывал в сознании «соседнего» Прохора и начинал «осматриваться», изучать физическую реальность «параллельного» числомира. Но потом была встреча с ДД, открывшим ему глаза на происходящее, появились Охотники, и всё усложнилось. По числомирам бродить стало опасно. А главное, он мог только предполагать, почему за ним организована охота. Сами Охотники своим будущим жертвам о причинах погони, естественно, ничего не сообщали.

Как сказал ДД, на его памяти исчезли два десятка формонавтов. Но что с ними произошло, куда они девались, то ли их заключили в тюрьму, то ли убили, ДД сообщить не успел, потому что исчез сам. В Академии естественных наук, куда обратился Саблин по просьбе Прохора, ему сказали, что академик Дмитрий Дмитриевич Бурлюк не оставил никаких координат своего местонахождения, но якобы, по слухам, уехал работать за рубеж.

Прохор усмехнулся. Знали бы сотрудники ДД в РАЕН, что такое «уехать за рубеж» в понимании самого академика. Хотя, с другой стороны, формальная фраза «за рубеж» абсолютно точно отражала смысл погружений в числомиры.

«Ну, и куда мы нырнём, формонавт?» – спросил Прохор сам себя. И сам же себе ответил: «Работай по плану. Если повезёт, значит, ты достоин этого везения. Лишь бы ДД был жив и догадался где-нибудь оставить закладочку, по которой его можно было бы отыскать».

Эргион мурлыкнул ответным теплом.

Усилием воли Прохор собрал себя в поток света-мысли-энергии и легко перешёл границу соседнего – двенадцатого Ф-превалитета. Но не задержался в голове «родича», двенадцатого Прохора, а пошёл дальше, листая числомиры, как страницы книги.

Первую остановку он сделал в сто одиннадцатом числомире, сформированном числом-репьюнитом 111.

Когда-то его заинтересовали свойства повторяющихся чисел, каждое из которых образовывалось первоцифрами от единицы до девятки. Если, к примеру, тетрада – четвёрка по всем теориям нумерологов и числонавтов несла в себе смысл живого, являясь «ключом к земле и небу», создавая четырёхмерный объём пространства-времени, заключая в себе «сверхматериальность», где Дух выступает на уровне действия, то умножатся ли эти свойства в сорок четвёртом Ф-превалитете? Или в четыреста сорок четвёртом?

Он проверил дважды, посетив этот самый сорок четвёртый числомир, а потом семьдесят седьмой. Но никакого особого отличия от «первомиров» под номерами четыре и семь не обнаружил. Люди, живущие в этих мирах, практически не отличались от «перволюдей» первой цифровой монады, и лишь природа реагировала на увеличение числовой базы более чутко, порождая богатый спектр форм и естественных материальных сочетаний.

Через несколько секунд «полёта» Прохор вышел в голове Прохора-111.

Репьюнит-111 состоял из трёх единиц, каждая из которых являлась монадой – первоосновой всего спектра числомиров и несла сакральный смысл Единого Самопроявления Абсолюта, вмещаая Всё, кроме Начала и Конца всего сущего.

Прохор пытался пробиться в «самый первый» из числомиров, но ни разу не смог там задержаться. Хотел, но не мог, словно его что-то выталкивало оттуда, и душу охватывало странное чувство – не страх или беспокойство, но ожидание перемен, несущих суету и неизвестность. Если вдуматься, именно эта неизвестность и пугала его больше всего.

В одиннадцатом превалитете родился он сам, и этот мир был родным и естественным, несмотря на то что Прохору очень хотелось многое в нём изменить. В особенности – отношение людей друг к другу. И чтобы заработал закон справедливого воздаяния за содеянное.

В репьюнит-мире номер 111 Прохор Смирнов жил в Суздале и работал в центре информационных технологий, будучи по образованию программистом. Прохор не стал его пугать, быстро пробежался по «файлам» памяти в надежде найти упоминание о встрече с ДД, однако не нашёл. В этом мире, сформированном единицами, трижды отрицающем Единое (по философии адептов числонавтики), Прохор Смирнов-111 никогда не встречался с Дмитрием Дмитриевичем Бурлюком, академиком Российской академии естественных наук.

Впрочем, отсутствие свидетельства о встрече ещё ни о чём не говорило, и ДД вполне мог здесь существовать, пусть и в ином качестве, поэтому стоило всё-таки его отыскать.

Прохор вернулся обратно в свой мир и в своё тело.

До этого момента ему в голову не приходило вмешиваться в процесс мышления «родичей» или использовать их в качестве операторов физического воздействия на данную реальность. Достаточно было того, что он вытаскивал информацию из памяти Прохоров и смотрел на мир их глазами. Теперь же назрела необходимость заставлять их что-то делать, а как – Прохор не имел ни малейшего понятия.

«Давай поразмышляем, – подумал он. – Охотники как-то умеют заставлять людей, в психику которых они вселяются, выполнять их приказы. Весь вопрос в том, как они это делают. Захватывают волю и сознание, превращают в зомби? Опять же – как? С помощью чего? У них же нет никаких излучателей и психотронных генераторов, никаких компьютерных интерфейсов, потому что они не перемещаются в другие миры физически. Всё происходит на уровне психоэнергетики, внутри человека: в голову вселяется сущность Охотника и берёт сознание под контроль. Значит, то же самое может и любой формонавт?»

Прохор вскочил, жадно хлебнул холодного кваса из старинной оловянной кружки, улёгся на кровать.

С одной стороны, очень заманчиво попытаться сделать то же самое. С другой – чем он в таком случае будет отличаться от тех же Охотников? Благими намерениями? Давно известно, что именно благими намерениями устлана дорога в ад! Правильный путь – просить.

Итак, куда? Может быть, зайти по пути в мир-177?

Он глубоко вздохнул и нырнул в пучину пространств, объединённых в «матрёшку» Вселенной с бесконечным количеством слоёв.

Прохор-177... рисовал!

Видимо, он был неплохим художником и рисовал просто здорово, хотя и в иной манере, чем другие современные художники, большинство из которых предпочитало использовать для этой цели компьютер. «Родич» рисовал тушью, тонким пером на больших листах белой бумаги! Гравировкой эту манеру назвать было нельзя, но выходило очень похоже.

Прохор, затаив дыхание, взгляделся в почти законченный рисунок.

Мало того, что в нём чувствовалась уверенная рука профессионального художника, у «родича» было потрясающе развитое воображение!

На краю всхолмлённой песчаными валами пустыни стояла цепочка людей, отбрасывающих длинные тени. Люди красноречиво протягивали руки к висящему над пустыней шару, чёрному внизу, белому вверху; потёки белого спускались сверху на чёрный низ шара.

Слева весь горизонт занимала громада исполинского арочного моста, изумительно красивая, ажурная, вызывающая восхищение тонкостью прорисовки.

Из-за моста выносилась гигантская волна испещрённого ажурными провалами и всплесками чёрного тумана, соединявшегося с уходящими к небу песчаными валами, которые образовывали нечто вроде поднимающейся в бесконечность крутящейся воронки.

Чёрно-белый шар отбрасывал на песок волнистую тень.

Люди наблюдали за ним, некоторые – молча, неподвижно, некоторые – воздевая руки к небу, к шару, призывая кого-то, удивляясь или ужасаясь¹⁴.

Прохор, образно говоря, проглотил ком в горле: он был потрясён! В детстве он тоже неплохо рисовал, но потом увлёкся моделированием и художественное творчество забросил.

Художник почувал его присутствие; перо замерло.

Рисовал он в комнате, служащей домашним кабинетом, но её интерьер мало чем отличался от интерьера такой же комнаты в квартире Прохора-11. Разве что по стенам её были развешаны рисунки в простых рамках, да на полу у ног художника сидел огромный полосатый сибирский кот.

¹⁴ Картина художника Н. Фоменко существует в реальности и называется «Зимняя сказка».

«Прошу прощения, дружище, – проникновенно сказал Прохор. – Можешь глотнуть водички, но ты меня слышишь реально. Кто я и откуда – неважно, по сути я – это ты, но живущий в соседних мирах. Я бы не открылся, если бы не нужда в информации. Ты способен рассуждать?»

Рука художника задрожала.

Он посмотрел на неё внимательно, аккуратно положил стило на столешницу, сдал назад, едва не наступив на кота, и сел на диван. Водичку пить он не стал.

– Галлюники, что ли?

«Нет, не галлюники», – хмыкнул Прохор.

– Кто... ты? – Голос у него был нормальный, только с небольшой хрипотцой.

«Долго объяснять, – сказал Прохор. – Я постараюсь передать тебе общие сведения. Хочу предупредить: о моём появлении ни с кем говорить не надо, это опасно».

– Почему? Примут за сумасшедшего?

«Я рад, что ты реагируешь спокойно. Если тебя примут за психически больного, это ещё полбеды. К сожалению, есть и более серьёзные последствия нашего контакта. Я тоже Прохор Смирнов, но при этом ещё и формонавт, а за такими, как я, идёт охота».

– Что такое формонавт?

«Попытайся задавать вопросы мысленно. Формонавт – путешественник по числоформной Вселенной, состоящей из бесчисленного количества числомиров. Чтобы вникнуть в суть проблемы, тебе надо будет поискать информацию в Интернете, выяснить, что такое числонавтика и формология. Потом я отвечу на твои вопросы. А пока выполни мою просьбу: позвони в Москву, в Академию естественных наук, и узнай, работает ли там академик Дмитрий Дмитриевич Бурлюк. Имя незнакомо?»

– Нет...

«Нет», – повторил Прохор-177 мысленно.

«Может случиться, что он там вовсе и не академик, но обязательно должен быть математиком, как я и ты. Поищи его всеми доступными методами, он мне очень нужен. Я вернусь к тебе через часок, сможешь помочь?»

– Поста...

«Постараюсь».

«Тогда изучай материал и звони в академию».

Прохор отделил часть своего «Я», несущего сведения о формонавтике, от всего пси-тела, вылетел из мыслесферы «родича», оставив его размышлять о раздвоении личности и прочих весёлых вещах.

Впрочем, он надеялся, что психика у сто семьдесят седьмого устойчива и он не станет рефлексировать, мерить температуру, сомневаться в своей адекватности и нормальности.

Отдохнув и хлебнув квасу, Прохор снова нырнул в «матрёшку», продолжая исследование миров, где мог остановиться ДД.

Следующей остановкой он избрал пятизначный репьюнит – 11111.

В этом числомире Прохор Смирнов (фамилия у него была здесь чуть иная – Смирновин) служил в Российской армии, в зенитно-ракетных войсках. Он носил погоны капитана, и в его подчинении была команда младших офицеров, обслуживающих новейший зенитно-космический комплекс С-600, способный сбивать любые воздушные и космические цели, летящие с любыми доступными современной космической технике скоростями.

Комплекс был не просто мобильным, он мог даже нырять под воду и находиться там длительное время, недоступный никаким средствам обнаружения. Именно в таком положении он в данный момент и находился, а его командир располагался в отсеке управления и спокойно пил чай, обсуждая с подчинёнными последние новости из мира кино. Речь, в частности, шла о новом голливудском блокбастере под названием «Дозор против Аватара», созданном одним из

старейших поставщиков такого вида кинопродукции, российским режиссёром с узбекскими корнями Бек-Мамедовым.

Прохор с минуту слушал шутки офицеров и их рассуждения о тупости режиссёра и тех, кто смотрит такие фильмы. Согласился с этим расхожим мнением. Но вторгаться в поле сознания «родича» не решился, боясь дискредитировать его в глазах подчинённых. Лишь «полистал» память капитана, надеясь отыскать упоминание о встрече с ДД. Однако остался при своих интересах. В этом мире, находящемся на грани войны, капитан Прохор Смирновин с математикой не дружил и с представителями этой дисциплины не встречался. К тому же он, скорее всего, и не имел возможности звонить кому бы то ни было из района боевого дежурства.

Ближайшим к репьюнит-миру-11111 экзотическим Ф-превалитетом был мир числа 1729, известного под названием числа Рамануджана – Харди и являвшегося одновременно числом Смита. То есть мало того, что это число делилось на сумму составляющих его цифр: $1+7+2+9$, оно ещё равнялось сумме кубов: единица в кубе плюс двенадцать в кубе, и оно же являлось числом Кармайкла, вычисляемым по формуле: X в степени 1729 – X и делимым на 1729 без остатка.

Он не промахнулся.

Разве что совершенно не ожидал, что увидит.

Прохор Смирнов – 1729 в данный момент... дрался на дуэли! На шпагах! Реально и всерьёз! И не с одним противником, а с тремя!

Дело происходило днём, на поляне в лесу, заросшей короткой жёлтой травой. Деревья вокруг пылали всеми цветами радуги, из чего можно было сделать вывод: листву либо раскрасило время года – осень, либо природа мира-1729 допускала такое цветовое разнообразие в любое время года.

Прохор-1729 дрался легко и непринуждённо. «Гость» – Прохор-11 даже позавидовал его мастерству, хотя неплохо фехтовал и сам.

Вмешиваться в происходящее он не имел права, так как «родич» не ждал гостей из соседних измерений и мог пропустить удар, но возвращаться домой в момент схватки не хотелось, надо было проследить за развитием событий до конца.

Прохор-1729 начал уставать и отступать. Каким бы сильным мастером кэндо он ни был, сражаться против троих хорошо владеющих оружием мужчин было трудно. А секундантов у него не было. Если только не предположить, что на него напали и те самые секунданты, в том числе собственный, с кем он пришёл на дуэль.

Один из дуэлянтов с проклятием отскочил, получив укол в предплечье.

Прохор-1729 заработал шпагой энергичней, начал теснить противника, повернувшись к раненому спиной, посчитав его выбывшим из строя. И напрасно. Плотный, красномордый парень, чуть оклемавшись, кинулся на него со спины, и Прохор-11 вынужден был вмешаться:

«Сзади!»

«Родич» отреагировал, как надо, причём не на внутренний голос, а на опасность: отскочил, развернулся, отбил удар и проткнул красномордому горло. Затем, не останавливаясь, набросился на оторопевших поединщиков, обратив их в бегство.

Когда они скрылись за деревьями, он вскинул над головой шпагу и победно крикнул:

– Я вас отыщу!

Где-то послышался приближающийся басовитый гул и жужжание.

Дуэлянт поднял голову.

На поляну из-за зубчатой стены деревьев опускался летательный аппарат, похожий на деревянный корабль с десятком мачт, заканчивающихся винтами. Винты вращались, издавая тот самый гул и жужжание.

Прохор-1729 выругался сквозь зубы, нырнул в кусты и побежал, петляя между стволами огромных сосен и лиственниц.

Прохор-11 попытался вникнуть в суть происходящего, не затрагивая сознания «родича». В голове дуэлянта мелькали какие-то несимпатичные бородатые рожи, очень даже симпатичные женщины в бикини, шпаги, дома с островерхими крышами и многомачтовые «вертолёты». Понять что-либо в этой мысленной круговерти было трудно.

Беглец между тем выскочил на опушку леса, метнулся к стоящим у полосатого столбика лошадям, вскочил на одну из них и понёсся к видневшимся за холмами строениям близкого городка.

Корабль-вертолёт с бело-синими полосами по бортам догнал его, навис сверху ребристой громадой. В днище открылись люки, из них выглянули головы в синих рогатых шлемах.

Беглец поддал, направляя коня в обход холма, над которым крутила лопасти не то мельница, не то ветрогенератор. Сочетание технологических артефактов в виде летающих кораблей, какими художники XIX века изображали летательные аппараты во времена Жюль Верна, дуэли на шпагах и лошадей в качестве наземного транспорта удивляло и забавляло. Но Прохор-формонавт уже понял, что мир-1729 живёт по своим законам, в соответствии с теми технологиями, которые были ему доступны, оставаясь неизменными в течение полутора веков как минимум, и искать здесь нечто вроде Академии естественных наук, возникшей в России XX века, не имеет смысла. Во времена летающих анахронизмов наподобие этого допотопного монстра с десятком винтов «естественных» академий не существовало.

Хотя, мелькнула мысль, почему бы здесь Дмитрию Дмитриевичу не быть академиком «обычной» Академии наук? В России она существовала ещё во времена Михайлы Васильевича Ломоносова.

Из днища корабля-вертолёта раздался металлический вопль. Преследователи явно приказывали беглецу остановиться.

Однако Прохор-1729 советом пренебрёг и продолжал нахлёстывать лошадь, несущуюся во весь опор, пока не подскакал к длинному обозу, составленному из двух десятков крытых фур. Обоз медленно тащился по разбитой колеями дороге, ничем не отличающейся от дорог в глубинке России и в нынешние времена.

Фуры тащили пары лошадей, с виду никем не управляемые. Но стоило беглецу поравняться с ними, как на дорогу соскочили, возникнув как чёртики из коробки, полтора десятка вооружённых шпагами и пистолетами, заткнутыми за пояс, крепких мужчин, выбритых чисто вопреки ожиданиям. Одеты они были почти так же, как и Прохор-1729, в длинные кафтаны с бахромой, синего и серого цвета, и штаны, похожие на джинсы. На ногах все носили мягкие сапожки, на головах – синие береты с перьями.

Корабль-вертолёт пошёл боком, огибая обоз.

Прохор-1729 спрыгнул с лошади, смешался с толпой обозников, глядящих с откровенной угрозой на корабль, и Прохор-11 понял, что его «родич» находится среди своих. Как он оказался в лесу, с кем дрался и по какой причине, осталось тайной.

Вообще этот числомир выбивался из череды предыдущих измерений своей технологической отсталостью. Во всех посещённых Прохором превалитетах техника и наука примерно соответствовали земному уровню первой трети XXI века. Здесь же, в экзотическом 1729-мире сохранился явный перекося научно-технического прогресса, если судить по громоздким летательным аппаратам, и причину этого перекося стоило изучить специально.

«В другой раз, – подумал он, вылетая из головы «родича» лёгкой пушинкой, – когда времени будет больше».

Но поскольку при возвращении домой он «пролетал» мимо 177-числомира, то решил задержаться и побеседовать со сто семьдесят седьмым Прохором, пообещавшим поискать ДД.

«Родич» не удивился его появлению. Он уже вполне освоился со своим положением, успокоился, не найдя явных нарушений собственной психики, а главное – логики в происходя-

щем, и отреагировал на приветствие «гостя» спокойно, хотя и с некоторым недоверием; в данный момент он сидел за компьютером.

«Привет, – сказал Прохор. – Не рано беспокою?»

«Я думал... ты больше не придёшь», – признался «родич».

«Трезво мыслишь, а надо мыслить креативно. Чем занимаешься?»

«Ищу материалы по формологии, посмотрел кое-какие статьи по числосавтике. Звонил в Москву, искал в Интернете: математика Дмитрия Дмитриевича Бурлюка, да ещё академика, у нас нет. Зато есть Бурлюк – олигарх, владелец частной компании сотовой связи «Вымпел».

«Это здорово, но олигархи нам не нужны».

«Я так и подумал. Поищу ещё через друзей».

«Постарайся, хотя ваш мир не столь экзотичен, как мне казалось».

«В каком смысле?»

«Кто у вас у власти?»

«Тетрарх Вапутин».

«Кто?!»

«Были цари, потом императоры, потом генсеки, сейчас тетрарх. Под его началом четыре Кабинета Управления. Каждый кабинет имеет четыре Министерства, и так далее».

«Понятно, всё-таки есть отличия от нашего социоустройства. Россия в лидерах, я надеюсь? Или есть более сильные конкуренты?»

«Мусульманский Джамаат, Китайская Прорва».

«Прорва? – удивился Прохор. – Звучит необычно».

«Зато вполне характерно».

«А Соединённые Штаты?»

«Штаты чего? У нас две страны – Штаты».

«Америки».

«Нет таких, есть Соединённые Штаты Мексики и Соединённые Штаты Австралии, куда сбежали все уголовники, осуждённые в Европе, но было это три века назад. Пятьдесят лет назад Австралийские Штаты пытались командовать всем миром, китайцы сбросили на Австралию атомную бомбу, и теперь там тишь да гладь».

«Круто! У нас атомную бомбу сбросили американцы на Японию. Жаль, не находится желающего сбросить бомбу на Вашингтон. Извини, мне пора возвращаться, но мы ещё побеседуем. Изучай выкладки теорий, если тебя заинтересовала формология, и поспрашивай про Бурлюка – не олигарха. До встречи».

Прохор вытащил своё ментальное «щупальце» из головы «родича» и вернулся «домой» – в собственный разум.

Посмотрел на часы: с момента погружения в пространства «матрёшки» прошло больше часа.

На первом этаже дома бубнили в два голоса: Михась разговаривал с женой.

В раскрытое окно спальни вливался живительный поток чистого воздуха, хотя по саду разливалась сонная тишина, рождённая полуденным зноем.

Захотелось искупаться в прохладной воде ближайшего озера. Однако по улице до сих пор шлялись полицейские, поодиночке и в сопровождении каких-то штатских, и Прохор отказался от идеи купания.

Заскрипела под тяжёлыми шагами лестница. В дверь деликатно постучали, вошёл Михаил с кружкой кваса.

– Обедать будешь?

– У меня есть выбор? – пошутил Прохор.

Михаил озадаченно поскрёб ногтем бровь, потом рассмеялся.

– Есть анекдот в тему. Летит американец на самолёте российской авиакомпании. Подходит стюардесса: «Желаете отобедать, сэр?» Он: «А какой выбор?» Она: «Да или нет».

Прохор улыбнулся.

– В нынешние времена вообще могут ничего не дать.

– Так спустишься?

– Через полчасаика.

Михась поставил кружку с квасом, забрал пустую и ушёл.

Квас был изумительный, холодный, со вкусом мяты.

Прохор с удовольствием выпил полкружки, послонялся по комнате, полистал подшивку старых журналов «Знание – сила» середины прошлого века, и вновь упал на кровать, не зная, чем заняться. Всё надоело, в том числе и размеренная деревенская жизнь. Хотелось драйва, какого-то движения, перемены местожительства, а он ничего не мог поменять.

«Не ленись, ищи ДД, – посоветовал ему внутренний подсказчик. – Чем раньше ты на него выйдешь, тем быстрее найдёшь способ избавиться от Охотников».

– Если только этот способ существует, – проворчал он.

Взгляд упал на эргион.

Прохор погладил его пальцем, уловил ответную вибрацию. Недолго думая сосредоточился на переходе в состояние энергопотока.

Эргион мурлыкнул посильней, и комната ушла за пределы зрения, исчезла.

Выплыл он из падения-полёта в тихой «завоуди» чужой мыслесферы.

Это был числомир, порождённый законами числа 10000, то есть мириадой, и геометрической фигурой, состоящей из десяти тысяч граней. Представить в воображении эту фигуру было непросто, но, с другой стороны, чем большее количество граней имел многогранник, тем ближе он был по форме к шару. Когда Прохор стартовал, он почему-то представил геометрический аналог мириады в форме сверкающего зеркальцами шара в помещении дискотеки, отбрасывающего при вращении лучики света.

Прохор Смирнов в этом мире играл в шахматы. Вернее, эта игра напоминала шахматы, так как фигуры стояли на доске, расчерченной на квадраты, но их форма была далека от настоящих шахматных фигур. Больше всего они напоминали друзы светящихся кристаллов разной конфигурации. Мало того, при каждом шаге друзы меняли форму и цвет свечения, а когда их убирала с доски, они чернели.

Противником Прохора-10000 был седой старик с головой огурцом и лысиной на полчерепа. Он был одет в мешковатый красный свитер до колен, не скрывающий его чрезвычайной худобы.

Впрочем, и сам Прохор (здесь он был известен под фамилией Смирхен) не выглядел атлетом, если судить по его тонким рукам. И другие игроки, сидевшие на подиуме за столиками, и зрители, окружавшие подиум, выглядели так, будто их только что выпустили из концлагеря. Но больше всего Прохора-гостя поразило другое: люди были слепы! Точнее, глаза у них были, однако они их не открывали. А если открывали – вокруг подиума вскипал вихрик движения, появлялись мужчины в чёрных комбинезонах, выдёргивали зрителя, открывшего глаза, из толпы и уводили.

Лишь игроки за столами сидели с открытыми глазами, но по сторонам не смотрели. Прохор мог наблюдать за игрой и внешним окружением игроков, только используя боковое зрение «родича»-игрока.

Он попытался войти в «интерфейс» памяти десятитысячного, просмотрел с десятков сцен из жизни «родича», почти ничего не понял.

Судя по отрывочным «файлам», люди десятитысячной числореальности жили в текущем призрачном мире, не имеющем определённой материальной базы. Их жилища непрерывно изменялись, транспорт также менял форму, пейзажи передёргивались, как картинки калейдо-

скопа при малейшем изменении любой детали, и жители Суздаля-10000 постоянно ходили с закрытыми глазами, чтобы не спровоцировать особенно сильное «формотрясение».

«Вот почему зрителей, открывающих глаза, выводили из зала, где проводились соревнования, – понял Прохор. – Они могли изменить результаты игры».

Матч закончился победой «родича».

Он затолкал в рот оставшиеся на доске фигуры, пожал немощную руку соперника и спрыгнул с подиума прямо в толпу, где его подхватили под руки восторженные поклонники и друзья. Затем он закрыл глаза, и Прохор-гость перестал что-либо видеть. Точнее, всё расплылось у него перед глазами, люди превратились в тени с ореолами вокруг голов, а предметы быта и объекты в зале, а потом на улице, обозначились тонкими светящимися линиями.

Прохора-10000 усадили в некий колёсный экипаж и куда-то повезли.

Прохор-11 понял, что ничего от «родича» не добьётся. Жизнь в мириад-мире была настолько специфичной, что найти здесь ДД, даже если он существовал, не представлялось возможным. Да и как отреагировал бы «родич»-10000 на появление «пришельца из соседних измерений», можно было представить. Числомир мириад ещё нельзя было назвать миром Бездн, однако, несомненно, он входил в пограничный слой миров-иллюзий, больше напоминающих человеческие сны. Едва ли Дмитрий Дмитриевич рискнул основать в таком зыбком мире свою базу. Отдохнуть и укрыться от погони человеку почти стопроцентной материальной организации в таком ненадёжном пространстве, наверно, было невозможно.

Вернувшись «домой», Прохор едва успел собраться с мыслями, как внизу на первом этаже раздались мужские голоса, топот, и Прохор узнал голос Саблина. Вскочил, спрятал эргион, натянул футболку.

Голоса приблизились, закрипела лестница.

Он распахнул дверь.

Первой поднималась Юстина в форме полицейского офицера, за ней Дан Саблин с кружкой в руке. Последовала пауза.

Прохор с трудом преодолел желание сжать гостью в объятиях, отступил:

– Проходите.

Она вошла в спальню, оглядела неприхотливый интерьер, перевела строгий взгляд на квартиранта, стоящего руки по швам.

– Ты можешь объяснить мне, что происходит, простым русским языком?

– Постараюсь, – ещё больше вытянулся Прохор.

С одной стороны, он был страшно рад приезду любимой женщины, с другой – чувствовал себя неловко, как школьник, не выучивший урок.

Саблин, задержавшийся на пороге, отпил квасу из кружки, сделал шаг вперёд.

– Спал?

Прохор отрицательно мотнул головой.

– Плавал? – Саблин имел в виду формодайвинг.

Прохор кивнул.

– Где был?

– В репьюнитах, в числомире харшада. – Прохор смутился под взглядом Юстины. – Знаете, оказывается, я математик только в трёх Ф-превалитетах.

Юстина вдруг подошла к нему вплотную, заглянула в глаза.

– Вы меня с Даном пугаете, разговариваете на каком-то птичьем языке.

– Я не хотел тебя пугать.

– Знаю. – Она вдруг быстро провела ладонью по его щеке. – Дан пытался внушить мне теорию, какой ты правильный, благородный и ответственный.

– Так это же правда, – хмыкнул Саблин, поворачиваясь к ним спиной. – Михась обедать предлагает, я вас подожду в столовой.

Проخور и Юстина остались вдвоём.

– Я не знал, что блуждания по Безднам вызовут такую реакцию Владык, – пробормотал Проخور, у которого закружилась голова от будоражащего тонкого запаха духов женщины.

Она помолчала, задумчиво изучая его лицо.

– Не понимаю, почему я тебе верю.

– Я давно хотел тебе всё рассказать...

Она остановила его, прижав палец к губам.

– Это надо было сделать.

– Я в самом деле не хотел тебя тревожить.

– Я бы приняла меры. А теперь вынуждена нянчиться с тобой, как с младенцем.

– Не нянчись.

Она подняла брови, медля, и тогда он, отбросив сомнения и страхи, поцеловал её по-настоящему.

У варягов

Четырёхдневный отдых удался на славу.

Саблин встретил Леру, и четвёрка молодых людей отправилась в поход по Норвегии, выбрав самый модный маршрут – по знаменитым фьордам, включённым ЮНЕСКО в список охраняемых природных объектов Земли.

Сначала переехали в Берген и остановились в четырёхзвёздочном отеле «Фёст Отель Марин», располагавшемся в самом центре города, в минуте ходьбы от знаменитого рыбного рынка.

Потом вездесущий Саблин пообщался с администратором отеля и предложил всем совершить небольшой туристический круиз, после чего они купили тур «Норвегия в миниатюре» и совершили прелестное путешествие, состоящее из поездки по железной дороге Раумабанен до города Олесунн, экскурсии по этому необычному, отстроенному в стиле модерн городку и собственно круиза на лайнере «Хуртирутен» из Тронхейма обратно в Берген.

Поездка запомнилась прежде всего пересечением живописного моста Кюллингбру через реку Гудораннсдален и красивейшими ландшафтами, включающими скальный массив Тролльвеген, с уступов которого недавно прыгала Устинья, ставшая чемпионкой мира.

Город Олесунн с его каналом Брусюнде тоже добавил положительных эмоций, так как среди его зданий было немало совсем экзотических, напоминающих известные средневековые замки и древнерусские кремли, а также невообразимой красоты геометрические конструкции из новых композитных материалов, стекла и алюминия, живо напомнившие Прохору энергоинформационные фрактальные композиции, описываемые теоретиками формологии.

Плавание же по Гейрангер-фьорду вообще потрясло нетронутыми природными пейзажами и тишиной, так что туристы предпочитали не включать громкую музыку и переговаривались больше взглядами да шёпотом.

Купаться в чистой воде фьорда, однако, не рискнул никто, хотя лайнер причаливал к берегу и к островку под названием Хельмсдал и дважды останавливался напротив знаменитых водопадов «Семь сестёр» и «Фата невесты».

На что Саблин был человеком рационального склада, но даже на него настолько подействовала северная красота норвежского приморья, что он не отходил от Леры и не стеснялся лишний раз сфотографировать её на айком на фоне гор, водопадов и старинных деревянных построек.

Проخور какое-то время чувствовал в груди стеснение, будто обманывал кого-то, прежде всего Устинью, потом расслабился и предался созерцанию величественных природных красот

вместе со всеми. Его первый романтический порыв к девушке прошёл, и он забыл о своём обещании «родичу» из одиннадцатого числомира побольше уделять ей внимания.

Впрочем, Устю его поведение не смущало. Если она и ощущала некоторое угасание чувств друга, то не показывала виду.

Двенадцатого июня туристы вернулись в Берген и снова поселились в том же отеле «Фёст Отель Марин». Взяли по сьюту. Как заявил Саблин:

– Гулять так гулять! Когда ещё придётся побывать здесь в такой компании. А обыденная жизнь и так ждёт нас дома.

Вечером прошлись вчетвером по знаменитой ганзейской набережной Брюгген, полюбовались старинным купеческим центром и церковью Святой Марии, зашли в усадьбу Эдварда Грига, чтобы поинтересоваться, как жилось знаменитому музыканту и композитору.

Посидели в ресторанчике «Нэрёй» на набережной, позволив себе пропустить по бокальчику местного вина. Заказали всё рыбное, как бы прощаясь с Норвегией: креветки, маринованные в карри, лосось с соусом из сметаны и щавеля, плюс запечённый мусс из судака.

– Не проспите завтра, – заметил Саблин, когда они расставались у двери номера, в котором остановились Прохор и Устинья. – Самолёт вылетает в десять, в аэропорту надо быть в восемь, и выезд, соответственно, в половине седьмого.

– Не проспим, – пообещал Прохор, на самом деле подуставший, собравшийся искупаться и лечь спать.

Устинья вошла в номер, остановилась посреди комнаты, медля раздеваться.

– Первым пойдёшь в душ?

Прохор понял, что она ждёт от него каких-то действий, но тоже медлил, мечтая больше о компьютере, а не об интиме.

– Ты понимаешь...

«Не жуй опилки! – раздался вдруг в голове сердитый голос. – Опять за своё? Она же чувствует, что ты равнодушен к ней. Ты её не любишь?»

«Ты? – оцепенел Прохор. – Одиннадцатый?!»

«Я, чёрт возьми! Противно видеть тебя таким... слизнем! Неужели даже угроза исчезнуть не оживит в тебе мужика?!»

«Я мужик...»

«В постели? Этого мало!»

«Угроза твоя что-то никак не реализуется».

«Когда реализуется, поздно будет что-либо предпринимать! Я вернусь через час, думай, не обижай её!»

Голос в голове пропал.

– Что с тобой? – услышал он голос обеспокоенной Усти. – Сердце схватило?

Он очнулся.

– Нет... вспомнил кое-что... пойдём посидим в ресторанчике?

– Мы же поужинали.

– Просто так посидим, послушаем музыку, шампанского глотнём.

Устя свела брови к переносице.

– Что с тобой? Ты какой-то... потерянный.

Прохор увидел тревогу в глазах подруги, почувствовал её заботу, тепло, любовь, порывисто притянул к себе и поцеловал.

Она замерла с закрытыми глазами.

– Ты... странный...

– Я знаю. Какой есть. – Он ещё раз поцеловал её, смакуя мятный вкус поцелуя. – Давно хотел тебе сказать...

– Говори.

– Я... – он помолчал, борясь с самим собой, вспомнил злой мысленный голос «родича», закончил: – Люблю... тебя.

Устя изумлённо распахнула засиявшие глаза.

– Что ты сказал?

– Я люблю тебя! – повторил он уже свободней, более уверенно. – Выйдешь за меня замуж? Приедем в Суздаль, свадьбу сыграем.

– С ума сойти! – Она потрясла головой, не веря услышанному. – Сюрприз за сюрпризом! Что на тебя подействовало?

– Красота, – ответил он не раздумывая.

– Я боялась, ты никогда этого не скажешь.

«Знала бы, – подумал он виновато, сам удивляясь своей решимости, – благодаря кому я это сказал».

В ресторане отеля шумно отдыхала компания русских туристов, насчитывающая двенадцать человек – восемь молодых людей в возрасте до тридцати, все как один с животами а-ля Гаргантюа, и четыре девицы, не уступающие им ни по габаритам, ни по развязности. Судя по долетавшим репликам, это были торговцы и торговки из Краснодара, гордо именующие себя бизнесменами.

– Может, не стоит здесь сидеть? – прозорливо спросила Устя. – Они ведут себя... отвратительно.

– Во-первых, мы сядем подальше, – сказал Прохор, беря её за руку. – Во-вторых, будут хулиганить, охрана быстро приведёт их в чувство. Норвежцы не любят шума и хамства.

Однако он ошибся.

Охрана ресторана предпочла не вмешиваться в гульбу россиян, быстро терявших человеческое достоинство.

Уже через полчаса компания выпила столько, что перешла на танцы по всему залу, приставая к посетителям. Дошла очередь и до тихо сидевшей в уголке зала, у окна с видом на горы, пары.

– Эй, красавица, – подошёл к столику потный круглолицый молодой человек с массивным золотым перстнем, в расстёгнутой до пупа рубашке, – пошли потанцуем.

На Прохора он не обратил никакого внимания.

– Я не хочу, – отказалась Устя.

– Да брось, мы просто потанцуем, – не унимался нетрезвый детина, пытаясь ухватить её за руку. – Хочешь вина? Водочка есть русская, коньяк. Пойдём, я же вижу, ты наша.

– Отстаньте! – сердито отбила его потную руку Устинья, глянула на Прохора. – Идём отсюда.

– У-у? – повернулся к нему и детина. – Чего?

Прохор встал, так и не решив, как действовать. Поднимать шум не хотелось.

Детина икнул, ещё раз попытался схватить Устинью за руку.

– Идём к нам, не кочевряжься, у нас весело.

Прохор перехватил его руку, выдохнул:

– Оставьте нас в покое!

– У-у? – непонимающе уставился на него круглолицый. – Да ты чо, братан? Не хочешь потусоваться?

Прохор взял Устю под руку, повёл из зала.

– Эй, ты к-куда? – взревел детина, бросаясь за ними. – И кто разрешил?

Немногочисленные посетители ресторана начали оглядываться, среди официантов поднялась суета.

Детина грубо схватил Устю за плечо.

Она попыталась вырваться, бросила на Прохора беспомощный взгляд.

«Не жуй опилки!» – вспомнил он слова «родича».

Рука сама нашла горлышко бутылки с вином, стоящей на соседнем столике. Он схватил её, занёс над головой, собираясь опустить на голову детины, но в этот момент рядом вдруг возник Саблин, сделал какое-то быстрое движение и повёл обмякшего детину к свободному столику, усадил на стул, пошлёпал по щеке ладонью.

– Посиди тут, отдохни, умаялся, бедолага.

Устя радостно распахнула глаза.

– Дан!

Саблин отобрал у Прохора бутылку, поставил её на столик, за которым сидела пожилая пара немецких туристов, извинился по-английски:

– Сорри.

Устя проводила бутылку большими глазами, перевела взгляд на Прохора.

– Ты хотел... его?..

– Ничего я не хотел, – смущённо ответил Прохор. – Сама легла в руку.

– Идёмте. – Саблин помахал официантам и охраннику, проявившему интерес к случившемуся, взял Прохора и Устю под руки, повёл из ресторана.

Ошеломлённые приятели детины проводили их глазами, но догонять не стали, столпились у задумчивого парня, тупо смотревшего перед собой.

Дверь отрезала начавшийся в зале шум.

– Что ты с ним сделал? – спросила Устя, высвобождая локоть.

– Ничего особенного, – пожал плечами Саблин. – Сжал в дружеских объятиях.

– Прижал сонную артерию, – пробормотал Прохор.

– Ну, может быть, я не обратил внимания. А ты впредь будь поактивней, оценивай ситуацию быстрее. В твоём положении надо быть осторожней.

Саблин посмотрел на шагавшего рядом друга.

Подошли к двери номера.

– Настоятельно советую больше никуда не ходить. Те молодые отморозки вряд ли связаны с Охотниками, но лучше держаться от них подальше. – Дан похлопал Прохора по плечу. – Ну я побежал. А то Лера зажалась уже. Сказал, на минутку, а тут такое.

* * *

Поздно ночью, когда Устя уснула, свернувшись клубочком, Прохор попробовал мысленно «докричаться» до «родича», промучился полчаса и разочарованно повернулся на другой бок, смежив веки. Усталость навалилась как горная лавина, похоронив мысли, надежды и ожидание нового знания. А через минуту в голове зазвучал знакомый мыслеголос:

«Не спишь, братик? А то поговорим позже».

«Нет-нет, – ожил он, приподнимаясь, но тут же лёг снова, так как Устя рядом зашевелилась, поворачиваясь к нему лицом. Он коснулся её плеча, успокаивая. – погоди секунду, я... не один».

«С ней?»

«Она засыпает».

«Поздравляю. Если, конечно, есть с чем. Я уже понял, что ты с Устиньей. Давай я всё-таки приду позже».

«Мы завтра улетаем в Россию, так что до утра я совершенно свободен».

«Пятачок был свободен до пятницы».

«Что?»

«Вспомнил мультик о Винни-Пухе».

«Я мультики не смотрю».

«Зря, наши российские весьма полезны, а главное душевно необходимы. Что ты хотел спросить?»

«У меня много вопросов».

«У меня тоже есть о чём спросить тебя».

«Ты пришёл, ты и задавай».

«Хорошо, выясним главное. Слежки за собой не заметил?»

«Слежкой занимается Дан. К тому же мы в Норвегии... – Прохор вспомнил инцидент в ресторане отеля. – Хотя и здесь проявляются напряжения. Только что к нам в ресторане пристали пьяные земляки».

«Какие земляки?»

«Туристы из России».

«Представь».

«Что?»

«Рассказывать долго, представь в воображении, я считаю».

Прохор послушно вообразил сцену в ресторане.

«Понял, похоже на обычное хамство наших соотечественников, быдла с перстнями и цепями хватает везде. Хотя ты круче, чем я думал, если вцепился в бутылку».

«Сам понимаю, что драку затевать не стоило. Просто эти уроды могут кого угодно довести до греха».

«Не знаю, учись выдержке. Как говорится: не доводите меня до греха, только укажите дорогу. Единоборствами ты не занимался?»

«Делать мне нечего».

«Понял. Прошу тебя не первый раз, будь повнимательней, советуйся с Даном, если хочешь проявить инициативу. Больше ничего тревожного не помнишь?»

«Вроде нет».

«За меня они взялись всерьёз, придётся, наверно, искать новое убежище, это уже под подозрением. Срочно нужен ДД, буду искать».

«Ты уверен, что он поможет?»

«Не задавай пустых вопросов. Что ты хотел спросить?»

«Расскажи поподробней о ДД».

«Математик, у нас он академик РАЕН, путешественник по числомирам, один из первых адептов формонавтики. В других реальностях он может быть кем угодно. Кстати, мы с тобой в других мирах образуем такую диаспору, что диву даёшься».

«В каком смысле?»

«Мы математики только в трёх превалитетах, в остальных Прохоры Смирновы врачи, писатели, философы, судьи, инженеры, охранники и даже рабочие».

«Что значит – даже?»

«Я имею в виду, что не все мы имеем высшее образование. Охраннику зиндана оно просто не нужно. А в сто семьдесят седьмом числомире Прохор – художник».

«Здорово! Творческая личность. У нас неплохая родовая линия!»

«Не кичись этим ни перед кем, нам просто повезло. Да и не главное – кто чего достиг, главное – какой это человек, добрый или злой, душевный или чёрствый. Я тоже не ангел, но в тебе больше негативного».

«Это почему?» – озадачился Прохор.

«Потому что твоя мягкотелость мешает тебе на протяжении всей жизни».

«Много ты знаешь».

«Знаю!»

«Откуда?»

«У тебя на черепе написано, что ты за человек. Вернее, под черепом».

«Ты копался в моей душе?» – возмутился Прохор.

«Не в душе – в памяти, но тут уж ничего не поделаешь. Не переживай, я никому не расскажу... о себе самом. Вопросы ещё есть?»

Прохор помедлил, испытывая неловкость, раздражение и неприязнь. Его память хранила немало такого, о чём он предпочёл бы забыть.

«Не злись, – примирительно сказал Прохор-11, – я посмотрел только самое необходимое».

«Тебе было бы приятно, что в тебе кто-то копается, изучает память?»

«Абсолютно с тобой согласен. Но это уже произошло. Если тебе будет спокойней, могу сбросить тебе все «файлы» моей памяти».

«Благодарю покорно, я не любитель копаться в нижнем белье. Сколько раз ты выходил в... э-э...»

«В «матрёшку»? Не сосчитать, больше полусотни».

«И везде мы одинаковые?»

«Что ты имеешь в виду? Прохоры Смирновы есть во всех числомирах, но они разные – по жизни, по судьбе, по образованию».

«Я имею в виду человека вообще. Он везде человек?»

«Во всех превалитетах, которые я посещал, человек как разумное существо оставался человеком. Но я не забирался глубоко в Бездны, существует опасность не вернуться. Самый крайний превалитет, в котором я был недавно, образован числом 10000».

«Мириадой».

«Это уже глубоко, но и там люди живут практически так же, как и мы, если не учитывать текучесть и изменчивость форм объектов».

«Не понял».

«Вещи там меняются чуть ли не от мысли человека, хотя воспринимается это как обычное явление. Всё дрожит и деформируется, как мыльная пена под дуновением».

«Что ты там делал?»

«Искал след ДД. Если удастся его найти, можно будет разработать стратегию поведения и избавиться от Охотников. Во всяком случае, я в это верю».

«Где ты был ещё?»

«В четырёхзначном репьюните, в мире харшада. Это очень интересное число, делящееся на...»

«Сумма составляющих его цифр – 1729. Не забыл, что ты разговариваешь с математиком?»

«Извини, привык иметь дело с дилетантами».

«Ты говорил о спектрах форм».

«А мне об этом рассказал ДД. Существует спектр форм Бытия, первый уровень которого образуют объекты физического плана: они меняются быстро, от цифры к цифре, от числа к числу. Второй уровень – живые объекты, они меняются медленнее. Третий – семантическая мода, это смыслы и суть процессов, в том числе психических, где объектами являются мысли, эмоции, представления, идеи. Они почти не меняются, точнее, образуют растущий Ствол Вселенной, так сказать, Древо Мироздания, что своеобразно понимали древние мыслители. Четвёртый уровень – сознание, осмысление, мышление, и пятый – Душа Мира, которая не меняется ни в каком смысле, являясь Абсолютом. Нет её – нет и Вселенной».

«А Дух? Ведь всегда мыслились триедино Материя, Душа и Дух».

«В каком-то смысле Дух – явление собирательное, его воспринимают и поддерживают люди святые. Хотя, наверно, и мы можем присоединиться... если перестанем совершать неблаговидные поступки. Но это уже моё личное мнение».

«Других разумных ты видел?»

«Нет, хотя слышал о хомуниках: после тысячного превалитета на Земле появляются и другие формы разума – у земноводных и у мышей. Однако мои... то есть наши «родичи» там с ними не встречались».

«Хотелось бы посмотреть... Ещё ты упомянул о спектрах форм неживых объектов».

«Это отдельная и очень интересная тема, поищи материал у формологов, в Интернете. У нас жил писатель-фантаст Днепров...»

«У нас тоже».

«Он набрёл на вкусную идею, что многообразие всех форм одного и того же тела образует спектр форм – плотное непрерывное множество или ещё одно измерение – Ф. Для каждого объекта оно своё, в котором этот объект может существовать физически».

«Классная идея!»

«Согласен, для фантастического рассказа просто гениальная, только писатель не учёл одного: цифры структурируют не отдельные объекты и их форму, а пространство в целом, вакуум! Понимаешь? А уж оно порождает форму – тетраэдр, гектаэдр, икосаэдр и так далее».

«А как в таком случае понимать то, что чем глубже погружаться в миры Бездн, тем больше общая форма Бытия приближается к шару?»

«Молодец, соображаешь, весь в меня. Конечно, миллионногранник – уже почти шар в большом приближении, поэтому и миры Бездн – это сферы в семантическом смысле, «мыльные пузыри», ансамбли иллюзий».

«Надо поразмышлять».

«Поразмышляй, это полезно».

«Почему только мы можем ходить по числомирам?»

«Не только мы, но формонавтами могут становиться лишь люди со встроенным механизмом числовой призмы, способные волевым усилием менять-разлагать спектры чисел и ловить пси-сферы «родственных субъектов».

«Если честно, я думаю над этим не один день, но пока что до конца не осознал реальность происходящего».

«У меня этот процесс занял три месяца, всё казалось – ерунда собачья, воображение разыгралось, шиза в голову ударила. А теперь вот приходится реально скрываться от Охотников. Они, сволочи, могут внедряться в других людей, в том числе – близких мне, и того и гляди кто-то из друзей выстрелит тебе в спину, образно говоря. Хорошо, Дан не поддался внушению, выбросил тварь из головы, а если бы не смог?»

Проход поёжился.

«Дан сильный парень».

«Благодари судьбу, что он твой друг».

«Почему бы тебе самому не научиться внедряться в других людей?»

«Вряд ли это возможно».

«Если умеют Охотники, сумеешь и ты, принципиальных-то ограничений нет?»

«Логично, я подумую».

«Ладно, последний вопрос, я тебе его уже задавал: имеют ли под собой физическую реальную почву мнимые числа?»

«Нет, думаю, это чисто формалистский инструмент математики, помогающий вести расчёты и строить цепи взаимодействия между дисциплинами. В природе мнимых чисел не существует. Зато существует то, что мы называем пересечением противоположностей, невозможными состояниями, размазанными неопределённостями типа «когда-нибудь» и «возможно да, возможно нет», расслоёнными нереальностями, и тому подобные вещи».

«Кое о чём я читал».

«Преимущество математика. Поговорим об этом в другой раз, эта тема требует времени».

«А давай махнём куда-нибудь подальше! – возбудился Прохор. – В один из твоих экзотических Ф-превалитетов!»

«Для этого тоже нужно немало времени, а ты не один. Не забывай, когда твоё «психо» вылетает из тела в «матрёшку», тело остаётся лежать бревном. Кого хочешь можно довести до инфаркта!»

«Понял, жаль».

«Чего жаль? Завтра вы будете в Москве, и я приду, тем для общения много. Какое время тебе удобней?»

«Вечером, часов в одиннадцать».

«Ок. До встречи».

И Прохор остался наедине с самими собой внутри себя.

Полежал, открыв глаза и ничего не видя. Устя сонно вздохнула, прижимаясь к нему тёплым боком, и он уснул тоже, окунаясь в приятную бездну сна, таинственную не меньше, чем настоящие Бездны Мироздания.

Второе отрицание

Возвращение домой получилось обыденным и простым.

Долетели из Бергена в Москву, высадились в аэропорту терминала «А» Шереметьево, на аэроэкспрессе домчались до Белорусского вокзала, сели на автобус у метро «Щёлковская» и к шести часам вечера 13 июня были в Суздале.

Подруга Саблина Лера уехала от автовокзала на «Мазде», вызванной Саблиным ещё до приезда в город, а сам он, Прохор и Устя сели в его «Киа-Вондер», который к автовокзалу пригнал один из доверенных сотрудников клуба «Чемпион».

– Домой не поедешь, – заявил Дан. – Сначала я проверю, «пасут» тебя здесь или нет, потом подумаем, как себя вести. Едем ко мне.

– Подвезите меня домой, – попросила Устинья, задумчивая и рассеянная в течение всего времени полёта и езды на перекладных. – Мама не поймёт, если не получит объяснения, почему я задержалась. Если захотите, встретимся завтра.

– Захотим, – уверенно бросил Саблин, глянув на не менее задумчивого Прохора. – Он захочет.

Завезли Устинью домой, на улицу Ленина (она жила возле парка) и поехали к Саблину.

– Вы даже не поцеловались, – заметил Данияр, когда машина петляла по улочкам города. – В чём дело? Поссорились?

– Всё нормально, – пробормотал Прохор, чувствуя странную опустошённость и раздвоенность в душе. – Она всё поняла.

– Я не об этом. Тепла не вижу. Может, ты ей что-нибудь брякнул неприятное?

– Ничего я не брякал. – Прохор с трудом выплыл из своего меланхолического состояния. – Мы не выясняли отношений и не ссорились, я сказал, что люблю её, но я не могу всё время думать о ней.

– Это заметно.

– Что?

– Что ты не думаешь о ней. И она это чувствует.

– Кончайте меня пилить! – разозлился Прохор. – Одному кажется, что я не так отношусь к Усте, и второй начинает нотации читать на эту же тему! Сам-то давно одумался, жениться собрался?

– Я не читаю нотаций, – примирительно сказал Саблин. – Просто вижу, что ты колеблешься. Не хочешь с ней жить семейно, так и скажи, она же переживает, надеется, а ты молчишь как рыба об лёд.

– Сам разберусь, – остыл Прохор.

– А кого ты имел в виду, кто тебя пилит кроме меня?

– Есть один... родственничек.

– Одиннадцатый? – догадался Саблин. – Тогда я не зря тебя пилю, он знает больше и видит дальше. Прислушался бы к его мнению.

– Сказал же – разберусь.

Данияр поставил машину во дворе своего старого семиэтажного дома, и они поднялись к нему в квартиру на последнем этаже.

– Располагайся, – сказал Саблин, снимая туфли и доставая мобильный. – Если всё будет тихо, завтра отвезу тебя домой.

Прохор поставил сумку с вещами, прошёлся по небольшим комнатам саблинской квартиры, где не раз ночевал, сел на диван, пребывая в тумане подавленности и отрешённости. Делать ничего не хотелось, мысли текли вяло и медленно, однако и сидеть, тупо пялясь в стену, не хотелось тоже. Душа требовала действия и одновременно не знала, чем занять хозяина.

Саблин кому-то звонил, выходил, раздевался, одевался, снова звонил, включил компьютер, поговорил с кем-то по скайпу, мылся, звенел посудой на кухне, а Прохор всё сидел и наливался меланхолией, пока не пресытился ею до отвращения.

Сбросил одежду, постоял под душем.

Полегчало.

Саблин позвал его на кухню.

– У меня особенного ничего похавать нет, сыр вот сохранился да курага, орехи ещё есть к чаю, могу яичницу предложить. Ты как?

– Ничего не хочу, – отказался Прохор. – Чаю попью, с курагой и орехами. Дозвонился до кого-нибудь?

– Как я и предполагал, за твоей квартирой ведётся наблюдение. За моей пока нет. Поэтому поживёшь какое-то время у меня. Что делать дальше, будем решать завтра, мне надо встретиться с одним человеком, он поможет прояснить ситуацию. Чем будешь заниматься – решай сам, но на работу тебе выходить пока нельзя. Сам должен понимать.

Прохор вспомнил о своей идее сделать эргион.

– Мне есть чем заняться.

– Вот и прекрасно, главное, не тосковать и не гнать пургу, всё в конце концов придёт в норму.

– Ты веришь? – хмыкнул Прохор.

– Я верю, что мы справимся со всеми бедами, – серьёзно проговорил Саблин.

Прохор вспомнил заявление «родича» из одиннадцатого Ф-превалитета (благодаря судьбу за Дана) и подумал, что ему действительно повезло, что этот человек его друг.

До глубокой ночи он терпеливо вырезал палочки из дерева и склеивал эргион – так, как понимал его сложную «матрёшечную» структуру. Собрал внутренний модуль – икосаэдр, принялся за внешний – додекаэдр. Но глаза начали слипаться, пальцы дрожать, и он с сожалением оставил это занятие, понимая, что за один вечер невозможно собрать четырёхфигурный геометрический ансамбль – один многогранник в другом.

Саблин дважды куда-то исчезал, появлялся, загружал холодильник, включал компьютер, пока наконец не успокоился окончательно, поговорив с Лерой по скайпу. Предложил, остановившись в проёме двери:

– Есть хочешь? Я купил пиццу с грибами, блинчики с творогом, ветчину, молоко и хлеб. Да, ещё кефир.

– Кефир.

– После Норвегии похудеешь.

– На ночь предпочитаю живот не набивать.

– Похвально, толстый ты будешь несимпатичен. Это ты энергон делаешь? – Саблин с любопытством взял в руки крохотный икосаэдр.

– Эргион, энергоинформационный геометрический модуль. Одиннадцатый утверждает, что с его помощью можно овладеть азами формонавтики.

– Мне бы такой тоже не помешал.

– Ещё надо будет проверить, действует он у нас или нет. Вдруг его силы проявляются только в одиннадцатом числомире?

– Не может быть, все миры должны подчиняться одним и тем же числовым и формовым законам, иначе между ними не было бы связи.

– Надеюсь, так оно и есть.

Внезапно ожил мобильный телефон Прохора, лежащий на столе.

Оба посмотрели на него с одинаковой настороженностью.

– Кто это? – спросил Саблин. – Если не Устя, лучше не...

Прохор глянул на высветившийся номер.

– Прыщик...

– Кто?!

– Костя Шишканов, программист с работы.

– Рыжий такой, небольшого росточка? Я бы посоветовал не отвечать.

– Он и так подозрительный, вокруг вертится, начнёт всех расспрашивать, если не отвечу.

Он мне даже в Норвегию звонил. Я не ответил.

Прохор коснулся пальцем сенсора ответа, не включая видеоканала:

– На трубе.

– Привет, Кириллович, – заговорил Константин радостным треном. – Я тебе со вчерашнего дня не могу дозвониться. На пляже пропадаешь? Рельсин сказал, ты в отпуске.

– Отдыхаю, – лаконично сказал Прохор.

– Где, на Кипре? Или в Хорватии, как в прошлый раз?

– В Черногории.

– Балканы? Неплохое местечко выбрал. Я там был года два назад. А где остановился?

– Город Будва, – подсказал Саблин еле слышно. – На берегу залива.

– В Будве, на берегу залива, – повторил Прохор.

– В Будве я не был. А отель?

– «Фор сизонс», – добавил Саблин.

– Отель «Фор сизонс».

– Отличный отель, у них пятизвёздочная система по всему миру. Когда назад?

– А что?

– Ты обещал мне материал по числонавтике, я кое-что накопал в Инете, но мало. Хочу заняться.

Саблин показал два пальца.

– Через две недели буду, – пообещал Прохор.

– Эх, долго ещё ждать. А может, я к тебе рвану, в Будву? – Константин хихикнул. – Вот оторвёмся! Если, конечно, шеф отпустит. Ты там один?

– Нет.

– Ну, с компанией отдыхать веселей. Будь, до связи.

Прохор опустил телефон, встретил взгляд Данияра.

– Пристал, как репей.

– Это плохо, – качнул головой Саблин. – Что-то раньше я не замечал, чтобы он так тебя доставал. Боюсь, Прыщик твой один из наблюдателей, о которых нас предупреждали.

– Не много ли их? – скептически поджал губы Прохор. – Одни следят за домом, другие – за фирмой, третьи – за городом...

– Видать, серьёзно влип твой «родственничек» из одиннадцатого провали... как правильно?

– Превалитета.

– Он тебе не объяснил, что произошло?

– Сам не знает, потому и пытается найти коллегу по числотуризму. Откуда ты узнал, что за моим домом следят?

– Перед отлётом попросил парней из департамента ВИП-охраны, они и вышли на команду «глазников». Дежурят в три смены три человека, два мужика и женщина.

– Кто они?

– А бог их знает, неизвестно. Хотя женщина, похоже, живёт в твоём доме. Чтобы узнать, кто они, надо всех задержать, а такого приказа не было. Так что соваться туда тебе не резон. Я даже не уверен, следят ли за моей квартирой или нет, дважды за сегодняшний вечер видел во дворе одну и ту же рожу. Надеюсь, завтра утром станет всё ясно.

– Каким образом?

– Я попросил своих последить и за моим домом.

Саблин принёс кефир, ломоть белого хлеба.

– Что-нибудь ещё?

– Благодарствую, не надо.

Проخور задумчиво выцедил кружку кефира, привёл себя в порядок и нырнул под простыню на диван, разложенный Данияром. Несколько минут размышлял над своим положением, надеясь, что оно улучшится в скором времени, дождался обещанного визита Прохора-11, незаметно задремал.

Однако поспать спокойно в эту ночь ему было не суждено.

Одиннадцатый «родич» сдержал слово и появился, когда Проخور расслабился окончательно:

«Привет, братишка, не спишь?»

– Нет, – подхватился Проخور, открывая глаза. Поправился, переходя на мысленную связь:

«Нет, только лёг».

«Извини, дела задержали. У нас давно ночь. Что нового?»

«За домом следят».

«Этого можно было ожидать. Они сели тебе на хвост».

«Я остановился у Дана, завтра будем думать, как избавиться от слежки. У него хорошие связи в полиции».

«У меня тоже хорошие, Юстя работает в ОПОНе, только помогает это мало. Будем надеяться, что Охотники не примутся за тебя по полной программе».

«А что, могут?»

«Они не знают, поддерживаем ли мы связь, но превентивно будут отслеживать всех Прохоров. Не исключено, что подсунут провокатора, чтобы выяснить, что ты знаешь».

«Уже подсунули».

«Прыщика?»

«Опять ты копаешься в голове без разрешения?!»

«Прости, это происходит само собой, не злись. Я открываюсь далеко не всем нашим «родственникам», это чревато последствиями, поэтому вынужден скачивать информацию напрямую из памяти. О тебе я знаю не так уж и много».

«А я о тебе ничего!»

«Я же предлагал скинуть «файл».

«Давай, а то чувствую себя как бедный родственник. Нашёл ДД?»

«Пока нет, это процесс долгий и непредсказуемый. Я составил план поисков по числомирам, но не уверен, что он правильный».

«Если этот твой ДД живёт у вас, почему ты ищешь его в других измерениях?»

«У нас он просто исчез – физически, то ли скрылся за границей от преследования, то ли нашёл убежище в России, то ли его вообще убили. Но он вполне мог, так сказать, переселиться в одного из своих «родичей» в других превалитетах либо оставить письмо на крайний случай, где его можно найти».

«Ты в это веришь?»

«Что мне остаётся? Кстати, и в вашем втором превалитете должен быть свой Дмитрий Дмитриевич Бурлюк, я просил тебя выяснить».

«Я только что вернулся из Норвегии, завтра займусь. Но, допустим, он есть, как ты собираешься с ним встретиться?»

«Если честно, я не верю, что ваш ДД что-то знает, уж слишком близок ваш Ф-превалитет к Первомиру, весь на виду, но проверить необходимо. А сделать это придётся тебе».

«Спасибо за заботу, заняться мне больше нечем».

«Я бы не просил, если бы от этого не зависела моя жизнь. Да и твоя тоже».

«Ещё раз спасибо, что разворошил осиное гнездо».

«Так получилось, я не знал, насколько опасны путешествия духа по другим телам и мирам. Дан предположил, что и я мог бы диктовать всем «родичам» свою волю, раз это умеют делать Охотники. Но это было бы обыкновенным насилием над личностью, ведущим к почернению души, говоря образно. Поэтому приходится всех просить о помощи».

«Многих уже просил?»

«Троих, ты четвёртый».

«Интересно, как это выглядит? Я имею в виду – вселение с подавлением воли».

«Что-то изменилось в пространстве беседы».

Показалось, в голове проснулась и начала расти тёмная гора, посмотрела на него – изнутри! – угрожающе и зловеще. Качнулись стены комнаты, диван, весь дом. Душу охватил леденящий страх. Сознание пискнуло, пытаюсь увернуться от сжавшей его лапы чужой воли. На миг всё стало безразлично, мир вокруг обесцветился и посерел... и всё прошло!

Прохор хватанул ртом воздух, словно вынырнул из глубин океана, сел на диване, с удивлением обнаружив, что никакой воды нет, а по лицу струится пот. Вытер пот со лба дрожащей ладонью.

– Чёрт!

«Понял теперь?»

«Жуть колдовская! Ты не маг, случайно?»

«Обыкновенный математик, магией никогда не интересовался и не занимался. Даже молиться не умею. Как говорят: молитва – прямое обращение к Богу, магия – коррупционная схема в обход. А я не коррупционер».

«Сильное ощущение! Подожди, я сейчас».

Прохор сходил в ванную, умылся, глотнул на кухне минералки и снова расположился на диване.

«До сих пор голова гудит! Как ты это делаешь?»

«Абсолютно рефлекторно, без всяких уговоров и каких-либо заклинаний: просто беру сознание под контроль. Научился даже стирать в памяти «родичей» следы своего присутствия. Спросишь – как, не скажу, усилием воли».

Прохор поёжился.

«Ты и у меня стирал?»

«Нет, с тобой мы на равных. Я даже уверен, что не смогу это сделать».

«Почему?»

«Ты живёшь в мире первоцифр, двойка выше по уровню изначальности, чем число одиннадцать. Поэтому твой превалитет «отрицает» Монаду – Первомир лишь один раз, а мой – дважды, что ослабляет реальность и материальность мира. Я «иллюзорнее» тебя».

«Ничего себе – иллюзорнее, чуть не оглушил!»

«Это я чтобы ты почувствовал возможности».

«Научи меня входить в «матрёшку».

«Нужен эргион».

«Я уже сделал первый контур».

«Доделаешь – начнём тренироваться».

«Тогда давай опять вместе попутешествуем».

«Гость» помолчал, колеблясь.

«Не вижу необходимости».

«Во-первых, я посмотрю, как ты это делаешь. Во-вторых, попробуем поискать ДД в соответствии с твоим планом».

Проход-11 снова помолчал, пребывая в нерешительности.

«Хорошо, у меня найдётся пара часов, я всё равно собирался ложиться спать. Только предупреду Дана».

«Он с тобой?»

«Недавно вернулся из Суздаля, завтра уезжаем».

«Куда?»

«Сначала хотели в Клин, к его дедам, потом решили махнуть на Алтай. На Чемале есть классный СПА-комплекс «Марьян остров», где работает двоюродная сестра Дана, причём – директором этого комплекса, мне обещают райский приём и спокойную жизнь».

«Я бы тоже не отказался. А Устя?»

«Юстина, ты хочешь сказать? Пообещала навестить, что уже окрыляет. Такое впечатление, что она стала относиться ко мне чуточку теплее, внимательнее, хотя я пока не могу понять – почему».

«Ты с ней...»

«Сплю, люблю, хочу жениться, ты это хотел узнать? Но она настолько самостоятельна и самодостаточна, что о настоящей близости речь не шла. Завидую тебе».

«Только не заводи старую песню, мне ещё надо разобраться... в ситуации».

«Твоя Устя хороший человек, любит, волнуется за тебя, а ты до сих пор глухонемой. Впрочем, ты прав, нет смысла повторяться. Иной раз накатывает – захватить твои мозги да и переселиться в твой мир... навсегда!»

«Э-э, братан, прекрати бред нести! Я тебе не пустой горшок, у тебя должно быть своё место в жизни».

«Ага, должно. Как сказал сатирик: нашёл своё место в жизни, жду, когда оно освободится».

«Некому поплакаться в жилетку?»

«Почему некому? Дан рядом. Только я не привык плакаться. Да и кто бы говорил? Сам-то давно никому не жаловался на жизнь?»

Проход вспомнил недавние разговоры с Устей. Стало стыдно: он и в самом деле не раз жаловался ей на судьбу.

«Вот-вот, – заметил Проход-11, – взрослей, пора уже становиться решателем судеб, а не баржей, которую тянут-толкают буксиры».

Проход стиснул зубы. Нотации «родича» были неприятны, однако справедливы, и спорить с ним означало не уважать ни его, ни себя.

«Замнём тему. Ты не пробовал связать цифры с Гильбертовой пустыней?»

«В каком смысле? Гильбертово пространство допускает бесконечно количество измерений, а пустыня...»

«Я имел в виду энергию до кварк-взаимодействий, о которой практически никто ничего не знает. Есть ли миры, где эта энергия формирует реальность?»

«Никогда об этом не думал, я не физик».

«Этим занимаются космологи. Ладно, извини, я люблю копаться в прошлом Вселенной, там масса интересных вещей. Идём искать ДД?»

«Попробуем. Жди пару минут».

Голос Прохора-11 растворился в гулкой тишине безмысли, затем вернулся после недолгой паузы:

«Предупредил Дана. Тебе привет. Приготовься к погружению».

Прохор послушно расслабился и спустя пару мгновений упал в колодец полной темноты, глубокой тишины и одновременно нарастающего свиста, словно вдруг превратился в падающую на город авиационную бомбу.

Свист оборвался: «бомба» врезалась в препятствие, но не взорвалась.

«Слушай и молчи!»

Зрение прояснилось.

Он сидел за рулём автомашины, мчавшейся по вечернему шоссе среди леса.

Лес менялся на глазах, то вытягивался в высоту, как горный хребет, то превращался в частокол, то начинал светиться и пыхтеть стаями летающих спор.

Дорога тоже плыла, чернея, светлея, сужаясь и расширяясь без видимых причин, меняя цвет и твёрдость. И вместе с ней качались, плыли, изменялись и светились бегущие навстречу автомобили.

Прохор хотел спросить, куда они попали, но вовремя «прикусил язык»: спутник предупредил, что любое его мысленное «движение» выдаст их обоим.

«Родич», в глубины психики которого «высадились» формонавты, продолжал вести машину, поглядывая то на дорогу, то на лес, то на приборы, имевшие округлые формы. Но лишь эта округлость и равняла их с приборами автомобилей в мире Прохора-2. В остальном они казались абсолютно незнакомыми, так как не были снабжены стрелками и показывали не цифры: скорость, частоту вращения генератора, запас топлива и температуру, а какие-то пульсирующие разноцветные графики, синусоиды и звёзды.

В голове Прохора с тихим треском «открылась крохотная дверца» (по его ощущениям), и на сознание «подул ветерок» узнавания деталей происходящего, начали проясняться очертания информационных массивов.

Прохор понял, что его «родич», игравший роль «пилота» в их связке, приоткрыл «лючок» памяти Прохора, в сознание которого они «просочились».

Разобраться в «струях смысла», несущего информацию о жизни здешнего Прохора, было непросто, и всё же спустя какое-то время Прохору-гостю удалось обрисовать контуры ситуации, которую решал сейчас «хозяин».

Он работал судьёй в каком-то «комплетивном» суде Суздаля и размышлял о процессе, начавшемся над группой выходцев из Туркестана (поди разберись, что это за образование), которые охотились за учителями из России и продавали их в рабство в Китай, Японорику (Японию?) и Халифстан (насколько понял Прохор, это было государство, объединяющее Турцию, Иран, Ирак и Афганистан), где те обучали детей и взрослых этих стран компьютерным технологиям, языку, математике и основам Главной Боевой Религии.

Что такое Главная Боевая Религия, Прохор-гость не понял.

Прояснились и условия, в которых жил Прохор-судья.

Суздаль данного Ф-превалитета оказался культурной столицей России, где располагались главные культурно-просветительские центры, оперные и другие театры (был и свой Большой),

музеи, храмы, киноклубы, шоу-баны, подиумы и развлекательно-игровые союзы. Присутствовали в городе и министерства: культуры – отдельно и образования – отдельно, переехавшие в Суздаль ещё в начале века.

Но самым главным потрясением для Прохора-гостя оказалось известие, что вокруг Суздаля построены восемь Главных тюрем России, по мысли создателей направленных на «культурное исправление заключённых»: воров, рецидивистов, бандитов всех мастей специально ради этого водили на концерты и спектакли, дабы они «проникались добром и росли над собой». Идея переноса тюрем из районов Крайнего Севера в Суздаль принадлежала министру образования Фурсичу, которого поддержал тогдашний президент, и уже пятнадцать лет Суздаль жил в окружении пенитенциарных заведений, а его жители с ужасом ждали новых «воспитательных» рейдов, во время которых город буквально вымирал, потому что жители не рисковали появляться в театрах и даже на улицах.

Пока Прохор-2 разбирался в хитросплетениях политики, социальных новостей, культурных нововведений и судебно-полицейских сводок, Прохор-хозяин доехал до мрачного строения за забором из колючей проволоки и загнал машину под навес.

Его встречали трое крупногабаритных мужчин в пятнистой форме, напоминавшей форму спецназа, только пятна на тёмно-зелёных комбинезонах встречающих были ярко-алого цвета.

Он вышел.

Мужчины присели, похлопали себя ладонями по ушам (ничего себе – отдать честь называется), выпрямились.

Они были все приземистые, пухлые, с круглыми лоснящимися лицами, глядя на которые Прохор невольно вспомнил «родного» министра обороны.

Прохора-судью взяли под руки (этикет такой, что ли?), повели к зданию.

Прохор-гость настроился увидеть встречу судьи с начальником тюрьмы или с экаками, но глаза вдруг перестали видеть, он провалился в яму (едва сдержав крик) и очнулся уже на диване в комнате Дана. Приподнялся на локтях:

– Какого дьявола?!

«Спокойно, братишка, нет смысла знакомиться с ним по-серьёзному, – ответил Прохор-11, оставшийся в голове. – В его мире он не знаком с Дмитрием Дмитриевичем Бурлюком».

«Откуда ты знаешь?» – Прохор расслабился, прилёг.

«Полистал его память».

«Где это мы были?»

«Я выбрал числомир под номером 92727».

«Число Армстронга».

«Совершенно верно. Видишь, насколько отличается социальная структура этого прева-литета от наших? Да и физическая тоже, если судить по мерцанию флоры и дрожанию геометрических форм объектов. А фигуры у охранников заметил? Воздушные пузыри! Здешний мир ещё не иллюзия в полном смысле этого слова, но материальная основа его размыта».

«Поехали дальше?»

«Глубже, ты хочешь сказать? Я наметил два пробных погружения в Бездны, существует много интересных чисел...»

«Циклическими не увлекался?»

«А что, красивые композиции, это правда. К примеру, произведение числа 142857 на цифры от единицы до шести записывается перестановкой цифр. А произведение девятизначных репьюнитов¹⁵ вообще является произведением искусства! В общем, их тоже следовало бы проверить, но я уже начинаю сомневаться, что ДД полез в Бездны так глубоко».

¹⁵ 111111111×111111111 = 12345678987654321

«Давай нырнём поближе».

«В другой раз. Меня зовёт Дан, что-то важное сказать хочет. Будь осторожен и до встречи».

Проход-11 вытащил из головы Прохода своё ментальное «щупальце», исчез.

Проход полежал немного, привыкая к тишине и пустоте в голове, хотел было тихонько встать и попить чаю на кухне, но в это время щёлкнул выключатель, и в гостиной загорелась люстра.

В проёме спальни стоял, щурясь, в одних трусах Саблин, разглядывая замершего Прохода.

– С кем разговаривал?

– Да я вроде не...

– Я слышал мычание.

– Чёрт, я ещё не умею говорить молча, – огорчился Проход, – то есть мысленно.

– У тебя был «гость»?

– Проход... одиннадцатый.

Саблин присел на диван.

– Что нового?

Проход помял лицо ладонями, вздохнул, поднимаясь.

– Идём пить чай.

И они пошли пить чай.

Глава 4

Переход через ноль

Чемал

Спорили недолго. Саблин сначала предложил за границу, экзотические пещеры в Италии, Исландский Суртсей, потом вспомнил про Клину, но Прохор от всего отказался, так как зарубежную экзотику не любил, а быть непрошеным гостем в доме деда Саблина не хотел, хотя Данимир уверял, что старики у него классные и будут только рады гостю. Тем не менее Прохор упёрся, и Саблин предложил полететь на Алтай. Там, под Горно-Алтайском, в селении Чемал располагался оздоровительный комплекс «Марьян остров», директором которого была двоюродная сестра Саблина.

– Я отдыхал там дважды, – сообщил Саблин. – Молодёжи немного, пансионат задуман был как место семейного отдыха, поэтому там тихо и очень красиво: природа сказочная, воздух, вода – прямо из речки под окнами пить можно. Но главное – можно зарегистрироваться под чужой фамилией, никто не узнает, что мы остановились здесь.

Последний довод понравился и Прохору.

Четырнадцатого июня самолёт компании «Сибирь» доставил друзей из аэропорта Внуково в Горно-Алтайск поздно вечером. Час ушёл на дорогу от нового аэропорта до Чемала. В половине двенадцатого они встретились с Аллой Юрьевной, двоюродной сестрой Саблина, платиновой блондинкой пятидесяти лет, в её апартаментах в блоке «Правительственный» и остались там ночевать.

Сестра Дана, несмотря на свой возраст, выглядела молодо, вела себя просто, доброжелательно, хотя и сухоовато при этом, и портила её, по мнению Прохора, только одна привычка: Алла Юрьевна курила. Много. За час беседы с приезжими из Москвы она выкурила никак не меньше десятка сигарет «Данхилл».

– Устраиваться в номере будете завтра, – определила она категорично, – сегодня поспите здесь, у меня, я сейчас уеду в Барнаул. Завтра вам дадут двухкомнатный «премьер» в блоке «Ступени», на третьем этаже, и можете начинать отдыхать. Могу поселить и в «президентском» номере, если хотите.

– Нет, – в один голос отозвались Прохор и Данимир.

– Ну и хорошо, «премьер» тоже хороший номер, все удобства к вашим услугам, в том числе Интернет. Могу предложить пару неплохих экскурсий – к мёртвым Каракольским озёрам или на Грымский водопад.

– Мы подумаем, – пообещал Саблин, довольный приёмом, который произвёл на Прохора впечатление. – Мы здесь инкогнито, я предупреждал, поэтому желательно, чтобы нас зарегистрировали под другими фамилиями.

– Девочки знают, всё будет хорошо. Не спрашиваю о впечатлениях, Прохор Кириллович, так как ночью мало что можно увидеть, но уверена, что вам здесь понравится. У нас отдыхают даже московские бизнесмены и политики. Дан всё расскажет и покажет. Если хотите, можете прямо сейчас сходить в баню, у нас их две – русская и с турецким акцентом.

– Да, было бы неплохо, – кивнул Прохор.

– Дан проводит. Завтра меня не будет, но послезавтра я к вашим услугам, побеседуем, посидим в ресторане.

Алла Юрьевна, одетая в бежевый пуловер и красные брюки, направилась к двери, оглянулась на пороге:

– Вы у нас долго пробудете?

Проخور и Саблин переглянулись.

– Я всего на пару-тройку дней, – сказал Данимир, – он – пару недель. И к нам, возможно, присоединится девушка.

– Ради бога, без проблем. Располагайтесь, купайтесь, отдыхайте. – Алла Юрьевна вышла.

– Ну, как она тебе? – поинтересовался Саблин.

– Симпатичная, – пробормотал Проخور, думая вовсе не о сестре Дана. – Замужем?

– Была, детей нет. Деловая до мозга костей, всё тут перестроила, переделала, музей алтайского быта расширила, ещё один корпус достроила. В общем, бизнесумен, каких мало.

– Без мужа...

– Да, счастья нет, и тут уже ничего не поделаешь. Как себя чувствуешь?

– Нормально.

– Какой-то ты усталый. Ничего, здесь есть этнический ЭКО СПА-центр, – Саблин лукаво прищурился, – где тебя ознакомят с древнейшими практиками активации генетического и полового потенциала, враз оживёшь.

– Мне это активировать не нужно.

– Потенциал никому не повредит. В баню пойдём?

– Очень хочется помыться!

– Тогда я сейчас предупрежу администратора и отведу.

Через полчаса они парились в русской баньке настоящими берёзовыми вениками, искупались в бассейнчике с холоднющей речной водой и вернулись во второй корпус пансионата, где располагались «царские палаты» – самые крутые номера комплекса – «правительственные» люксы и один «президентский».

Проخور сразу уснул в спальне, Саблин же, устроившись в кресле в гостевой комнате, занялся делами, не желая посвящать в них друга.

Сначала он позвонил приятелю в Москве, принимавшему участие в прикрытии их отлёта; приятель по имени Гоша работал в частном охранном агентстве и мог организовать негласную охрану обоих в аэропорту.

– Всё нормально, мастер, подозрительной суеты не замечено, – доложил Гоша. – Будете возвращаться – звони, мы организуем сопровождение.

– Спасибо, полковник, – поблагодарил Саблин (Гоша когда-то служил в криминальной полиции и дошёл в звании до капитана), – надеюсь, нам удастся избавиться от этой заразы.

– Бандиты? Или что-нибудь наподобие кровников, жаждущих мести?

– Что-то вроде, – согласился Саблин, не желая объяснять приятелю всю ситуацию с Охотниками.

После этого он позвонил Юстине:

– Мы на месте.

– Что сказал Гоша? – поинтересовалась она.

Саблин испытал неприятное чувство подглядывания.

– Ты знаешь... Гошу?

– Дан, он работал со мной лет шесть назад, до ранения.

– Я не знал.

– Не теряй времени.

– Похоже, нас потеряли из виду. Гоша ничего подозрительного не заметил.

– Встречали?

– Нет, я бы учуял. Всё тихо-мирно, никто глазки не отводит и вслед не глядит. Я ещё осмотрюсь повнимательней завтра, оценю обстановку.

– Звони. – Юстина отключила канал, не пообещав приехать, и Саблин с невольным сочувствием подумал о Прохоре, страдавшем от отсутствия взаимности. Непонятно было, почему

Юстина привчала Прохора и даже спала с ним, не испытывая особого влечения. Однако Прохор терпел такое положение и готов был терпеть и дальше.

Захотелось экзотики: Данимир подумал о походе в «матрёшку» числомиров. Если бы Прохор не спал, можно было бы уговорить его потренироваться с одновременным погружением в удивительную вселенную чисел и геометрических форм. Но было уже поздно, будить уставшего математика ради удовлетворения собственного любопытства не стоило, и Саблин тихонько выбрался из номера, решив прогуляться перед сном.

Климат Чемальской долины имел свою специфику.

Здесь и на пике лета, в июле, мог задуть ветер с горных вершин, охлаждая воздух до температур совсем не летних, и в мае нередко температура поднималась до двадцати пяти градусов по Цельсию. Однако по ночам всегда было прохладно, что и доказала температура нынешней ночи: было свежо, всего около шести градусов тепла.

Вызвездило. Лишь над западными склонами гор небосклон тонул в фиолетовой пелене туч.

Саблин спустился к реке, которую напротив зданий комплекса можно было перейти вброд, плеснул на лицо ледяной воды, быстро продрог и вернулся в номер, представлявший собой резиденцию директора. Сестра не просто останавливалась здесь после частых командировок, она здесь жила.

Наутро друзья переехали в блок «Ступени», заняв соседние номера на третьем этаже: Прохор – двухместный двухкомнатный «премьер», Саблин – одноместный «евростандарт».

Позавтракали на веранде второго этажа ресторана, почти в полном одиночестве по причине раннего утра. Стены ресторана впечатляли, так как были сложены из почти полуметрового диаметра кедровых брёвен.

Записали их под фамилиями Печин и Матросенко, поэтому оба долго шутили издевались друг над другом, придумывая рифмы на эти фамилии и клички. В конце концов Саблин стал «почтальоном Печкиным», а Прохор «котом Матроскиным» из мультфильма «Трое из Простоквашино», что удовлетворило обоих.

– Пойдём, покажу тебе достопримечательности, – предложил Саблин, когда они покинули ресторан. – Вряд ли ты вчера успел что-либо разглядеть.

– Так ночь была, – рассеянно сказал Прохор.

– И я о том же.

Почти не встречая жильцов комплекса, они прошли по плиточной дорожке вдоль зданий, разглядывая одно за другим – блок «Ступени», «Венгерский», «Правительственный», ресторан, спустились к реке, где за мостиком располагалась шашлычная. Река Чемал была в этом месте мелкой, играя струями и бурунами над слоями обкатанной гальки и камней покрупнее.

Этномузей, стоящий перед выездными воротами комплекса, был абсолютно пуст, постояльцы посещали его редко.

– Мало гостей, – кивнул Прохор на стоянку автомобилей под скалой слева.

– Комплекс почти заполнен, – не согласился Саблин. – Просто многие уехали на экскурсии, а многие селятся без транспорта. Да и приезжают чаще всего на два-три дня на выходные, с вечера пятницы по вечер воскресенья.

Вернулись к своему корпусу.

– Заглянем на островок? – кивнул Данимир на зелёный лесной мыс за рекой, на который вёл мостик.

– Не хочу, ещё успею, – отказался Прохор.

– Чем займёшься?

Прохор бросил взгляд на часы.

– Дособираю твой эргион, немного осталось, потом схожу в гости к Прохору-2.

– Шатаеву? – усмехнулся Саблин.

– К Шатаеву, – ответно улыбнулся Прохор. – Пытаюсь привить ему вкус к драйву, воспитать чувство ответственности. Потенциал у него высокий, а характер – ни рыба ни мясо, чисто водолейный, без осевого волевого стержня.

– Смотри, как бы он тебя не перевоспитал.

– Я бедовый, – показал зубы Прохор, – за что и получал в детстве по полной программе. Воспитывали меня воспитывали, но до конца отбить тягу к приключениям не смогли.

Саблин похлопал друга по плечу, довёл до номера и оставил одного.

Позвонил в Суздаль, поговорил с помощником, на которого оставил группу учеников, пообщался с приятелями, потом вышел на балкон со стаканом чистой минерализованной воды из артезианской скважины, которой пользовались все жильцы комплекса, и с удовольствием подставил лицо под лучи солнца, поглядывая на склоны гор напротив, за рекой, поросшие сосново-лиственничным лесом.

Было удивительно тихо, на территории пансионата ценили тишину, и это завораживало, успокаивало, настраивало на философский лад.

Саблин позагорал с час, сходил в ресторан, выпил чашку кофе, вернулся в номер. Хотел было постучать в стену соседнего номера, где жил Прохор, но услышал, как скрипнула дверь на веранде, соединявшей номера третьего этажа, и вышел.

Прохор стоял на нагретом полу веранды в одних плавках и смотрел на лес. Оглянулся.

– Я думал, ты спишь.

– Отдыхаю, но не сплю. Закончил?

– Сейчас покажу. – Прохор вернулся в номер и вынес модуль, склеенный из стеклянных стерженьков и деревянных палочек.

Саблин взял его в руки, разглядывая самое настоящее произведение искусства. Чтобы сделать такой сложный геометрический шедевр – четыре многогранника один в одном, надо было обладать чуткими пальцами, изумительной интуицией, точностью и глазомером, а главное – терпением.

– Какой красивый... – с дрожью в голосе произнёс Данимир.

– Нагрей его.

– Как?

– Мысленно. Он должен прочувствовать тебя и подстроиться.

Саблин сосредоточил взгляд на эргионе.

Какое-то время ничего не происходило. Затем многогранник шевельнулся как живой (создавалось именно такое впечатление), в ладонь сорвалось колечко тепла, и модуль стал шёлковым на ощупь. Длилось это ощущение долю секунды и прошло, но Саблин понял, что эргион настроился на его биополя.

– Ну как? – с любопытством осведомился Прохор.

– Он шевелится...

– Всё в порядке, это эффект гармонизации биополей. Он тебя будет чистить и гармонизировать.

– Каким образом?

– Ты почувствуешь, насколько легче станет работать организм.

– Давай попробуем его в эксперименте.

– Для этого надо нырять в Бездны, а я сейчас не настроен, хочу просто подышать чистым воздухом и расслабиться.

– Ладно, дыши, я у тебя воздух не отнимаю. Появится минутка, дай знать, мне почему-то кажется, что умение ходить по числомирам «матрёшки» мне скоро понадобится.

– Не бойся, что и за тобой начнут гоняться Охотники?

– Пусть попробуют.

Прохор задумчиво оглядел лицо Данимира, покачал головой.

– Мне когда-то тоже казалось, что я легко отобью любую ментальную атаку. А теперь приходится прятаться от друзей.

– От меня прятаться не придётся.

– Надеюсь.

Саблин не обиделся, вполне понимая чувства друга. К тому же Охотники могли повторить пси-атаку на него и попытаться зазомбировать, внедрить своего эмиссара. Чем закончится эта попытка, он не знал, хотя готов был сражаться с зомбирующей программой не на жизнь, а на смерть.

– Тогда идём обедать, уже время.

Прохор посмотрел на солнце, прищурясь, кивнул с запозданием.

– Можно и пообедать. Ты звонил Юсте?

– Звонил.

Ответ Саблина был так лаконичен, что Прохор улыбнулся.

– То есть её можно не ждать?

– Она так не сказала, а ты мог бы не спрашивать, зная её занятость.

– Знаю, потому и не жду.

– Ты ошибаешься.

– Относительно чего? – не понял Прохор.

– Относительно поступков Юстины. Если бы она тебя не ценила, давно ушла бы и не встречалась. Просто у неё такой характер.

– Если бы она меня ценила, мы давно жили бы вместе. Так что ошибаешься ты.

Саблин задержался на пороге.

– Мой наставник говорил: если ты можешь исправить последствия своей ошибки, ты ещё не ошибся. Поэтому мы оба ещё в начале пути. – Он подумал. – Иногда совершаешь такие поступки, что тараканы в голове аплодируют стоя. – Он ещё немного помолчал. – Хотя я никогда не ошибаюсь.

Прохор засмеялся, подтолкнул его в спину:

– Иди, философ. Математику в институте нам преподавал профессор Чмыхало, так он любил повторять: возможно, твои ошибки – то, что нужно Вселенной.

– Меткое замечание, я запомню, – пообещал Саблин.

Пообедали, отведав на первое грибной суп, а на второе – котлеты из марала.

– Прогуляемся? – предложил Саблин, когда они вышли из ресторана, с удовольствием окунаясь в солнечные лучи; стояла идеальная для этих мест погода.

– Нет, я бы поспал, – признался Прохор.

– Давай всё-таки потренируемся нырять в «матрёшку», пока есть время.

– Успеем ещё.

– Поверь, интуиция подсказывает, что чем раньше я это освою, тем лучше.

Прошлись по красным плиткам тротуара до своего корпуса, провожаемые взглядами стайки молоденьких девушек, разбирающих свои сумки.

– Хорошо, часок позанимаемся с эргионом, – сдался с неудовольствием Прохор. – Будем проходить азы формонавтики постепенно, не гоня лошадей. Ещё надо решить, где ты остановишься.

– В двойке.

Прохор оглянулся, начиная подниматься по лестнице на третий этаж.

– Ты имеешь в виду Саблина-2?

– Ну да, я у него уже был, «братик» ведёт себя достойно, не комплексует, сразу всё понял. Заодно узнаем, как у них идут дела, не преследуют ли Охотники.

– Я недавно разговаривал со своим визави, он сейчас как раз гостит у второго Саблина. Похоже, за ним начали следить.

– Тем более надо побеседовать с «родичем».

Они поднялись в номер Смирнова.

– Устраивайся поудобнее, – кивнул Прохор на диван, – лучше лёжа, по себе знаю. Пока ты будешь в гостях там, я тут тебя покараулю.

– Зазвонит телефон, не отвечай, я потом перезвоню. – Саблин устроился на диванчике, положил голову на боковой валик. – Я готов.

– И ещё совет: почувешь неладное – рви когти обратно! Но не паникуй, не то занесёт куда-нибудь, перепугаешь своих «родственников» в других превалитетах.

– Не запаникую.

– Процедуру помнишь?

Саблин сосредоточился на алгоритме вхождения в «соседние измерения», положил эргион на грудь, накрыл ладонью. Сердце забило сильнее, но он успокоил его мысленным усилием.

– Иди «медленно», – добавил Прохор, наблюдая за ним. – Сначала в десятый числомир, за ним в девятый и так далее.

– А сразу в двойку нельзя?

– Можно, но ты не имеешь опыта и можешь залететь в Бездны. Будем передвигаться мелкими шажками, только не останавливайся, пока не выйдешь в голове второго Дана.

– Помню.

– Тогда вперёд, формонавт!

Саблин закрыл глаза, настроился на медитацию.

Эргион под рукой на мгновение стал горячим, волны тепла побежали от него во все стороны, поднялись по руке к голове, разошлись по телу.

Навалилась темнота. Слух отказал. Но уже через мгновение перед глазами вспыхнул свет, Дан увидел какие-то движущиеся тени, однако разобраться в их происхождении не стал и нырнул глубже, нащупывая путь в сознание «соседнего» Дана Саблина, живущего в числомире под номером 9.

Снова навалились темнота и глухая ватная тишина. Сменились неярким жёлтым светом: в мире Саблина-9 царил вечер, а сам он ехал в лифте с прозрачными стенами, позволявшими видеть пейзаж снаружи здания.

Дальше!

Тишина, немое молчание «колодца», соединявшего психики «родственников» во всех числомирах.

Свет, льющаяся вода, смех... пляж, что ли?

Не останавливаться!

Наконец, вычислив остановку, Саблин в здравом уме и твёрдой памяти «затормозил» свой ментальный полёт.

Перед глазами развернулся небольшой уютный кабинет с двумя стеклянными, вычурной формы столами, на которых стояли подставки объёмных компьютерных дисплеев и разнообразные кассетные стекляшки для дисков и флэшмобов, лежали ручки, листы бумаги, папки и прочая канцелярская белиберда.

За одним из столов сидел мужчина лет сорока, сухощавый, по-модному полубритый и в модной же синей рубашке-апаш; он изучал документы в растворе экрана напротив.

Саблин-2 занимался непонятными расчётами, поглядывая изредка на свой светящийся экран. В момент появления гостя из одиннадцатого числомира он подносил ко рту чашку с дымящимся кофе.

Данимир испугался, что его «родич» расплескает кофе, но Саблин-2 – его звали Данияром – выдержал паузу, аккуратно поставил чашку на стол и склонил голову к плечу.

«Насколько я понимаю, ты ко мне?»

«Да, привет», – торопливо сказал Саблин, мимолётно удивляясь своей способности разговаривать мысленно.

«Минуту». – Саблин-2 встал, посмотрел на соседа за вторым столом.

– Женья, никого не пускай за мой стол, я сбегаю за угол.

– Уговорил, – косо посмотрел на него сосед, ухмыльнулся, оценив шутку. – Кофе допей.

Саблин-2 последовал совету, выскочил из кабинета, махнул рукой симпатичной секретарше в приёмной, вышел в коридор и устроился в кабинке туалетного блока в конце коридора.

«Извини, не хочу, чтобы меня всё время отвлекали. Что случилось?»

«Мне сделали эргион, и я могу теперь сам бродить по числомирам. Это тренировочный выход».

«Разве прошлый раз ты выходил без модуля?»

«То был эргион Прохора».

«Завидую, у меня эргиона нет».

«Скажи Прохору, он сделает».

«Он себе ещё не доделал».

«Пусть поторопится, назревают какие-то события, а помощи ждать неоткуда, не считая нас. Где твой напарник?»

«Мы с ним в Суздале, вернулись из Норвегии, он пока живёт у меня. Решаем вопрос, куда бы податься, чтобы никто об этом не узнал».

«Мы с моим Прохором на Алтае, в оздоровительном центре «Марьян остров» на Чемале. Здесь директорствует моя двоюродная сестра Алла».

«К сожалению, моя двоюродная сестра Ариадна гостиницей не владеет, она медик».

«Если вы собираетесь уезжать, значит, в Суздале беспокойно?»

«За квартирой Прохора установлено наблюдение. Боюсь, филеры скоро примутся и за меня. Надо ехать. Хотя проблемы отъезд не решает».

«Знаю, говорил со своим Прохором, он ищет ДД, который может прояснить ситуацию и дать совет, как избавиться от Охотников. Самое плохое, что мы не можем взять «языка» и допросить. Пробовали захватить двух следопытов, но они тут же превратились в мирных граждан».

«Охотники убрались из их голов?»

«Точно, поэтому мы пока не выработали никакой стратегии сопротивления. Бегство – не стратегия. Прохор бродит по мирам, ищет след ДД, но до сих пор не нашёл».

«Давай думать вместе, вы там, мы здесь».

«Это я и хотел предложить. Я возвращаюсь, но будь готов обсудить варианты».

«Удачи!»

Саблин вспомнил советы Прохора, осторожно выбрался из головы «родича», оставляя его в туалете, и через несколько мгновений бесшумного «движения без движения» вынырнул в собственном теле.

Облегчённо вздохнул.

Прохор, сидевший за столиком с книгой в руках, заметил, что он открыл глаза.

– Вернулся?

– Ага, – хрипло ответил Саблин, принимая вертикальное положение, сел поудобней. –

Как приятно чувствовать собственный организм!

Прохор сунул ему стакан холодной воды.

– Рассказывай.

Саблин опустошил стакан, расслабился, коротко передал разговор с «родичем» из второго Ф-превалитета. Улыбнулся с неожиданным для себя смущением:

– Хотел пойти дальше, но вовремя одумался.

– Куда – дальше? – не понял Прохор.

– В первый превалитет, а то и в нулевой.

Прохор покачал головой.

– Мы здорово похожи, я тоже пытался это сделать. Из первого меня вытолкнуло коленом под зад, да так, что я еле очухался! А нулевой вообще недоступен, это мне ещё ДД сказал.

– Почему?

– Ноль – не цифра, не число, это чистая непроявленная потенция, шуньята индусов, Монада, Навь, Единое, Абсолют и бог ещё знает что! Трудно даже найти нужный термин и уяснить его смысл. Я не уверен даже, что он структурирует реальность, потому что для этого нужно организовать бесконечность и Вечность, а это в принципе невозможно.

– Но, может быть, это мир Творца, в котором он живёт?

– Творца чего?

– Нашей Вселенной... «матрёшки».

– Наша Вселенная, какой её видят астрономы, – это всего лишь один из вариантов Универсума, ноль не может реализовать Всё! Хотя его и считают бесконечной возможностью потенций нереализованных реальностей.

– И всё же было бы любопытно посмотреть на тот мир изнутри.

Прохор улыбнулся.

– Согласен, давай хотя бы помечтаем об этом. Как тебе само путешествие? Никого из «родичей» не перепугал своим появлением?

– Я не высовывался, сразу прыгал дальше.

– Молодец, правильно делал, любая задержка в умах других Саблиных могла их ошеломить, что сказало бы и на поведении. Я научу тебя «не высовываться» из своего ментального панциря.

– Я и сам, похоже, понял, как надо прятаться, но подсказка не мешает. Кстати, тебе не кажется неправильным называть числопутешественников формонавтами? Должна меняться форма объектов, так? А она не меняется.

– Просто ты дальше второго Ф-превалитета не ходил. Чем глубже в миры Бездн погружаешься, тем большую роль играет геометрическая основа бытия. Я заходил в мир пятизначного числа Армстронга, так там геометрия базируется на мультимногограннике, близком к сфере из-за большого количества граней. Ярко выраженных резонансов на основе простых многогранников типа тетраэдра или куба я не заметил, видел только машины, но они тоже изменялись по ходу движения, как... капли воды.

– Жидкая скульптура?

– Ты угадал. Уже в наших превалитетах технологии используют законы «жидкой скульптуры», а там это реализует сама природа, без участия человека. Изменение геометрии мира мало заметно в мирах Первоцифр от одного до десяти, плюс числа до сотни, насколько я могу оценить. Дальше начинается такая интересная готика, такой модерн и хай-тек, что уму непостижимо!

– Это радует, – хмыкнул Саблин.

– Что радует?

– Меня радует, что я могу увидеть эти ландшафты и архитектуру.

Прохор помрачнел.

– Если отобьём атаки Охотников. Всё, иди отдыхай, занимайся своими делами, я прилягу, что-то в сон потянуло.

– Воздух влияет, твой организм начал очищаться и одновременно самоотравляться выходящими токсинами. Через пару дней это пройдет.

Саблин махнул рукой и вышел из номера, заново переживая своё путешествие в «параллельный двумир», где жил такой же Дан Саблин, только рождённый совсем для других дел.

С час он бродил по окрестностям пансионата, побывал на островке напротив, расчерченном плиточными дорожками для прогулок, позубоскалил с дежурными администраторами и даже по их подсказке принял ванну с углекислым газом, благотворно влияющую на кожу всего тела.

В начале шестого приехала Алла Юрьевна, и Саблин посидел с ней на веранде ресторана, попивая зелёный чай с алтайскими травами. Виделись с сестрой они редко, поэтому обоим было о чём поговорить.

– Поздравляю, – сказала директор «Марьиного острова», узнав о предполагаемой свадьбе брата, – неужели решился? Я помню, ты с детства утверждал, что никогда не женишься, так как рождён для свободного полёта.

– Жизнь изменилась, – с беглой улыбкой пожал плечами Саблин. – Я не сразу понял, что люблю Варвару. В этом смысле мне повезло больше, чем Прохору.

– А у него что за проблема?

– Он любит одну женщину, она его нет.

– Кто она?

– Юстина Бояринова, майор полиции.

– Даже так? – подняла умело подведённые брови Алла Юрьевна. – Не каждая женщина способна стать майором.

– Она к тому же ещё командир группы спецназа, очень решительная особа. Я знаю её с детства, и это я познакомил с ней Прохора.

– Жалеешь об этом?

– Нельзя сказать, что жалею. Они оба мне дороги, оба мои друзья, хотя и относятся к жизни по-разному. В последнее время что-то сдвинулось в их отношениях, ледниковый период закончился, Юстя стала больше уделять ему внимания. Может, всё и образуется, сыграем две свадьбы.

– Где он работает?

– В студии технического дизайна «Наноболт».

Алла Юрьевна улыбнулась.

– Звучит непрезентабельно. Он инженер по образованию?

– Математик. – Саблин хотел рассказать об увлечении Прохора формонавтикой, но передумал. – Решает одну интересную задачу.

– Почему вы так маскируетесь? Чужие фамилии, напустили туману, никуда на экскурсии не поехали.

– Появилась одна проблема, – поморщился Данимир. – Если бы не она, мы к тебе, наверно, и не прилетели бы. Постарайся нигде не распространяться о нашем приезде. Даже если позвонят и спросят.

– Во-первых, я не распространяюсь, ты меня знаешь. Во-вторых, кто может мне позвонить и спросить?

– Из Москвы. – Саблин сделал паузу. – Из полиции.

Алла Юрьевна нахмурилась:

– Даже так? Надеюсь, вы ничего криминального не совершили?

Саблин поднял руки, поклялся:

– Ни боже мой!

Алла Юрьевна подозрительно посмотрела на него, но у неё зазвонил мобильный, и она отвлеклась.

Саблин поднялся, шепнул на ухо:

– Поговорим вечером, не буду мешать.

Вышел из ресторана.

Прошло уже больше четырёх часов с момента, как он покинул номер Прохора, но тот не звонил, и у Данимира шевельнулось нехорошее предчувствие.

На стук в дверь математик не ответил. Молчал и его мобильный.

Саблин потолкал дверь, всё больше беспокоясь, позвал друга, потом вспомнил, что может зайти к нему в номер со стороны веранды, и открыл дверь своего номера.

Дверь из номера Прохора на веранду была полуоткрыта.

Сам он лежал в спальне на кровати в шортах и майке, навзничь, с закрытыми глазами, и, казалось, спал. Грудь математика вздымалась редко, но спокойно.

Саблин дотронулся до его плеча.

Прохор не пошевелился.

Саблин потряс его за плечо, за руку, дёрнул за ухо.

Прохор не просыпался.

«Он в «матрёшке»!» – мелькнула догадка.

– Тьфу ты! – Данимир с облегчением стукнул себя кулаком по бедру, сел на прикроватную тумбу, разглядывая неподвижное лицо математика. Захотелось облить спящего водой. Однако вряд ли это вывело бы Прохора из состояния «пси-полёта», и от затеи он отказался.

Посмотрел на часы. Неизвестно, сколько времени отсутствовал Прохор в своём теле, но в том, что он не сообщил о своём путешествии, крылось что-то неправильное. Он должен был предупредить спутника, если только не собирался вернуться в течение короткого времени. Где он сейчас, в каком числомире? В глубины каких Бездн забрался? Может, нашёл ДД и беседует с ним?

Саблин провёл ладонью по волосам, беззвучно выругался, вернулся к себе, переоделся. Утолил жажду вкусной водицей из-под крана, снова зашёл в номер Прохора.

Тот не шевелился, по-прежнему пребывая в сомнамбулическом состоянии, и ни на что не реагировал.

Оставалось только терпеливо ждать, когда он вернётся в тело и откроет глаза.

* * *

Прохор не пришёл в себя ни через час, ни к ужину, ни к ночи.

Панику Саблин, забывший о еде и о собственных планах, поднимать не стал, но Юстине позвонил, так как не знал, что делать в создавшейся ситуации.

– Он в коме? – уточнила она сухо.

– Он в других мирах, – попробовал возразить Саблин, удивлённый её реакцией.

– Это лечится?

– Прохор всегда выходил из этого состояния сам. И это не болезнь, я тебе уже объяснял.

Юстина помолчала.

– Ваши Охотники появлялись?

Саблин понял, что она не совсем представляет, о чём идёт речь, но объяснять по телефону наметившуюся проблему не рискнул.

– Они могут объявиться в любой момент.

– Хорошо, я прилечу.

– Тебя встретить?

– Доберусь сама, будь с ним.

Юстина выключила телефон, и Саблин с невольным сочувствием подумал о переживаниях подруги Прохора, нынешних и будущих. Она не представляла, с чем ей придётся столкнуться, хотя была уверена в разрешимости любых проблем.

Прохор не пришёл в себя и к ночи.

Чтобы у него не образовались пролежни, Саблин дважды переворачивал математика с боку на бок, удивляясь податливости его тела, с тревогой прислушивался к дыханию друга: дышал Прохор редко, десяток раз в минуту, и почти так же работало его сердце – максимум тридцать ударов в минуту.

На всякий случай Данимир запасся медикаментами, сходя в медцентр, и шприцем, чтобы сделать укол при выявлении явной сердечной недостаточности, и попросил у дежурной медсестры утку – для возможного непроизвольного мочеиспускания.

Алле Юрьевне о происходящем он говорить пока не стал, надеясь, что к утру Прохор всё-таки выберется из плена Бездн самостоятельно. Да и прилёт Юстины облегчал задачу, так как позволял хоть на минуту расслабиться самому.

Ночь прошла спокойно.

Прохор не двигался, потеряв сознание (оно и в самом деле отсутствовало, представляя личность математика в иных пространствах), Саблин подходил к нему каждый час, изредка пошевеливая, дремал, пил чай и считал минуты.

Утро не принесло изменений в положении обоих.

Юстина позвонила в начале девятого, сообщив, что самолёт приземлился и она уже едет из аэропорта Горно-Алтайска в Чемал.

Саблин предупредил охрану о госте из Москвы, глотнул кофе в ресторане, не заказывая завтрака, заглянул в номер Прохора и снова поспешил к воротам комплекса.

Интуиция не подвела и на сей раз: Юстина приехала не одна, её сопровождали два молодых парня, со спокойными малоподвижными лицами. Обладая колоссальной выдержкой и хладнокровием, они представляли собой грозную силу, а подчинялись Юстине по-армейски – по взгляду.

Когда все четверо шли от стоянки машин к первому корпусу, из него вышла Алла Юрьевна в сопровождении женщины средних лет в белом халате.

Саблин понял, что зря не рассказал сестре о возникшей проблеме.

Однако обошлось.

Юстина кинула взгляд на него, мгновенно поняла, кто здесь главный, и обозначила улыбку, здороваясь:

– Доброе утро.

– Доброе, – остановилась директор комплекса, посмотрела на брата.

– Это Юстина Артёмовна, из Москвы, – поспешил Саблин представить подругу Прохора. – Я говорил.

– Очень приятно. – Алла Юрьевна окинула Юстину оценивающим взглядом. – Надолго к нам?

– Пока не знаю, – сказала Юстина, – всё будет зависеть от обстоятельств.

– Вам у нас понравится, – пообещала Алла Юрьевна.

– Надеюсь.

Саблин боялся, что Юстина начнёт показывать манеры майора спецназа, но этого не случилось. Не стала продолжать тему и Алла Юрьевна, предупреждённая братом о полномочиях госты из Москвы.

– Устраивайтесь, обживайтесь, осматривайтесь, номер вам выделен, потом можем побеседовать. Он поможет.

Алла Юрьевна кивнула на Саблина и двинулась ко второму корпусу пансионата, догоняя женщину в халате.

– Где он? – посмотрела Юстина на Саблина.

– Здесь, на третьем этаже, – показал он на блок «Ступени».

– Осмотритесь, – бросила девушка спутникам и пошла вперёд.

Парни отстали, внимательно разглядывая здания комплекса и горы за ними.

Проход лежал в той же позе, в какой его оставил Данимир.

Юстина подошла к кровати, окинула его оценивающим взглядом.

– Он что, так и лежит с тех пор?

– Да, – выдавил Саблин.

– Похоже на потерю сознания.

– Именно это и происходит, его сознание сейчас гуляет по другим числомирам.

– Врач может вывести его из этого состояния?

– Уверен, что не сможет. Проход не больной, он формонавт, я рассказывал тебе об этом.

– Тогда каким образом его можно вызвать обратно?

Саблин с удивлением воззрился на Юстину, перевёл взгляд на Прохода, хотел отрицательно мотнуть головой, мол, никак, и поймал робкую мысль.

– Подожди... чёрт! Я подумал...

– У тебя тоже это случается? – иронически осведомилась Юстина.

– Что? А-а, да, иногда приходится думать, – не смутился Саблин. – Когда голова работает. Я знаю, что делать.

Юстина перестала рассматривать номер, прошла до выхода на веранду, остановилась у кровати Прохода, не сводя с него сосредоточенного взгляда.

– В больницу?

– Ни в коем случае! Сначала я прыгну в Бездны.

– Куда?

– Я умею перемещаться по числомирам, Проход научил. Во втором Ф-превалитете я уже останавливался и разговаривал с тамошним Саблиным.

– С кем?

– Потом объясню. Я снова опущусь... вернее, поднимусь во второй числомир и поговорю с «родичем», а он попросит своего Прохода поискать нашего.

– Ничего не понимаю!

Саблин взял Юстину за плечи, повернул к себе:

– Поверь мне, это шанс! Я сейчас отключусь на несколько минут и вернусь. А ты побудь возле нас и никого не пускай.

Юстина прикусила губу, внимательно посмотрела Данимиру в глаза. Но возражать и задавать новые вопросы не стала.

– Хорошо, жду.

Саблин кинул взгляд на Прохода, вышел из спальни и присел на диван в гостиной, успокаивая сердце и мысли. Потом прилёг, сосредоточиваясь на переходе в состояние «потока информации», по словам Прохода, взял в руки многогранник эргиона, устроил на груди.

Юстина, стоя в дверях, молча наблюдала за ним.

Он постарался улыбнуться как можно увереннее.

– Всё будет хорошо, я ненадолго.

Она нерешительно оглянулась на Прохода, и Данимир добавил:

– Мы вернёмся!

Эргион шевельнулся под рукой мягкой тёплой мышкой, на голову снизошла тишина...

Засада

Он зашёл сюда случайно, вдруг надумав проверить, чем отличается мир-999 от мира «простой одиночной» девятки.

Цифра 9 – эннеада олицетворяла собой в эзотерическом смысле высшую гармонию, дающую знание Закона Добра и Зла. Пифагор считал её числом Выбора Пути, несущего ошибки и недостатки, как и положено девятке, так как до «совершенного» числа – 10 ей не хватало единицы.

Именно поэтому девятка признавалась адептами цифрологии и числонавтики цифрой ограниченной, собирающей внутри себя все цифры от единицы до восьмёрки.

Проход посетил числомир-9, в котором его «родич» работал обыкновенным рабочим на заводе вертолётных двигателей и жил в Суздале. Ничем особенным этот мир его не удивил. Матрица его геометрии базировалась на свойствах девятигранника, выстроенного из куба – в основании и четырёхгранной пирамиды, поэтому в архитектуре превалировали тяжеловесные прямоугольные формы, далёкие от «летающей» готики и экспрессионизма, искажающего форму ради эмоционального эффекта зрительских тел.

Суздаль-9 в этом свете выглядел массивно-тяжеловесным, колокольни его церквей и храмов не возносились в небо, а росли как грибы-дождевики. Творчество зодчих девятого числомира вызывало скорее беспокойство, нежели доставляло эстетическое удовольствие.

Впрочем, здесь даже природа была пронизана «кубическими» пропорциями, порождая удивительные растительные формы, гротескно напоминающие создания рук человеческих. Стволы деревьев, к примеру, редко принимали округлые формы, поэтому глаз в скоплении прямоугольных «шестов» с зелёными шапками листьев наверху невольно искал табличку: «Художественная инсталляция».

Проход возвращался издалека: он впервые рискнул нырнуть в «матрёшку» ниже мира мириады – числа 10000. Ближайшим узлом Капрекара от мириады был числомир под номером 549945. Восприятие математика нарисовало его как мир зеркальной пены, так он был изменчив и при этом логичен и материален. Несмотря на постоянную трансформацию рукотворных объектов – зданий, сооружений, машин, внутренних интерьеров, функциональное назначение объектов сохранялось, отчего зайдя в кафе Суздаля под названием «Нетёка» (буквы русского алфавита хотя и были искажены, напоминая древнерусские письмена, но читались легко) с одним интерьером, Проход вышел из кафе с другим интерьером, но не заметил ни капли волнения у посетителей, принимающих колебания реальности как нечто совершенно привычное.

Разумеется, в кафе ходил не он, а его «родич» – Проход-549945, мелкий клерк в государственном учреждении «Муниципальная служба быта», но суть полученных впечатлений от этого не менялась. К тому же «родич» понятия не имел, кто такой ДД, и оставаться в этом мире долго не имело смысла.

После этого, возвращаясь домой, Проход и «завернул в гости» к Проходу-999, возжелав посмотреть на его жизнь.

Он не понял, что произошло, когда поток сознания-воли-информации домчался до числомира 999 и развернулся в голове «родича».

Показалось – сзади захлопнулась тяжёлая стальная дверь!

Он даже оглянулся – в фигуральном смысле, хотя глаза Прохода-999 смотрели прямо перед собой, а сам он сидел неподвижно в необычного вида кресле, зажатый какими-то рычагами и скобами так, что не мог пошевелиться.

Напротив на белой стене висел чёрный прямоугольник, напоминающий экран гигантского телевизора. Чуть ниже под ним из стены высывались чешуйчатые рога, испускавшие еле заметные голубоватые молнии.

Боковым зрением Прохор мог видеть шипастые стеклянные колонны, а также часть белого потолка, с которого свисали такие же чешуйчатые рога, и часть гладкого пола, устланного мраморными с виду плитами.

Он попытался зайти в «базу данных» местного Прохора – в его память и был буквально оглушён криками:

- Уходи!
- Не останавливайся!
- Беги!
- Куда ты вылез, идиот!
- Спасайся!..

Он инстинктивно рванулся «назад», пытаясь «развернуться» в голове Прохора-999, однако наткнулся на ту самую «стальную» дверь и едва не потерял сознание от удара. В голове (в собственной голове, по ощущению) загудело, крики превратились в лягушачье кваканье и воронье карканье, обрушившееся на голову со всех сторон долгим эхом.

Потом сквозь кваканье и карканье раздался шуршащий скрипучий голос:

«Поздравляю с прибытием, сэр».

«Кто здесь?!» – напрягся Прохор, прислушиваясь к утихающим шепоткам.

«Ещё не понял?»

«Н-нет...»

«Тогда что ты здесь делаешь?»

«Ищу... нужного... человека...»

«Нашёл, дурак?! – взвился чей-то яростный крик. – Ты теперь один из нас!»

«Один... из... кого?»

«Ты ведь Прохор Смирнов? – прозвучал тот же скрипучий голос. – Я тоже, хотя и из другого превалитета. Кстати, ты из какого?»

«Из одиннадцатого».

«Я из тысяча сто одиннадцатого. Нас здесь – Прохоров – больше трёх десятков. Но кроме нас и других путешественников хватает».

«Куда я... попал?»

«Не выберешься теперь, болван! – со злобной радостью сообщил обладатель яростного голоса. – Будешь сидеть здесь до скончания века!»

«Где я?»

«В Узилище, друг мой, – печально сказал Прохор из тысяча сто одиннадцатого числомира, – в Узилище».

«Где?!»

«В принципе, это голова одного из нас – Прохора-три девятки, но одновременно это и Узилище. Тюрьма. Всю эту свору путешественников по числомирам загнали сюда Охотники, мозг трёхдевятичного Прохора лишь послужил вместилищем всех волновых пси-структур, способных перемещаться по уровням «матрёшки». Надеюсь, ты понимаешь, о чём идёт речь. Тебя тоже достали Охотники?»

«Нет... я сам... пришёл...»

«Болван чугунный! Он сам пришёл! – заорал тот же яростный голос. – Сдохнуть можно! И что ты тут хотел найти? Золото?!»

«Не слушай его, он в отчаянии, – раздался другой голос, помоложе и потвёрже. – Я Прохор-77. Неужели тебе не сообщили об Узилище? Или хотя бы об опасности числоформодайвинга?»

«Намекали... я не понял».

«А когда понял, было поздно?»

«Теперь он с нами! – раздалось рыдание. – Чего с ним разговаривать? Мы никогда не выйдем отсюда!»

Ответом невидимому пленнику Узилища, каким теперь стал и Прохор, была тишина.

Перенос ответственности

Визит Саблина из одиннадцатого числомира застал Данияра врасплох. Чтобы не смущать Евгения, пришлось выйти из кабинета, оставив компаньона разбираться с претензиями налоговых служб, и разговаривать с «родичем» в туалете. Закончив короткий мысленный контакт «с самим собой», Саблин понял, что его предположения подтверждают истину: ситуация начала меняться в худшую сторону, и надо было срочно готовиться к грядущим невзгодам.

По пути в кабинет он позвонил Прохору и попросил ускорить сборку эргиона.

– Я только этим и занимаюсь, – огрызнулся математик, хотя голос у него был сонный; скорее всего он спал. – Что за спешка?

– Обстоятельства изменились, – неласково сказал Саблин, не желая по телефону распространяться о визите Саблина-11. – При встрече расскажу. Собирай модуль, он скоро понадобится.

После этого Данияр позвонил Устинье.

– Ты занята?

– Поселяю группу из Африки, освобожусь к вечеру.

– Надо встретиться.

– Что-нибудь с Прошей? – встревожилась девушка.

– Всё нормально, просто есть нужда кое-что обсудить.

– Подъезжай к шести.

– Хорошо, подъеду – позвоню.

Он вернулся в кабинет, где Евгений беседовал с новыми посетителями, желавшими устроить на территории клуба некий бизнес, и честно возился с документами делегаций Кореи и Китая. Договорился встретиться с Лерой после восьми часов вечера. Потом поспешил на улицу Энгельса, где располагалась туристическая контора Устиньи.

Девушка выбежала через минуту, воздушная, лёгкая, гибкая, красивая. Глядя на неё, трудно было представить, что эта хрупкая девчонка способна прыгать со скал и дать фору спортсменам-мужчинам.

Сев рядом в машину Саблина, она чмокнула его в щёку.

– Что ты хотел обсудить?

– Посидим в кафе?

– Не хочу, поехали ко мне. Я пообещала Проше привезти домашнюю выпечку.

Саблин завёл двигатель, машина покатила к перекрёстку.

– Нам с Прохором придётся уехать.

Глаза Усти по обыкновению стали большими и тревожными.

– Опять? Ему грозит... опасность?

Саблин усмехнулся. Устя думала лишь о своём любимом, словно опасность угрожала только ему.

– Я и хочу увезти его подальше отсюда, чтобы ему не грозила опасность.

– Надолго?

– На месяц-два.

– Ох, как долго! – огорчилась девушка.

– Можешь присоединиться.

– А жить мы на что будем? Я хоть и чемпионка мира, но больших премий за это не получаю.

– Разве спонсоры вам ничего не платят?

– Платят, но копейки. Я получу десять тысяч долларов, да и то не сразу, а через месяц, когда выплатит федерация.

– Ничего, выкрутимся, да и я заработаю... если выиграю турнир. В отличие от вас за победу нам платят покрупче.

– Всё равно это плохо, меня не поймут на работе, если я попрошу два месяца отпуска.

Саблин, поворачивая на проспект, искоса посмотрел на спутницу, и Устя поспешно добавила:

– Но если нужно, я, конечно, поеду. Вы уже наметили куда?

– Об этом я и хотел поговорить.

Машина свернула на улицу Пожарскую, остановилась напротив пятиэтажного дома, покрашенного в весёленький жёлтый цвет.

Устинья с мамой жила на втором этаже, в небольшой двухкомнатной квартире. Мама девушки, Вероника Сергеевна, работала в больнице и в настоящий момент отсутствовала.

Устинья провела гостя в дом, скрылась в ванной и вышла посвежевшая, в халатике.

– Чай или кофе?

– Чего-нибудь холодного.

– Кефир подойдёт?

– Тащи.

Она скрылась на кухне, а Саблин прошёлся по гостиной, оглядывая хорошо знакомую обстановку. Семья Бояриновых жила скромно, однако умело поддерживала уют, и он мимо-лётно подумал, что Устя будет хорошей женой.

Сели у открытого окна, из которого через кисейную занавеску в квартиру влетал ветерок, неся запахи близкого лесного массива – Вспольевский парк был рядом – и, к сожалению, бензиновых выхлопов с улицы.

Данияр допил кефир, крякнул.

– Кисленький, холодненький... Короче, прежде чем говорить с Прохором, хочу найти вариант такого убежища, которое обеспечило бы ему если не комфорт, то хотя бы уютную жизнь. И ты мне поможешь.

– Каким образом?

– На тебя ляжет вся забота о нас обоих. Не будешь возражать? Мне хочется, чтобы ты выбрала уголок по душе. Если только тебе не будет в тягость вся хозяйственная рутина.

– Какая тягость? – грустно улыбнулась Устинья. – Мне с ним везде хорошо. А он...

– Что он?

– Прилетели из Норвегии, и снова как чужой. Думает о чём-то, от компьютера не отходит.

– Его можно понять, потерпи. Я знаю, что он изменится.

– Вряд ли.

– Жизнь заставит, да и любит он тебя, хотя и не знает ещё об этом.

– Умеешь ты поднимать настроение, – фыркнула Устя. – Как настоящий психолог. Только меня не надо ни жалеть, ни успокаивать. Куда вы намереваетесь полететь?

– Я выбрал четыре неплохих варианта. Первый – в Италию, в ущелье Фрасасси. Там ещё в 70-х годах прошлого века найдены пещеры, настоящий лабиринт, куда водят экскурсии. Под Анконой вырос самый настоящий город любителей спелеологии, где легко затеряться.

– Ни разу не была.

– Я тоже не был, будет интересно, там в пещерах Святого пристанища двести лет назад построили церковь, а ещё раньше, в XI веке, капеллу Санта-Мария-дель-Фрасасси.

– К христианским святыням я равнодушна.

– Понятно, не настаиваю, идём дальше. Остров Суртсей.

– А это где?

– Юг Исландии, небольшой островок, родившийся в 60-х годах прошлого века благодаря вулкану. Вулкан давно потух, и предприимчивые исландцы построили на острове городок для туристов. С высоты остров похож на череп грызуна, ландшафт его прямо-таки инопланетный, туристы валом валят. Летим до Рейкьявика и селимся в городке.

Устинья сморщила носик.

– Может быть, это и экзотично, и красиво, но скоро приестся. Да и вулкан рядом, может проснуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.